

НОВОЕ ВРЕМЯ

88

Основатель А. С. Суворинъ.

№ 14302

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 2-го (15-го) ЯНВАРЯ 1916 ГОДА.

№ 14302

Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь
АЛЕКСѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Съ офорта М. В. Рундальцова.

Пятнадцать и девятнадцать.

Рассказ.

I.

Кое-какия странности в поведении старого барина Теремцова, правда, была замечена его прислугой вскоре после пятнадцатого октября, однако ни лакей Герасимъ, ни экономка Никитишна, — люди возраста почтеннаго и спокойствія чрезвычайнаго, — не только не придавали значения замеченной перемене, но только не задумывались о причинах ея, но в первое время даже не считали нужнымъ дѣлиться другъ съ другомъ своими наблюдениями...

Иначе на упомянутую перемену реагировалъ городской Фунтиковъ, впечатлительная натура, чуткая ко всякому порядку, случавшемуся въ околоткѣ.

Да, не даромъ Фунтиковъ слышетъ за «расторженнаго», не даромъ носить на шеѣ двѣ большія медали за усердіе и одну малую (за ту же добродѣтель!) на груди, рядомъ съ прочей «кавалеріей». Кроме того, уважалъ вообще всѣхъ домовладѣльцевъ своего района, Фунтиковъ уважалъ Теремцова предпочтительно передъ другими за приветливость, за щедрость, за генеральскій чинъ и за то, что въ берншіе праздники «у нихъ съ визитомъ персоны изъ градоначальства бывають!».

Итакъ, въ то достопамятное утро Фунтиковъ стоялъ на своемъ обычномъ посту въ концѣ переулка, и только что успѣлъ просмотрѣть газету, когда изъ двери теремцовскаго окобняка вышелъ «самъ» Петръ Александровичъ.

— Должно десятый часъ, генералъ на прогулку идетъ! — подумалъ Фунтиковъ и, вытянувшись, равкнулъ, какъ всегда:

— Здравія желаю, ваше-ство!

Вместо обычнаго шутиваго: «здравствуй, здравствуй Полъ-фунтиковъ!.. (или даже «Четверть-фунтиковъ!»), Теремцовъ на сей разъ только сердито крикнулъ и, не глядя на озадаченнаго бюстителя порядка, молча свернулъ къ Арбату...

Въ слѣдующія утреннія дежурствя Фунтикова повторилось то же, и онъ не на шутку встревожился, рѣшивъ, что «они — обидимши».

Нѣкоторое время онъ терзался сомнѣніями, перебирая въ памяти все, что могло вызвать неудовольствіе стараго барина и, наконецъ, пришелъ къ выводу:

— Вѣрите всего набрехалъ этотъ кляузный Кузмичъ!

А «набрехалъ» только за то, что онъ, Фунтиковъ, на прошлой недѣлѣ заставилъ его въ неурочный часъ подмести улицу...

Поэтому, увидѣвъ кляузнаго дворника, сидѣвшаго на каменной плитѣ подъѣзда, Фунтиковъ, предполагая объясниться, сдѣлалъ видъ, что обходитъ переулокъ, а когда поровнялся съ подъездомъ, равнодушно процѣдилъ сквозъ зубы:

— Сидишь, старый стервецъ?! Сиди, сиди, куда я те не насидѣлъ отседова!

Старикъ-Кузмичъ, погруженный въ сладкія мечты о томъ блаженномъ времени, когда «спать ослобонять винополію», такъ опѣшилъ отъ неожиданности, что даже выпорхнулъ изо рта своего трубочку-носотрѣйку и, только черезъ минуту пріявъ въ себя, завопилъ вслѣдъ Фунтикову:

— Ты ты чего лаешься, цесъ этакій? Что я тебя трюаю, что ли?!

— А... а, ты что же?... выпрачатся? я-те за «пса» знаешь?... Я-те при исполненіи обязанностей...

Фунтиковъ, съ угрожающимъ видомъ повернувшись, смѣрилъ дерзкаго дворника пощепалюющимъ взглядомъ, но, видимо, тѣтъ же рѣшивъ измѣнить тактику, лишь величественно высморкался «въ

сторону» и, оправивъ на груди «кавалерію», продолжалъ тономъ горькаго разочарованія:

— «Лаешься»!... Мы то вотъ, если упокоеніе души... Ну, а послѣ этого — ничего, все какъ надо: кофію выпили, ли, либо при этомъ вяло бормотать подъ пальцами... Мы то вотъ, если упокоеніе души... Ну, а послѣ этого — ничего, все какъ надо: кофію выпили, ли, либо при этомъ вяло бормотать подъ пальцами... Мы то вотъ, если упокоеніе души... Ну, а послѣ этого — ничего, все какъ надо: кофію выпили, ли, либо при этомъ вяло бормотать подъ пальцами...

Эта рѣчь, сопровождавшаяся соответствующими жестами, настолько тронула Кузмича, что онъ, забывъ нанесенное ему словесное оскорбленіе, тоже произнесъ рѣчь, въ результатѣ чего многолѣтняя дружба была опять восстановлена, а затѣмъ, когда Фунтиковъ смѣнился съ дежурства, друзья еще разъ обсудили поведеніе стараго барина при участіи Герасима, Никитишны, повара и кучера.

Оказалось, что нѣкоторыя странности уже замѣчены всѣми домашними, а именно: послѣ дня своего рожденія баринъ не то хвораетъ, не то — въ помутненіи разсудка! Самъ съ собой разговариваетъ, ни на кого не смотритъ, въ клубъ вечерами не ѣздитъ, никого дома не принимаетъ, а все сидитъ у себя въ кабинетѣ да какія-то числа на бумажкѣ пишеть...

— А вчера, — рассказывалъ Герасимъ, — я это подаю имъ умываться, а они вдругъ — какъ заплачуть! «Умру, — говорятъ, — Герасимунка. Помолись, — говорять, — хоть ты за меня... Вместе столько жѣтъ въ мирѣ да тишииъ прожили... А молишься, — говорять, — за меня некому... И туды, я сюда: «Что вы, — говорю, ваше превосходительство! Еще, — говорю, — поживите, Богъ дастъ, на здоровье! Другіе, — говорять, — въ вашемъ возрастѣ еще женятся»... «Нѣтъ, — отвѣчаютъ, — Герасимунка, — ты меня не утѣшай: мнѣ доподлинно извѣстно — умру въ скорости...» Н-да... Общались за мою многолѣтнюю служ-

бу въ завѣщаніи упомянуть-сь! Хорошо-розовой «красавицей» лососиной и ворять, — не забуду, только молитесь за торга; либо молча платить, что спрашива- ли, либо при этомъ вяло бормотать подъ пальцами...

— Да ужъ ладно... все равно! Дерите, мошенники... Встрѣчая знакомаго, Теремцовъ ограничивался молчаливымъ поклономъ, тогда какъ прежде многіе старались улизнуть отъ него подальше, опасаясь безкомеднаго разговора «о томъ и о семъ». Больше того: часто Петръ Александровичъ теперь не замѣчалъ, или не хотѣлъ замѣтить знакомаго, не отвѣчалъ на поклонъ... А знакомые обижались, цедоумывали: почему это онъ сталъ невѣжей?

По что всего удивительнаго, — это то, что Теремцовъ, никогда въ жизни не лечившійся, потому что «доктора не умѣютъ вставлятъ новое сердце, легкія, печень и т. д.», вдругъ пригласилъ знакомаго доктора, да не въ гости, а для леченія, сталъ покорно глотать утромъ и вечеромъ пилюли, капли, порошки, пить минеральныя воды, а въ поярѣ перешелъ на вегетаріанскій столъ и бросилъ курить. Цѣлыми днями Петръ Александровичъ вычислялъ что-то, но, до всѣхъ признаковъ, эти вычисления не касались приходовъ и расходовъ, такъ какъ въ послѣднее время онъ не только пересталъ повѣрять ежедневныя сѣмты Никитишны, но и вообще относился къ своимъ денежнымъ дѣламъ крайне нерадиво, даже просто нерадиво.

— Да опять же, — вставилъ задумчиво поваръ, — нешто имъ что значить проиграть хоть тыщу?!

— Н-да... а... Одно слово — богачи, — почтительно поддержалъ и Фунтиковъ. — Вотъ то-то и оно... Да и въ клубъ который день ужъ не ѣздили. Они теперь все дома, и все считаютъ, а что — и не разберу: напишуть на листкѣ и въ столъ запрутъ, опять напишуть — и опять спрячуть...

— Да опять же, — вставилъ задумчиво поваръ, — нешто имъ что значить проиграть хоть тыщу?!

— Н-да... а... Одно слово — богачи, — почтительно поддержалъ и Фунтиковъ.

— Вотъ то-то и оно... Да и въ клубъ который день ужъ не ѣздили. Они теперь все дома, и все считаютъ, а что — и не разберу: напишуть на листкѣ и въ столъ запрутъ, опять напишуть — и опять спрячуть...

Поведеніе Петра Александровича и видъ дома обращало на себя вниманіе. Напримеръ, охотно-рядскіе рыбки, старинныя пріятели Теремцова, уже не слышались больше его обычнымъ шуткомъ; онъ совершенно равнодушно разсматривалъ

«самые особенныя балыки», не любозался ижно-розовой «красавицей» лососиной и вопреки обычаю, не тѣшился процесомъ торга; либо молча платилъ, что спрашивали, либо при этомъ вяло бормоталъ подъ пальцами...

— Да ужъ ладно... все равно! Дерите, мошенники...

Встрѣчая знакомаго, Теремцовъ ограничивался молчаливымъ поклономъ, тогда какъ прежде многіе старались улизнуть отъ него подальше, опасаясь безкомеднаго разговора «о томъ и о семъ». Больше того: часто Петръ Александровичъ теперь не замѣчалъ, или не хотѣлъ замѣтить знакомаго, не отвѣчалъ на поклонъ... А знакомые обижались, цедоумывали: почему это онъ сталъ невѣжей?

По что всего удивительнаго, — это то, что Теремцовъ, никогда въ жизни не лечившійся, потому что «доктора не умѣютъ вставлятъ новое сердце, легкія, печень и т. д.», вдругъ пригласилъ знакомаго доктора, да не въ гости, а для леченія, сталъ покорно глотать утромъ и вечеромъ пилюли, капли, порошки, пить минеральныя воды, а въ поярѣ перешелъ на вегетаріанскій столъ и бросилъ курить. Цѣлыми днями Петръ Александровичъ вычислялъ что-то, но, до всѣхъ признаковъ, эти вычисления не касались приходовъ и расходовъ, такъ какъ въ послѣднее время онъ не только пересталъ повѣрять ежедневныя сѣмты Никитишны, но и вообще относился къ своимъ денежнымъ дѣламъ крайне нерадиво, даже просто нерадиво.

II.

Въ 1909 году умеръ братъ Петра Александровича, Левъ Александровичъ Теремцовъ; умеръ внезапно, отъ разрыва сердца, за обѣдомъ. Кажется, чего тутъ страшнаго, непонятнаго: жилъ, жилъ человекъ, да и померъ, и разрывъ сердца случается у весьма многихъ, и за обѣдомъ люди часто умирають! Однако, Петръ Александровичъ объ этомъ печальномъ происшествіи всегда разсказывалъ, какъ о чемъ-то не столько печальномъ, сколько загадочномъ, таинственномъ...

— Вотъ, — обычно начиналъ онъ, — вы говорите (хотя бы «вы» ничего подобнаго не говорили!), что спиритизмъ это — чепуха! Однако, сѣмью васъ увѣрить, вы ошибаетесь! Я, признаться, въ свое время держалъ *сашитъ* взглядомъ на сей предметъ, но примѣръ изъ жизни покойнаго брата моего заставилъ меня задуматься.

Скептики, не разъ уже слышавшіе повѣствованіе Петра Александровича, многозначительно переглядывались и вздыхали, а Теремцовъ послѣ своего непремѣннаго вступленія продолжалъ:

— Надо вамъ сказать, милый другъ, у батюшки насъ было трое: я, братъ Левъ и сестрица Танечка, скончавшаяся во младенчествѣ. Меня опредѣлили по гражданской, въ честь батюшки, а Леву по военной, въ честь дѣда, тоже Льва Теремцова, героя Отечественной войны... Ну-съ... Какъ вы знаете, я особыми талантами не блещу, наружностью меня тоже природа не наградила и, думается, поэтому жизнь моя сложилась чрезвычайно просто, — пожалуй, даже скучно: не было въ ней ничего примѣчательнаго даже, знаете ли, влюбленъ ни разу не былъ, не говоря уже о болѣе сложныхъ событіяхъ... И родился, и учился, и прожилъ въ Москвѣ почти безвыѣздно до старости, да и умру вѣроятно здѣсь же, если Богъ приведетъ! Другое дѣло братъ Левъ: и талантливъ, и красавецъ (весь въ матушку, — батюшка имѣлъ приблизительно мою наружность и комплекцію!), да и жизнь его изобилвала всевозможными, — если такъ можно выразиться, — этапамъ!

— Какъ-то, давно уже, былъ я въ гости у брата (онъ въ ту пору служилъ здѣсь!). Было тогда въ большой модѣ столы вертѣть, духовъ выкликать и прочая, какъ вы думаете, — чепуха... Особенно усердствовали дамы... Ну-съ... Заставили сѣсть за столікъ и меня и Леву, а мы, понятно, ни-

«ПОДЪ СНѢГОМЪ». — Кар. академика А. Н. Шильдера.

Съ фот. Ксен. Глыбовской.

2-го... чему сверхъ... вѣрили... Хо... ли не моа... показатъ сн... Столикъ... за три и на... бы въ перѣ... пожкъ, и оп... поняли, что... именно ст... случаяхъ, и... имѣтъ чест... то Гастонъ... Монморанси... по специаль... стонъ раск... свою исторі... нуль ножко... спросилъ, ч... «Твоя роков... нилъ, что 1... Лева родилс... мя сумма ц... годъ его ро... щіе эту цн... имѣють и у... вой» годъ... пропалъ, а... не удалосъ... отнеслись к... гіе подсмѣн... Однако за у... шилъ провѣ... на; взялъ... своей жизни... «роковыя»... нимъ было... думали?! Въ пер... лись... Какъ... въ 1855 го... года — полу... ступленія... скарлатино... ду дрался... балъ нака... отца и дѣд... ванъ... Ж... Описываемо... среднѣ 80... этапы жиз... слѣдующее... вѣлъ... Ч... въ 1900 г... года не 19... ставляютъ... лученіе пер... такъ ужъ... кампанію б... изъ Манчѣ... немедленно... министр... принужден... интригамъ... Эти послѣд... связи съ в... янно перел... ченія и не... лись на ег... Петръ А... ственную... — 19 м... скончался!... Послѣ э... дѣлался... сѣвшиль... за карты... 15 октя... Петръ Але... присѣлъ за... смотрѣть... «Сердечн... шлемъ пол... — Гм... на Дмитрі... шла за ка... Петръ А... нялъ глаз... перевелъ... календарь... дата:

чему сверхъестественному в ту пору не вѣрили... Хорошо-съ! Одна из дам — чуть ли не моя belle-soeur — попросила духа показать сильное явление...

Столик подскокилъ этакъ примѣрно раза три и навалился на брата, затѣмъ какъ бы въ нерѣшимости покрутился на одной ножкѣ, и опять навалился. Ну, мы, конечно, поняли, что духъ желаетъ бесѣдовать именно съ Левой... Какъ водится въ такихъ случаяхъ, братъ освѣдомился, съ кѣмъ имѣетъ честь говорить. Оказалось — какой-то Гастонъ де-Фоссе, изъ знаменитаго рода Монморанси, магъ или алхимикъ, что ли, по специальности... Такъ-съ!.. Этотъ Гастонъ разсказалъ намъ въ общихъ чертахъ свою исторію, а затѣмъ неожиданно стукнулъ ножкой стола 19 разъ. Когда братъ спросилъ, что это значитъ, духъ отвѣтилъ: «Твоя роковая цифра»... Далѣе онъ объяснилъ, что 19 есть число мѣсяца, въ коемъ Лева родился (19 августа!) и въ то же время сумма цифръ, изъ которыхъ составленъ годъ его рожденія (1855 г.).

Вѣдь поразительная совпаденія открылись... Какъ я уже сказала, братъ родился въ 1855 году 19 августа (сложите цифры года — получите 19!). Въ годъ своего поступления въ корпусъ (1864) заболѣлъ скарлатиной и чуть не умеръ; въ 1873 году дрался на дуэли, убилъ противника, былъ наказанъ, а затѣмъ за заслуги отца и дѣда и по молодости лѣтъ помилуванъ... Женился въ 1882 году. Ну-съ! Описываемое случилось приблизительно въ срединѣ 80-хъ годовъ, а если прослѣдить этапы жизни Левы далѣе, то получимъ слѣдующее: въ 1891 году братъ овдовѣлъ... Чинъ генераль-майора получилъ въ 1900 году. Правда, сумма цифръ этого года не 19, но зато первая двѣ цифры составляютъ это число! Да и событие — получение перваго генеральскаго чина — не такъ ужъ значительно! Въ японскую кампанію братъ очень отличился, прѣхалъ изъ Маньчуріи генераль-лейтенантомъ и немедленно былъ назначенъ на видный административный постъ, а въ 1909 году принужденъ былъ выйти въ отставку по интригамъ... чѣмъ, конечно, всѣ знаютъ... Эти послѣдніе годы жизни брата, когда въ связи съ новой дѣятельностью, онъ постоянно переживалъ сильныя волненія, огорченія и неприятности, очень дурно отзывались на его здоровье...

Петръ Александровичъ дѣлалъ торжественную паузу и кончалъ: — 19 марта 1909 года братъ внезапно скончался!

Послѣ этого разсказа Теремцовъ всегда дѣлался хмурымъ, неразговорчивымъ и сѣдлалъ либо уѣхать домой, либо съѣсть за карты.

III.

15 октября, въ день своего рожденія, Петръ Александровичъ, проводивъ гостей, присѣлъ за письменный столъ, чтобы просмотрѣть поздравительныя телеграммы...

«Сердечно поздравляемъ днемъ рожденія, шлемъ поздравленія счастья, здоровья, Оскольскіе».

— Гм... кто это — Оскольскіе?.. Не Ивана Дмитриевича дочь?.. Кажется, она вышла за какого-то Оскольского...

Петръ Александровичъ, вспоминая, подпалъ глаза къ потолку, потомъ медленно перевелъ ихъ на висѣвшій надъ столомъ календарь... Ярko, отчетливо выступила дата:

СОВСѢМЪ ПРОНПРИНЦЫ

Шутникъ-приятель: — Откуда это ты такой огромный узелъ раздобыл? Совсѣмъ пронпринцы! Рис. С. Терпу („The Sketch“).

— 15 октября 1914 года!

Теремцовъ машинально сложилъ цифры года, получилось — пятнадцать. Это почему-то ошеломило его. Забывъ про Оскольскихъ и дочь Ивана Дмитриевича, онъ дрожащей рукой вывелъ на телеграммъ годъ своего рожденія — 1851 — сложилъ цифры, и, получивъ снова пятнадцать, даже привскочилъ съ мѣста отъ испуга.

— Господи, да неужто правда?! ...19 и 19... 15 и 15... такъ, такъ... родился въ 1851 году... Одинъ плюсъ восемь, плюсъ пять... — бессмысленно бормоталъ онъ. Надо проверить... да, да, проверить... Что же со мной дальше было, когда я университетъ кончилъ? Кажется, въ 1875 или 74-омъ...

Но «сумма цифръ» этихъ годовъ не содержала пятнадцати, зато, выписавъ подъ рядъ всѣ года своей жизни, Петръ Александровичъ нашелъ еще два роковыхъ года, 1860 и 1905. Къ ужасу Теремцова оказалось, что пятнадцатаго августа 1860 года онъ поступилъ въ гимназію, а въ 1905...

— Что же было въ 1905-омъ?! О... охъ, кажется, ничего особеннаго не было. Впрочемъ... Впрочемъ... Ну, конечно, такъ оно и есть! Хотъ въ отставку я вышелъ въ 1906 году, но прошеніе подавалъ въ концѣ 1905. Ну, вотъ...

Сомнѣній никакихъ не оставалось: въ 1914 году онъ долженъ умереть также точно, какъ въ 1909 году умеръ Левъ Александровичъ!

Всю ночь, не смыкая глазъ, Теремцовъ обдумывалъ свое страшное открытіе, и рѣшительно все убѣждало его въ томъ, что онъ не ошибся: никто изъ семьи Теремцовыхъ не дожилъ до глубокой старости, слѣдующій годъ, въ которомъ ему можно умереть, будетъ лишь черезъ 9 лѣтъ, а дожить до восьмюго десятка удается лишь немногимъ счастливицамъ, и вообще гдѣ выдался такой ужъ... «смертоносный», а, главное, роковое совпаденіе числа, составляющаго сумму цифръ не только 1914 и 1851 года, но и 1860 и 1905, ознаменованныхъ важными событиями, — съ числомъ дня его рожденія. Особенно ужаснымъ казалось Петру Александровичу умереть теперь, когда привелось дожить до такихъ необыкновенныхъ дней, какъ наши дни, и не увидѣть конца величайшей драмы человечества, не увидѣть новаго счастья міра, которое будетъ достойно его нынѣшнихъ тяжкихъ страданій и горя!

Однако, на что и кому сейчасъ нужна его скучная, бесполезная жизнь? Что потеряетъ міръ, если гдѣ-то въ Москвѣ умретъ какой-то старый Теремцовъ? Вѣдь происходящая сейчасъ чудовищная борьба ежедневно тысячами беретъ людей нужныхъ, молодыхъ, которые, быть мо-

жетъ, уносить съ собою въ могилу нѣчто действительно цѣнное для человечества: какіе-нибудь гениальные замыслы, научныя открытія, а то и просто свою молодую энергію, которой предостояло широкое примѣненіе въ будущемъ... А что такое онъ?! Онъ прожилъ тихо, спокойно 64 года, служилъ умъ «обыкновенно, какъ всѣ», не блисталъ талантами, какъ братъ Лева, даже влюбленъ ни разу не былъ... Правда, вла онъ сознательно никому не сдѣлалъ, но какой-нибудь крупной пользы обществу или ближнему не принесъ... Да, метрическаго свидѣтельства и паспортной книжки и кожная аттестатомъ зрѣлости, въ грандіозномъ организмѣ человека, которому теперь для борьбы съ извурительнымъ недугомъ нужны только молодые, стойкіе... Быть можетъ, такіе какъ онъ, даже обременительны сейчасъ... А все-таки, все-таки хочется жить, хотя бы бесполезнымъ, беспомощнымъ зрителемъ происходящаго!

Но онъ умереть непремѣнно! Докторъ пашелъ у него и нефритъ, и артритъ и циррозъ печени, и подагру, и геморрой, и еще чортъ знаетъ чего только не оказалось... И всѣ эти недуги, конечно, объяснять окружающимъ: почему онъ, Петръ Теремцовъ, умеръ въ 1914 году...

Чѣмъ меньше оставалось времени до конца года, тѣмъ меньше, такимъ образомъ, оставалось жить, тѣмъ жить хотѣлось мучительнѣе, жить хотѣлъ дѣлей, хотѣлъ днемъ, часомъ дольше, тѣмъ причудливѣе становились измышленія, направленные къ тому, чтобы обмануть неумолимый рокъ... Такъ, Петръ Александровичъ сообразилъ однажды, что этого онъ совсѣмъ пересталъ выѣзжать изъ дома, потому что экипажъ легко можетъ столкнуться съ автомобилемъ, зиса въ вынеленія, либо трамваемъ; ходить по улицамъ тоже казалось опаснымъ, а потому, вмѣсто фій» поданъ, и освѣдомился, гдѣ баринъ обычной утренней прогулки, онъ ежечасно тепло укутанный, сидѣлъ полчаса столовую? передъ открытой форточкой... Внимательно, украдкой, приглядываясь онъ къ линиямъ Теремцовъ. — Чего ты лѣзешь?.. Вѣдь ламъ домочадцевъ, стараясь найти въ видѣнш, что я болѣнь! Да! Болѣнь, и нѣхъ черты преступности. Когда у Герасима оказалась атакитическая асиметрія черепа и холодный взглядъ фій»!.. Ну, чего стоишь?! Убирайся!

тускло-сѣрыхъ глазъ на выкатъ, т. е. признаки врожденнаго убійцы, а у Никитины — низкій лобъ, широкая переносица и спокойно бѣгающіе глаза звонгли: спрашивали о здоровьи, и въ

(склонность къ воровству, картамъ, вообще легкой наживѣ). — Теремцовъ пересталъ пользоваться услугами Герасима, утромъ и вечеромъ одѣвался и раздѣвался самостоятельно, спально зашнуровалъ на ключъ и на всякій случай клялъ подушку заряженный браунингъ... Но такъ какъ можно забыть зашнуровать предохранитель и случайно застрѣлиться, то револьверъ, вмѣстѣ съ вынутой изъ него обоймой, клялся на столикъ передъ кроватью. Для того же, чтобы не проспать мгновенія, когда преступники будутъ ломиться въ дверь, была придумана особая сигнализация: надъ изголовьемъ каждый вечеръ укрѣплялся колокольчикъ, къ языку котораго привязывалась веревка, а ея свободный конецъ взматывался вокругъ дверной ручки...

Часто по ночамъ колокольчикъ, задѣтый самымъ спавшимъ, вызывалъ фальшивую тревогу... Бѣдный Петръ Александровичъ вскакивалъ, чуть живой отъ ужаса, дрожащими руками заряжалъ револьверъ, рискуя действительно поранить или убить себя, и вопилъ: — К...кто тамъ?! Ты, братъ... смотри, братъ!..

Зря переволновавшись, онъ уже не могъ спать до утра, а утромъ, чувствуя сердцебиеніе, тяжесть въ головѣ и тошноту отъ бессонной ночи, думалъ, что часъ насталъ, и готовился умереть каждое мгновеніе...

Комбинаціи съ роковыми цифрами — 15 и 19, — тоже, съ теченіемъ времени, все усложнились: четыре дѣйствія арифметическія уже не удовлетворяли изощренный умъ Теремцова: на сцену выступили изъ тѣмъ давно забытаго прошлаго — радикалы, степени, уравненія, даже Бинномъ Ньютономъ и логарифмы... Въ качестве магента для изслѣдованій, изъ всѣхъ хранилищъ были извлечены бумаги, начиная съ метрическаго свидѣтельства и паспортной книжки и кончая аттестатомъ зрѣлости, университетскимъ дипломомъ, послужнымъ спискомъ... Неутомимъ зычлалъ приговоренный къ смерти, стараясь опредѣлить съ возможной точностью день и часъ своей смерти: то казалось подозрительнымъ 15-ое декабря, то 19-ое, а когда эти дни благополучно миновали, являлись новые и новые сроки... И вотъ, наконецъ, насталъ ужъ несомнѣнно послѣдній день жизни Петра Александровича — 31-ое декабря 1914 года!

IV.

Утромъ, послѣ бессонной ночи, Теремцовъ туло смотрѣлъ на послѣдній листокъ календаря и бормоталъ:

— ... Тридцать первое... значитъ, — сегодня!.. Тридцать одинъ раздѣлить на два... будетъ пятнадцать съ половиной...

Это новое «открытіе» нисколько не удивило его.

— Конечно, конечно... Я такъ и зналъ... Только что значитъ — съ половиной?!.. Можетъ быть черезъ полъ-часа?!

И онъ замеръ на полъ-часа, тисцено нащупывая пульсъ: пульса, конечно, уже не было!

Но полъ-часа прошло благополучно...

— Значитъ, «съ половиной», — что-то другое... Можетъ быть, черезъ 15½ часовъ?.. Сейчасъ — 7 часовъ 22 минуты... Это шло 15 часовъ 30 минутъ... Это будетъ... 22 плюсъ 30... — И онъ попру...

Вошелъ Герасимъ, доложилъ, что «коже баринъ опасаемъ, и освѣдомился, гдѣ баринъ ежечасно кушать, — адѣсь, или выйдеть въ столовую?

«Кофій»! — презрительно передразнилъ Теремцовъ. — Чего ты лѣзешь?.. Вѣдь баринъ опасаемъ, и освѣдомился, гдѣ баринъ ежечасно кушать, — адѣсь, или выйдеть въ столовую?

— Намедни, баринъ Леонтій Ильичъ звонгли: спрашивали о здоровьи, и въ

слову узнавали, где изволите почтить Годъ встрѣчать: въ клубъ, или дома-съ?
 — Въ могилѣ! — горько улыбнулся Петръ Александровичъ, тутъ же расплакался, и махнулъ растерявшемуся Герасиму: «уходи, моля».

Онъ заперся на ключъ, и, усѣвшись въ креслѣ, сталъ ждать рокового мгнозенія... Часы шли за часами. Нѣсколько разъ являлся Герасимъ, робко стучалъ въ дверь и докладывалъ черезъ замочную скважину, что подавъ завтракъ, потомъ обѣдъ, потомъ, — что звонилъ опитъ Леонтій Ильичъ и еще двое-трое изъ друзей... Теремцовъ, не выходя изъ своей засады, отказался и отъ обѣда, и отъ завтрака, просилъ передать всемъ, кто еще будетъ звонить по телефону, что баранъ, моля, нездоровъ, спитъ, не приказалъ себя тревожить, а потому Новаго Года встрѣчать не будетъ, и что вообще... Пусть все уйдутъ къ чорту и дадутъ ему, наконецъ, хоть умереть спокойно!

... Короткій зимній день быстро кончился. Въ комнатѣ, казалось, сгустился и отяжелѣлъ воздухъ. Мрачно и незнакомо изъ таинственной мглы причудливыхъ тѣней выступали неясныя очертанія мебели, а въ граненомъ стеклѣ зерцала настѣннаго шкафика, — какъ чей-то зловѣщій кроваво-красный глазъ, — долго, долго горѣлъ отблескъ заката...

Утомленный радомъ безсонныхъ ночей, утомленный волненіями, страхомъ ожиданія, бѣдный Петръ Александровичъ спалъ крѣчайшимъ сномъ, не вѣдая, что предопредѣленные 15½ часовъ прошли уже...

Открывъ глаза, и ничего передъ собой не видя, онъ подумалъ, что смерть уже наступила, но тутъ же вспомнилась знаменитая фраза:

— Я мыслю, — значить, — существую! Нашаривъ во тьмѣ выключатель, Теремцовъ зажгъ люстру, и, едва получивъ способность видѣть, инстинктивно взглянулъ на часы, тихо охнулъ, протеръ глаза, взглянулъ еще разъ, — и громко засмѣялся...

Часы показывали, — безъ десяти два!! Старый роковой годъ кончился! Начался новый! Значить, — жить остается еще девять лѣтъ!

— Господи, какое счастье... еще цѣлыхъ девять лѣтъ... — шепталъ Петръ Александровичъ и, смѣясь и плача, грохнулся на линолеумъ календаря, гдѣ четко выступалъ послѣдній день рокового года...

Василій Афанасьевъ.

О странномъ и таинственномъ въ жизни.

А. Конанъ Дойля.

Когда кто-нибудь рассказываетъ воспоминанія изъ собственной жизни и пытается привести случаи, кажуціеся ему странными или страшными, мнѣ всегда хочется крикнуть ему: ищите ихъ не въ реальныхъ и матеріальныхъ проявленіяхъ жизни, а въ иномъ, болѣе таинственномъ мірѣ нашего ума.

Въ моей жизни мнѣ пришлось заниматься одной изъ самыхъ драматическихъ профессій, я объѣздилъ полмира отъ сѣвера Гренландіи и Шпицбергена до восточной Африки. Въ моихъ воспоминаніяхъ я нахожу и китовъ, и медвѣдей, и акулъ, и змѣй, но, увы! — все это интересовало меня только въ школьные годы.

Я предпочитаю погрузиться въ таинственныя извилины человеческой мысли и духа, въ тѣ необъяснимыя, загадочныя случаи, когда мы чувствуемъ, что стоимъ на грани невѣдомаго и непостижимаго.

Самыми интересными событіями въ жизни человека являются тѣ, при ко-

Маленькая принцесса МАРІА-ЖОЗЕ, дочь короля и королевы Бельгійцевъ. Род. въ 1906 г.

съ любимыми игрушками.

торыхъ онъ наиболѣе переживалъ, извнѣ. На-ряду съ этой трагедіей душъ но въ силу этого онъ неохотно дѣлится развертывалась счастливая жизнь въ имѣ. По крайней мѣрѣ лично я всегда долигъ по ту сторону горы, почти бокаль избѣгаю говорить о вещахъ, заставивъ о-бокъ съ ними.

Планъ былъ готовъ, и я собирался съестъ писать рассказъ, когда случайно купилъ томикъ Мопассана и прочелъ въ немъ, ѣдучи на пароходѣ по озеру, сонъ и мысль и во вторженіе таинственныхъ вершинъ аналогичную исторію подъ за- и неизслѣдованныхъ силъ въ нашу главіемъ «Долина».

Скажу откровенно, что я вѣрю глубоко-купили томикъ Мопассана и прочелъ въ ко въ живую силу человеческого духа немъ, ѣдучи на пароходѣ по озеру, сонъ и мысль и во вторженіе таинственныхъ вершинъ аналогичную исторію подъ за- и неизслѣдованныхъ силъ въ нашу главіемъ «Долина».

Впрочемъ, очень трудно говорить о моемъ мозгу. Тутъ была еще только нихъ и анализировать ихъ — онъ слишкомъ хрупки и неудовимы для точнаго опредѣленія, но бывають случаи столь яркаго выраженія ихъ, что онѣ принимаютъ ясную форму въ нашемъ мозгу и поддаются полному воспріятію съ нашей стороны.

Я приведу одинъ случай, поясняющій мою мысль. Въ 1892 году я путешествовалъ по Швейцаріи и забрался въ проходъ Жемми. Этотъ горный проходъ заканчивается прелестной долиной, за которой вновь смыкаются горы, совершенно непроходимыя зимою. Я былъ уверенъ, что въ это время года все жители деревушки выселяются по ту сторону горъ, но ошибся въ предположеніи. Одна семья оставалась здѣсь круглый годъ, ничуть не волнуясь тѣмъ, что она въ теченіе восьми мѣсяцевъ въ году будетъ отрѣзана отъ всего культурнаго міра непроходимой снѣжной стѣной.

Эта особенность задѣла мое любопытство и въ умѣ сложился уже планъ разсказа на эту тему. Въ немъ я хотѣлъ вывести невольный антагонизмъ разныхъ по натурѣ людей, заброшенныхъ судьбою въ этотъ тупикъ природы и не могущихъ найти нравственной поддержки

готовъ былъ заподозрить вмѣшательство таинственной силы. Я разбирался въ одномъ преступленіи и напалъ на слѣдъ нѣкоего Вильдера, который если и не совершилъ лично убійства, то былъ замѣшанъ въ немъ въ качествѣ пособника. Я дошелъ до этого вывода путемъ дедукціи, и началъ разыскивать Вильдера. Но все, чего я могъ добиться — это, что онъ уѣхалъ въ Канаду и исчезъ безъ вѣсти.

Я готовъ уже былъ бросить всякіе поиски, когда началъ получать регулярно разъ въ недѣлю письма изъ Канады съ самой ужасной бранью по моему адресу и съ такими богохульствами, которыми позавидовалъ бы любой еретикъ.

При четвертомъ письмѣ мнѣ повезло: я ясно различалъ штемпель горда Санта-Анна и послалъ немедленно запросъ префекту города, не проживаеъ ли въ немъ нѣкій Р. Вильдеръ?

Получился утвердительный отвѣтъ. Тогда я сообщилъ о моихъ выводахъ полиціи и настаивалъ на арестѣ Вильдера.

Однако черезъ нѣсколько недѣль слѣдователь съ любезной, но иронической улыбкой заявилъ мнѣ, что я попалъ на ложный слѣдъ: письма писалъ не Вильдеръ, а какой-то маньякъ-Американецъ, жившій въ одномъ пансіонѣ съ указаннымъ мною лицомъ.

Сознаюсь откровенно, я испыталъ огромное разочарованіе при этомъ извѣстіи главнымъ образомъ потому, что рухнула мое предположеніе о вмѣшательствѣ тайной силы, передавшей мою мысль на разстояніи Вильдеру.

Я занимался оккультными науками въ теченіе тридцати лѣтъ и однажды готовъ былъ принять посвященіе въ высшую степень этой области.

Дѣло происходило въ одномъ приморскомъ городкѣ, гдѣ я близко сошелся съ докторомъ Броуномъ. Убѣжденный оккультностью, онъ уговаривалъ и меня вступить въ общество азотеристовъ и съ этой цѣлью началъ подготавливать меня къ вступительному экзамену.

Иной разъ мы вступали въ пререканія по этому поводу.

— Что я получу отъ этого? — спрашивалъ я съ сомнѣніемъ.

— Со временемъ очень большую силу и власть, — серьезно отвѣчалъ Броунъ.

— Какого рода власть?

— Ту власть, которую люди зовутъ сверхъестественной. По существу она вполне естественна, но основана на глубочайшемъ изученіи силъ и законовъ природы.

— Почему же вы не сдѣлаете это общимъ достояніемъ?

— Подумайте только, мой другъ, какой вредъ могла бы принести эта власть въ злыхъ рукахъ!

— А чѣмъ вы гарантированы, что среди вашихъ адептовъ нѣтъ злыхъ людей?

— Мы подвергаемъ ихъ долгому испытанію и слѣдимъ за ними очень тщательно до окончательнаго посвященія.

— И меня будутъ испытывать?

— Разумѣется.

— А кто?

— Этого вы не должны знать, равно какъ не будете знать и времени испытанія.

— А я познакомлюсь съ ними?

— О, нѣтъ, вы ихъ даже не увидите!

— А послѣ испытанія?

— Если оно будетъ благоприятнымъ для васъ, — вы начнете изучать наши законы. Это очень затруднительно, — цѣлыя томы...

— Напечатанные?

— Докторъ улыбнулся:

— Вы наивны, мой другъ, конечно, нѣтъ! Это рукописи, — все онѣ тщательно перенумерованы и ихъ доверяютъ чести новаго ученика. До сихъ поръ я вамъ не приходилось рассказываться въ

этомъ д...
 не беря...
 спектровъ...
 — Го...
 вѣдъ эт...
 Доктор...
 ся синхр...
 — Дл...
 возможн...
 — Хо...
 интересн...
 Около...
 ожиданн...
 вая как...
 дрожи...
 ощущені...
 необычн...
 наго эле...
 Не оп...
 подумалъ...
 таинстве...
 танія»,...
 чать ли...
 Дѣйстви...
 шель Б...
 заявилъ...
 — Вл...
 таты вл...
 — Се...
 Онъ н...
 слова д...
 — Те...
 изученію...
 онъ, — л...
 рошенія...
 должны...
 или отъ...
 здѣсь не...
 Внерп...
 что это...
 чая, ра...
 мнѣ от...
 Я не...
 сенія и...
 задумалъ...
 — Вл...
 ритъ об...
 и его т...
 ресоватъ...
 знать и...
 къ намъ...

вмѣша-
Я раз-
дени и на-
дѣра, кото-
лично убій-
нѣмъ въ
ль до этого
ачалъ разы-
него я могъ
алъ въ Ка-
оситъ всякіе
ть регуляр-
изъ Канады
по моему
ствами, ко-
ой еретикъ
нѣ повезло:
ерда Санта-
апрось пре-
ли въ немъ
и отвѣтъ.
одахъ поли-
Вильдера.
дѣтъ слѣдо-
еской улыб-
ть на лож-
е Вильдеръ,
вонецъ, жив-
указаннымъ
таль ограм-
ь извѣстін
го рухнула
мьствѣ тай-
слъ на раз-

«СЪ ДѢТЬМИ». — Картина Ж. Маньи (J. Magni).

науками въ
жды готовъ
ь высшую
номъ при-
сошелся съ
ый оккульт-
и вступитъ
съ этой
я къ всту-
переканія
—спраши-
ишю слы
Броунъ.
ди зовутъ
она впол-
глубочай-
природы.
лаете это
угъ, какой
власть въ
аны, что
мьхъ лю-
му испы-
щательно
ть?
ь, равно
ни испы-
и?
увидите!
приятнымъ
наши за-
о,—цѣлы
конечно,
нѣ тѣа-
дѣвѣри-
нѣхъ поръ
атся въ

этомъ доверіи. Всѣ заучивали наизусть, но до сихъ поръ, не взирая на весь мой интересъ къ оккультизму, я не могъ послѣдовать его совѣту и изучаю эти вопросы чай.

— Господи! — воскликнулъ я, — да въ качествѣ простаго диллетанта.

Докторъ покалъ плечами и усмѣхнулся снисходительно:

— Для нашей воли нѣтъ ничего невозможнаго.

— Хорошо,—заключилъ я,—это очень интересно, и я согласенъ на испытаніе.

Около мѣсяца спустя я проснулся неожиданно въ пять часовъ утра, испытывая какое-то странное чувство нервной дрожи, потрясавшей меня всего. Это ощущеніе не было богъзнено, а только необычно и походило на дѣйствіе сильнаго электрическаго тока.

Не знаю, почему я въ ту же минуту подумалъ о докторѣ Броунѣ и объ его таинственныхъ словахъ насчетъ «испытанія», при которомъ я не буду встрѣчать лицъ, испытующихъ меня.

Дѣйствительно, днемъ ко мнѣ пришелъ Броунъ и съ довольнымъ видомъ заявилъ:

— Вы выдержали испытаніе,—результаты вполне благоприятны.

— Сегодня ночью?—началъ я.

Онъ кивнулъ головой и остановилъ мои слова движеніемъ руки.

— Теперь вы можете приступить къ изученію нашего закона, — продолжалъ онъ,—но, предупреждаю, подумайте хорошенько, ибо возврата не будетъ. Вы должны всецѣло отдаться нашему ученію, или отказаться отъ него. Середины здѣсь не можетъ быть...

Впервые у меня мелькнула мысль, что это очень серьезно, и что моя кипучая, разнообразная жизнь не позволитъ мнѣ отдаться вполне оккультизму.

Я изложилъ чистосердечно мои опасенія и сомнѣнія Броуну, и онъ глубоко задумался. А затѣмъ вымолвилъ:

— Вы правы. Не будемъ больше говорить объ этомъ до тѣхъ поръ, пока міръ и его тревоженія не перестанутъ интересовать васъ. Когда же вы захотите познать истину—вы всегда можете вернуться къ намъ.

Помню и еще одинъ таинственный случай. Будучи въ Дорзетшайрѣ, я рѣшилъ переночевать въ одномъ домѣ, гдѣ каждую

ночь, по словамъ мѣстныхъ жителей, являлись привидѣнія.

Со мной пошли еще двое моихъ товарищей. До того я списался съ «Физическимъ обществомъ», членомъ котораго я состою и, такимъ образомъ, мы явились какъ бы официальной делегацией.

Двѣ ночи прошли совершенно спокойно, на третью одну изъ нашей компаніи—студентъ Педморъ—отлучился, и мы остались только вдвоемъ. Надо добавить, что мы приняли всяческія предосторожности противъ возможнаго обмана, въ томъ числѣ протянули веревки по ступенямъ лѣстницы, расбросали по комнатамъ скорлупы орѣховъ и т. д.

Около полуночи оглушительный шумъ наполнилъ домъ,—казалось, что кто-то съ силой колотилъ дубиной по столу. Мы отчетливо слышали характерный трескъ дерева. Всѣ двери въ домѣ были открыты и мы немедленно бросились оба въ кухню, откуда, казалось, исходилъ шумъ. Здѣсь никого не было: всѣ наружныя двери были заперты, окна закрыты на задвижки, веревки на лѣстницѣ не тронуты...

Осмотрѣвъ весь домъ, мы вернулись въ спальню,—шумъ больше не повторился,—мы такъ и не могли выяснитъ причину этого страннаго явленія и удовлетворились гѣмъ, что составили протоколъ о слышанномъ нами.

Мѣстные жители говорили, что всѣ таинственныя явленія въ этомъ домѣ были подобнаго же характера.

Вскорѣ этотъ домъ сгорѣлъ и въ развалинахъ его нашли въ стѣнѣ замурованный скелетъ десятилѣтней дѣвочки. Когда и вѣкъ совершенно было преступленіе—осталось невыясненнымъ.

Оккультисты говорятъ, что неожиданно прерванная юная жизнь продолжала и за гробомъ проявлять активность.

Я не буду высказываться по этому поводу,—каждый въ правѣ думать по-своему, но не могу не подтвердить своей глубокой вѣры въ таинственное и сверхъ-естественное, вторгающееся иногда въ нашу обыкновенную жизнь изъ потусторонняго міра.

«УРОНЪ». — Карт. Ж. Мюнхе.

1915 годъ

Январь

Согласно выработанному Энверь-пашю плану турецкія войска вступили въ Тифлисъ.

Февраль

Болгарское правительство заявило, что ему ничего неизвѣстно о провозѣ военныхъ припасовъ въ Турцію черезъ Болгарію.

Мартъ

Въ погонѣ за своею тѣнью.

Сильное движеніе въ Германіи въ пользу мира.

Апрѣль

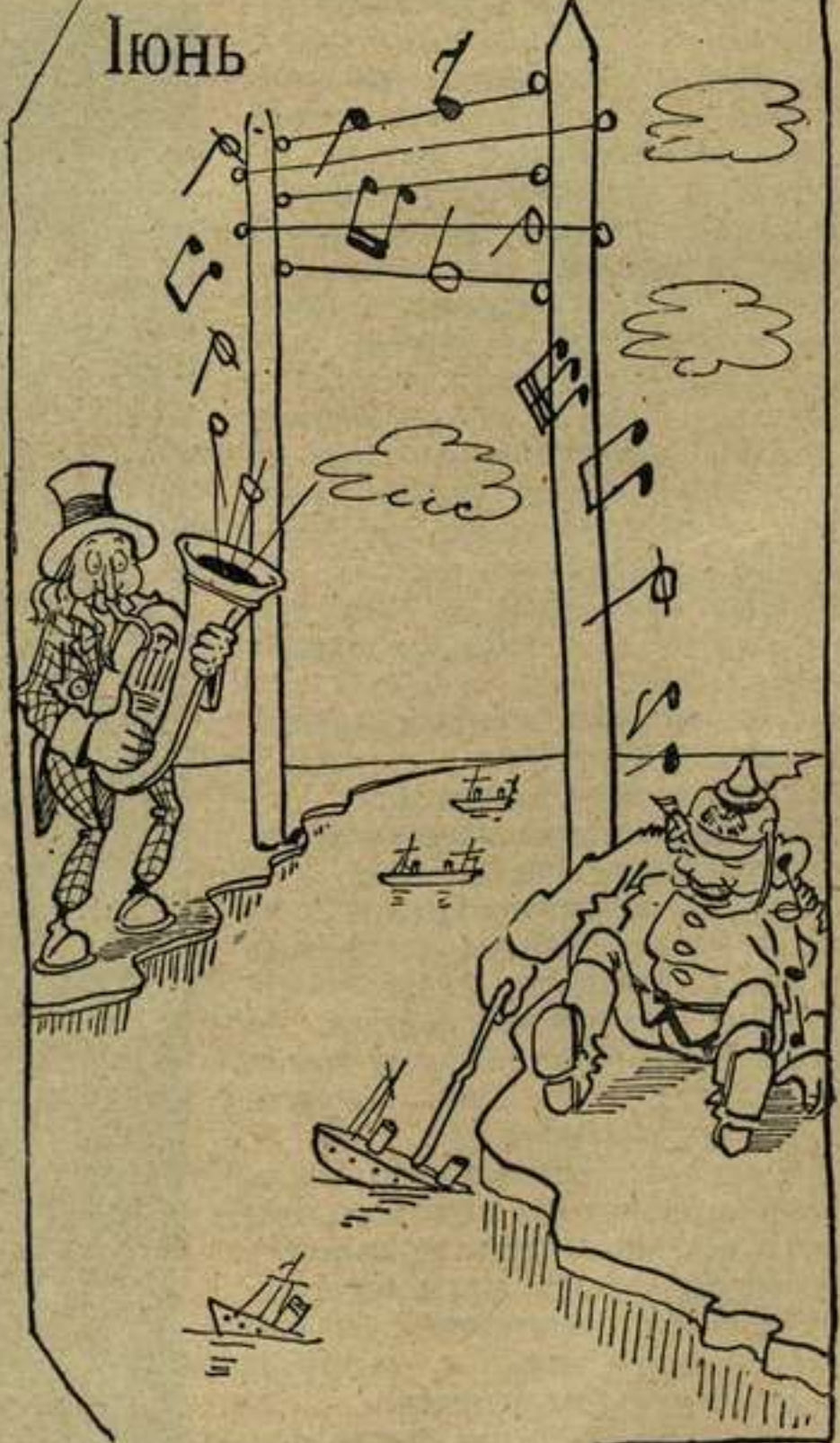
Князь Бюловъ старается во что бы ни стало примирить Италію съ Австріей.

Май

Финаль миссіи князя Бюлова.

Іюнь

Столкновеніе Соединенныхъ Штатовъ съ Германіей.

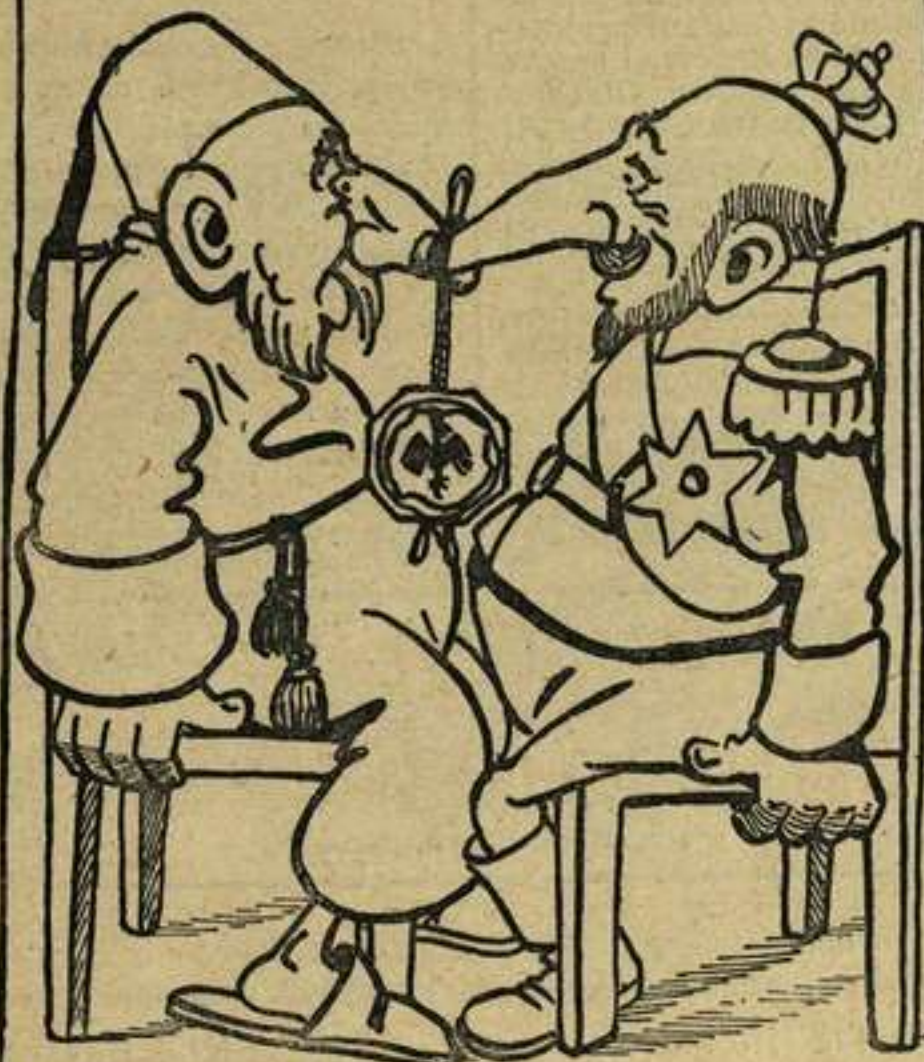
Юль

Размышле-
ніе передь
собствен-
нымъ пор-
третомъ.

Годовщина войны.

Августъ

Заклученъ Болгаро-Турецкій договоръ.

Сентябрь

Болгарія выступила, или новый
кавалеръ «для поддержки» между-
народной балерины

Октябрь

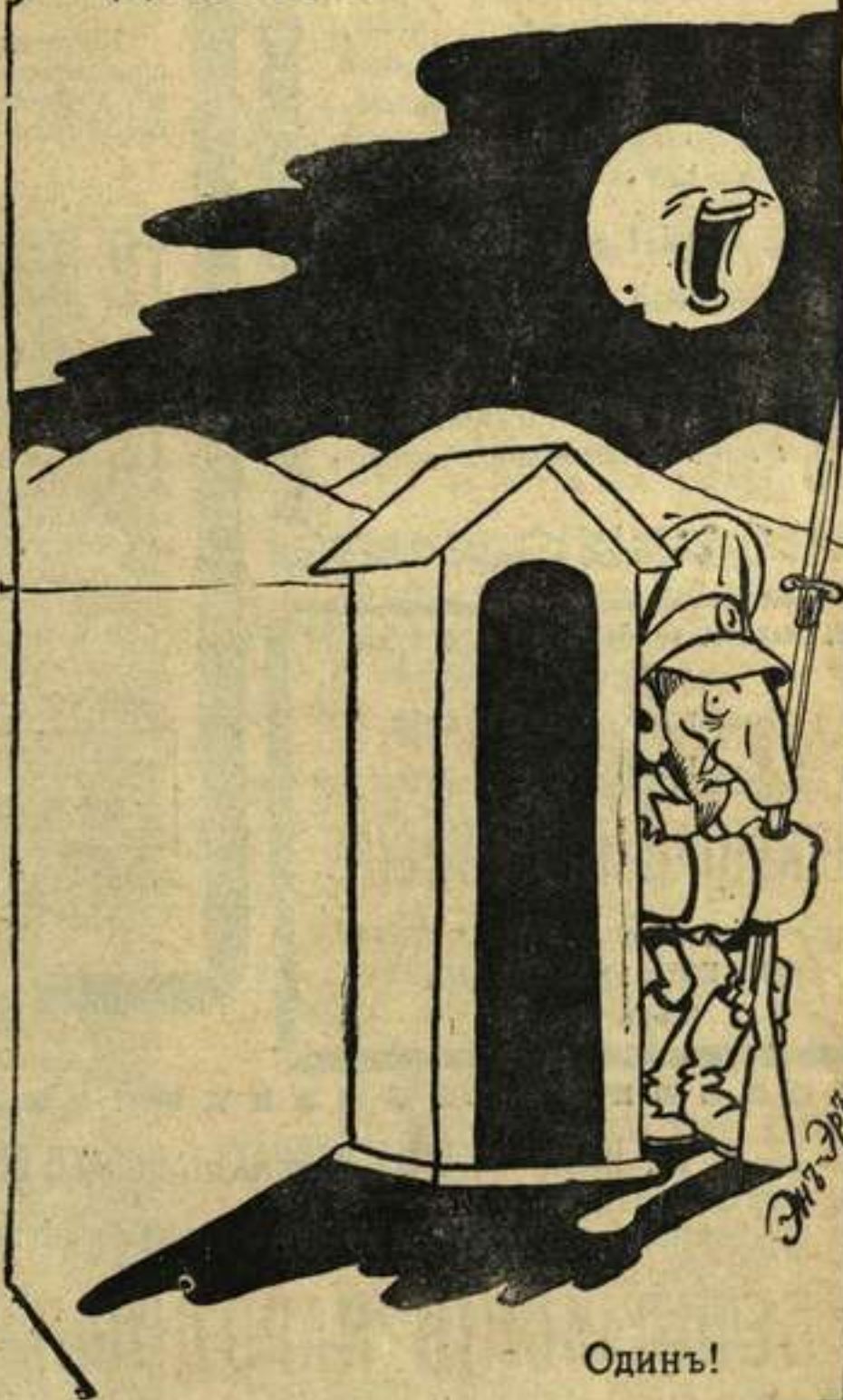

Ноябрь

Турецкіе и германскіе агенты
въ Персіи.

Декабрь

Одинъ!

УРАЛЬСКІЕ Драгоценные Камни
 А. Ю. ПИЛУДСКІЙ.
 НЕВСКІЙ, 96 (уголь Надеждинский).
 Изумруды, рубины, сапфиры, александриты, цирконы, топазы и пр. и пр.
 Приемъ и быстрое выполнение заказов на всевозможн. ювелирные изделия.
 Художественная работа. Цены въ конкуренціи.
 Телефонъ 168-95.

Поступила въ продажу новая
 кн. а:
ЦАРЬГРАДЪ
 и
ОКРЕСТНОСТИ.
 Историко-художественное
 описание А. Барта.
 248 стр. съ 58 рисунками и
 чертежами, въ художествен-
 ной обложкѣ.
 Перевелъ Н. М. Лаговъ.
 Дополнено Н. Н. Пѣшковымъ.
 Петроградъ.
 Изданіе Т-ва А. С. Суворина—
 «Новое Время». 1915.
 СОДЕРЖАНИЕ: I. Панорама
 Царьграда.—II. Царьградъ вблизи.—III. Изъ прошлаго.—VI. Со-
 оруженіе Св. Софіи.—V. Св. Софія
 въ наши дни.—VI. Другіе хра-
 мы.—VII. Развалины дворцовъ
 и водопроводы.—VIII. Городскія
 стѣны и монументы.—IX. Въ
 древнемъ Царьградѣ.—X. Ме-
 чети турецкой постройки.—
 XI. Серай.—XII. Новые дворцы, ба-
 зары, фонтаны и пр.—XIII. Клад-
 бища.—XIV. Окрестности.
 Цѣна 1 руб. 50 коп.
 Въ продажѣ въ книжныхъ ма-
 газинахъ «Новаго Времени»
 (Петроградъ, Москва, Харьковъ,
 Саратовъ и др.) и въ книжныхъ
 шкапахъ желѣзнодоро. станцій.

Въ книжныхъ магазинахъ Т-ва А. С. Суворина
 «Новое Время»
 ПРОДАЕТСЯ РОСКОШНОЕ ИЗДАНИЕ
ШЕКСПИРЪ
ВЕНЕЦІАНСКІЙ КУПЕЦЪ
 съ рисунками
 ДЖЕМСА Д. ЛИНТОНА
 Цѣна 10 руб.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“
 поступила въ продажу новая книга:
„БЕЛЬГІЙСКІЯ НАРОДНЫЯ СКАЗКИ“
 переводъ Галибина.
 Обложка въ краскахъ и иллюстраціи раб. С. ПЛОШИНСКАГО.
 Цѣна 2 рубля.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
 на 1916 годъ
 на иллюстрированные ежемѣсячные

ИНОСТРАННЫЕ ЖУРНАЛЫ
ДЛЯ РУССКИХЪ

Самый легкій и интересный способъ изучения иностр. языковъ и постояннаго освѣженія въ памяти приобретенныхъ свѣдѣній. Иностран. текстъ снабжается многочислен. ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМИ ПРИМѢЧАНІЯМИ НА РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ, дѣлающими его понятнымъ даже ЛІЦАМЪ СЪ САМОЙ НЕЗНАЧИТЕЛЬНОЙ ПОДГОТОВКОЙ.
 Чтеніе этихъ журналовъ не требуетъ поэтому НИКАКОГО НАПРЯЖЕНІЯ, служитъ ПОЛЕЗНЫМЪ РАЗВЛЕЧЕНІЕМЪ и даетъ возможность шутиа приобрести солидныя познанія по языкамъ.
 Употребленіе словаря излишне.

ПРОГРАММА:

1. Широко поставленный беллетристическій отдѣлъ, въ которомъ печатаются рассказы, стихотворенія и повѣсти лучшихъ иностранныхъ писателей.
2. Юмористическій отдѣлъ: карикатуры, анекдоты, юморески.
3. Статьи историческаго и литературнаго характера.
4. Статьи и замѣтки о выдающихся событіяхъ изъ области науки, искусства, техники, изобрѣтеній, спорта, авіаціи и проч.
5. Иллюстраціи, фотографіи, карикатуры.
6. Шарады, задачи, ребусы.

„LE PETIT FIGARO“
 (на французскомъ языкѣ)
„THE ENGLISHMAN“
 (на английскомъ языкѣ).

Для удобства подписчиковъ и въ видахъ предоставленія имъ возможно большей свободы выбора установлены слѣдующ. подписные абонементы:

„LE PETIT FIGARO“	„THE ENGLISHMAN“
1-й французскій абонементъ:	1-й англійскій абонементъ:
12 книжекъ ежемѣсячнаго журнала за 1916 г. по указанной выше программѣ.	12 книжекъ ежемѣсячнаго журнала за 1916 г. по указанной выше программѣ.
2-й французскій абонементъ:	2-й англійскій абонементъ:
12 книжекъ «Библиотека Языка» избран. произведений великихъ писателей съ полн. переводомъ и комментаріями.	12 книжекъ «Библиотека Языка» избран. произведений великихъ писателей съ полн. переводомъ и комментаріями.
Въ теченіе 1916 г. будутъ даны произведенія: Флобера, Жюль-Занда, А. Дюма, Метерлинка, Верхарна, Пр. Мориса, А. Додэ, Ф. Консе и др.	Въ теченіе 1916 г. будутъ даны произведенія: Марка Твена, Джерома К. Джерома, Брэтъ-Гарта, Ч. Дикенса, У. Коллиза, Теннисона, Арт. Конанъ-Дойла, Артура Моррисона и др.
3-й французскій абонементъ:	3-й англійскій абонементъ:
12 книжекъ-сборниковъ по программѣ журнала, вышедшихъ изъ печати въ 1915 году.	12 книжекъ-сборниковъ по программѣ журнала, вышедшихъ изъ печати въ 1915 году.
4-й французскій абонементъ:	4-й англійскій абонементъ:
12 книжекъ «Библиотека Языка» № 1. Мюссе «Съ любовью не шутятъ». № 2. А. Франс «Рассказы». № 3. Г. Мопассанъ «Рассказы». № 4. Мюссе «Сцены изъ жизни Богемы». № 5, 6 и 7. В. Гюго «Король веселится». № 8. Антологія французскихъ поэтовъ. № 9 и 10. Балзакъ «Кюре города Туръ». № 11 и 12. Е. Ожье и Ж. Сандо «Зять господина Пуарье» (комедія).	12 книжекъ «Библиотека Языка» № 1. Диккенсъ «Меблированная комната со столомъ» (рассказы). № 2. Киплингъ «Рассказы». № 3—5. Конанъ-Дойль «Знакъ четырехъ». № 6. Уэльсъ «Рассказы». № 7. Джейкобъ «Рассказы». № 8. Арнольдъ Веннетъ «Рассказы». № 9, 10 и 11. Оскаръ Уайльдъ «Важность быть серьезнымъ» (комедія). № 12. Джекъ Лондонъ «Рассказы».

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:	1 любой абон. каждаго журн. въ годъ (12 кн.) 4 р. 50 к. за 1/2 года (6 кн.) 2 р. 50 к. за каждый слѣдующій абонементъ 4 р. — к.

Абонементы 3 и 4 (франц. и англійск.) могутъ быть высланы сейчасъ же полностью. Для ознакомленія высылается книжка журнала или «Библ. Языка» по полученіи марками 45 к.

Т-во Благо, Петроградъ, Николаевская, 44.

УТРОМЪ
и
ВЕЧЕРОМЪ

ИЖЕВСКІЙ ИСТОЧНИКЪ

ПРОДАЖА ВЕЗДѢ
 Складъ въ Русскомъ Об-вѣ торговли аптекарскими товарами.
 Казанская, 12.
 Телеф. 2-21, 104-48 и 479-08.

„Д. КЕНТЛЕНЪ“
 настоящ. книга кажд. элгантн. мужнина.
ИСКУССТВО быть всегда, во всякомъ возрастѣ, элгантнымъ и изящнымъ.
ИСКУССТВО заказывать и носить костюмы и вообще одѣваться.
ИСКУССТВО держать себя въ обществѣ.
 Цѣна въ переплетѣ 2 руб.
 Окладъ изд.: Петроградъ, Владиміровская пл., 1—3, кв. 11. Телеф. 482-80. П. Ф. Метцгаль.

Въ книжныхъ магазинахъ
Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время»
 Петроградъ, Невскій пр., 40. Петр. сторона, Большой пр., 89-а, Москва, Харьковъ, Одесса, Ростовъ (на Дону) и Саратовъ.
ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ
РУССКІЙ КАЛЕНДАРЬ
 на 1916 годъ
А. С. СУВОРИНА
 (45-й годъ).
 Въ отдѣлы, касающіеся разнообразныхъ сторонъ политической, финансовой и экономической жизни Россіи, исправлены и дополнены по новѣйшимъ даннымъ, многіе совершенно переработаны. Портреты на отдѣльныхъ листахъ и въ текстѣ, диаграммы, число тѣхъ и другихъ значительно увеличено.
 Статистическая часть Календаря и справочная заново переработаны и дополнены многими цѣнными свѣдѣніями. Въ первой части, между прочимъ, расширенъ отдѣлъ: **внѣшней торговли**; въ подробномъ обзорѣ за 1914 г. (годъ войны) проведена сравнительная параллель съ 1913 г.; **отдѣлъ сельско-хозяйственный и промышленный**; на ряду со многими другими, помѣщены новѣйшія свѣдѣнія о сахарной промышленности въ Россіи, культурѣ чая въ Закавказьѣ, хлопководствѣ, рыболовствѣ, фабрично-заводской промышленности, горной промышленности и т. д. Во второй части, кромѣ свѣдѣній справочнаго характера о различныхъ обществахъ, учебныхъ заведеніяхъ, личномъ составѣ правительственныхъ учрежденій, свѣдѣній о иудейскихъ, банковыхъ, торгово-промышленныхъ, железнодорожныхъ, почтовыхъ, телеграфныхъ и т. д. помѣщены справочныя **сельско-хозяйственныя свѣдѣнія** о мѣропріятіяхъ и расходахъ правительства въ области землеустройства крестьянъ и полянныя у нихъ **земледѣльческой культуры**.
 Въ «Календарѣ» помѣщены: «**Медицинскій спутникъ**» (перечень болѣзней, ихъ признаки и леченіе); **обзоры русской литературы и искусства**; подробная **лѣтопись войны** съ ноября 1914 г. по ноябрь 1915 г.; «**Календарь охотника**» (сроки запрещ. и разреш. производствъ охоты въ продолж. года съ диаграммой) и «**Календарь удильщика**»; «**Новоселье**», — советы по устройству новой квартиры и много другихъ статей.
ЦѢНА: въ бумажкѣ 1 р., съ переплетомъ—1 р. 40 к., въ пап. 1 р. 25 к., съ переплетомъ—1 р. 75 к., въ переплетѣ—1 р. 60 к., съ переплетомъ—2 р. 10 к., за наложенный платежъ прибавляется 10 коп.

НОВАЯ КНИГА
САДЫ-ГОРОДА
 и
ЖИЛИЩНЫЙ ВОПРОСЪ
 въ АНГЛІИ.
П. Г. МИЖУВВА.
 Красивое изданіе. Волѣе 150 рисунковъ (3 цвѣтныхъ), плановъ и чертежей. Цѣна въ коленкоровомъ переплетѣ 5 р. 50 к. Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ. Окладъ изданія—книжный магазинъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время», Невскій, 40.

НА ВОЙНѢ.

...Одѣвши бѣлые балахоны, наши развѣдчики незаметно пробраются въ германское расположение, снимая не подозрѣвающіе опасности нѣмецкіе сторожевыя посты и дозоры.

Рис. А. Пржецлавскій (участникъ войны).

Не дрожекны въ огонь.

Они не преданы огню,
Не смѣли сдѣлать это руки:
Вѣдь я твои живые звуки,
Твои восторги, нѣжность, мукъ,
Въ листкахъ исписанныхъ храню.

Вдохъ въ этомъ знакъ слышу я,
А здѣсь звучитъ вопросъ ревнивый...
Голубка нѣжная моя,
Вѣдь это искры бытія,
Усада жизни сиротливой.

Въ нихъ все, чѣмъ жизнь такъ хороша,
Все, чѣмъ жила, слабѣла, крѣпла,
Бодѣла, нѣжилась душа...
И это сдѣлать горетью пенла?..

Н. Вильде.

Заботы о семьѣ.

Новый разсказъ Джамбоса.

Переводъ съ англійскаго М. Дѣдиной.

I.

Хозяинъ магазина, пользуясь отсутствіемъ покупателей, развѣшивалъ сахаръ по фунтовымъ пакетикамъ. Когда вошелъ покупатель, онъ отряхнулъ руки отъ сахарной пыли и тогда только поднялъ глаза. Передъ нимъ стоялъ статный и сильный мужчина и, улыбаясь, смотрѣлъ на него.

— Ты, Гарри!...—воскликнулъ Джеришо.—Гарри Барретъ?
— Я самый!—отвѣтилъ тотъ, протягивая руку.

Джеришо, радостно взволнованный, повелъ неожиданнаго гостя въ комнатку за лавкой.

— Цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ прошло, а ничего не измѣнилось!—замѣтилъ Барретъ, опускаясь въ кресло.

РЕНВИЗИЦІЯ МѢДИ.—Въ мѣст. О. у одного еврея найдено свыше 880 л. мѣди. Все вывезено средствами воинскихъ частей.

— Смитсонъ говорилъ мнѣ, что сдалъ свой домъ на Вебской улицѣ какому-то Баррету, но я никакъ не думалъ, что это ты! Значитъ, дѣлшки ничего идутъ?—спросилъ хозяинъ.

— Жаловаться не могу,—скромно замѣтилъ гость.—Жить есть на что... Мельбурнъ прекрасный городъ, но я подумалъ, что вечеръ своей жизни лучше всего провести на родинѣ.

— Вечеръ?—повторилъ его другъ.
— Да ужъ сорокъ три!—возразилъ гость.

— Ты не очень измѣнился,—сказалъ Джеришо, проводя рукой по своей посѣдѣвшей бородѣ.—Вотъ подожди, когда у тебя будетъ жена, да семеро малышей... Однихъ сапогъ...

Гость сочувственно вздохнулъ.
— Можетъ быть, ты мнѣ поможешь устроиться?—спросилъ онъ.—У меня никогда не было своего дома, и я совершенно не знаю...

— Да, что могу—сдѣлаю!.. Только ты можешь жениться, и вдругъ мой вкусъ не сойдется съ ея вкусомъ?

— Да я и не женюсь!—разсмѣялся Барретъ.

— Видѣлъ ты уже Прентисовъ?—спросилъ хозяинъ.

Барретъ слегка покраснѣлъ.
— Нѣтъ... А что?

— Она все еще одна!

— Ну, такъ что жъ изъ этого?—съ горячностью возразилъ гость.

— Я думалъ всегда, что ты отправился въ Австралію, чтобы разбогатѣть, а потомъ...

— Какія глупости!—воскликнулъ опять Барретъ.—И все это было пятнадцать лѣтъ тому назадъ... Я думаю теперь и не узнаю ее! Ея мать жива?

— Да, какже! И Луиза теперь стала совсѣмъ такою, какою была ея мать, когда ты уѣзжалъ.

Барретъ вздрогнулъ.
— Ну, да ты самъ увидишь,—продол-

жалъ хозяйнн. — Они, я думаю, и то удивляются, что ты не къ нимъ первый пошелъ!...

— Ну и пусть себѣ удивляются! Я буду навѣщать моихъ старыхъ друзей по порядку, какъ хочу, а когда ты ихъ увидишь, можешь имъ сказать, что я прежде былъ у тебя, и тогда, если у нихъ и есть какіе планы, то имъ это будетъ хорошимъ предупрежденіемъ!... Я остановился въ городѣ, пока домъ будетъ готовъ, и каждый разъ, когда буду прѣзжать на него смотрѣть, я буду заходить къ друзьямъ!...

— И каждый разъ это будетъ новымъ предупрежденіемъ! — поддержалъ друга Джеришо.

И, согласно своему плану, Барретъ принялся изображать бабочку, порхавшую изъ города въ деревню и обратно въ городъ и каждый разъ на полчаса залетающую къ одному изъ старыхъ друзей. Продолжая съ подложки такихъ предупрежденій, Барретъ наконецъ окончательно обосновался въ своемъ новомъ домѣ.

— Благодарю тебя, Джеришо! — съ чувствомъ заявилъ онъ другу. — Безъ тебя я бы не обобрался хлопотъ съ передѣлкой и устройствомъ!...

— Да, гнѣздышко вышло прехорошенькое! Пожалуй, даже слишкомъ хорошенькое!...

— Глупости! — спокойно возразилъ его другъ.

— Да ужъ повѣрь слову! Женщинъ я знаю. Такой домъ слишкомъ хорошъ, чтобы оставаться просто домомъ. Это выйдутъ домашнимъ очагомъ, а въ очагъ женщина уже непременно проникнетъ! Жди дня четыре, не больше.

Но онъ ошибся. Госпожа Прентисъ съ дочерью пожаловали на пятый день. Барретъ сидѣлъ въ своей гостиной и спокойно дремалъ въ креслѣ, прикрывъ отъ мухъ голову газетой. Его разбудили голоса у входныхъ дверей, и затѣмъ онъ услышалъ привѣтливое приглашеніе его экономки войти. Онъ вошелъ въ комнату, когда онъ торопливо приглаживалъ всклокоченные волосы.

— Добрый день! — сказалъ онъ, пожимая руи гостямъ.

Госпожа Прентисъ крикливымъ голосомъ отвѣтила на его привѣтствіе и потомъ, сѣвъ въ кресло, принялась оглядывать комнату.

— Для меня громадное удовольствіе увидѣть васъ снова! — проговорилъ Барретъ.

— Мы думали васъ раньше увидѣть, но я сразу сказала Луизѣ, что вы слишкомъ заняты и хотите намъ устроить сюрпризъ. Коверъ мнѣ нравится... А тебѣ, Луиза?

Луиза утвердительно кивнула головой.

— Комнаты хорошия и много воздуха. — продолжала ея мать, — но жалъ, что вы меня не предупредили, тогда я бы вамъ посоветовала выбрать другой домъ, и за тѣ же деньги!...

— Мнѣ довольно и этого... Мнѣ здѣсь очень нравится!... — возразилъ Барретъ.

— Это тоже много значитъ! — поспѣшила съ нимъ согласиться гостя. — Ну, какъ вы провели эти годы?

Барретъ увѣрилъ, что здоровье и настроеніе его были превосходны...

— Видь у васъ хорошій!... И никто изъ васъ почти не измѣнился! — продолжала госпожа Прентисъ, переводя взглядъ съ Баррета на свою дочь. — Пожалуй, даже къ лучшему, что вы не писали!...

Барретъ искалъ, что сказать, и не находилъ. Съ все возрастающимъ страхомъ глядѣлъ онъ на госпожу Прентисъ.

— Я... Я не могъ писать... — наконецъ въ отчаяніи началъ онъ. — потому что моя жена...

— Ваша — что? — последовалъ вопросъ какъ-то особенно громко.

— Жена! — повторилъ Барретъ, внезапно успокоясь тѣмъ, что главное уже сказано. — Женѣ это бы не понравилось!

у НАШИХЪ СОЮЗНИКОВЪ.

Генералъ Дугласъ ХЭГЪ, новый главнокомандующій великобританской арміей во Франціи и въ Бельгіи.
Портретъ работы Люсьена Жюнаса (L. Jonas).

Дама старалась справиться съ своимъ ласъ, не будучи въ силахъ докончить слово. — Патеро! — рѣшительно заявилъ Барретъ. — Печально такъ было расставаться съ ними, особенно съ младшимъ, у котораго только въ день моего отъѣзда прорѣзался первый зубъ!...

— Мы никакъ не могли сговориться, — началъ первый зубъ!... — безопасно объяснилъ Барретъ. — Ей все не нравилось, и наконецъ мы рѣшили, что она и дѣти...

— Дѣ... — начала гостя, и остановилась всякая борьба оказалась невыносимой.

Итальянскій король Викторъ-Эмануилъ слѣдитъ въ трубу за ходомъ сраженія.
За королемъ — принцъ Луи-Наполеонъ.

Черезъ минуту она окончательно сочла себя побѣжденной.

— Конечно, для дѣтей лучше всего остаться съ матерью, — заявила она, вставая.

— Конечно, — согласился Барретъ.

— Какова бы она ни была, — продолжала барыня. — Ты готова, Луиза?

Барретъ проводилъ ихъ до дверей и потомъ весело смотрѣлъ изъ окна, какъ онѣ переходили улицу.

— Интересно, расскажетъ ли она это другимъ? — подумалъ онъ.

П.

И она рассказала. На слѣдующее же утро все мѣстечко уже знало о семейныхъ обстоятельствахъ Баррета и пересуживало ихъ на всѣ лады. Дошло до того, что Баррету пришлось составить списокъ съ именами всѣхъ его дѣтей и выучить наизусть, какъ ихъ, такъ и лѣта дѣтей...

Страхнувъ съ себя заботливость Прентисовъ, Барретъ почувствовалъ себя совершенно свободнымъ и спокойно расхаживалъ повсюду. Всѣ находили его поведение прекраснымъ, потому что онъ дурного слова не сказалъ про жену. «Какъ бы вы были ея недостатки, — говорилъ онъ, — но теперь она отъ меня за цѣлыя тысячи миль!... И все-таки я обязанъ ей многимъ!» — добавлялъ онъ совершенно искренно.

Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и онъ не имѣлъ повода мѣнять свои разсужденія. Свободный, благодаря своей гениальной выдумкѣ, отъ нападеній Прентисовъ, онъ жилъ себѣ жизнью свободного человѣка, но все это продолжалось до тѣхъ поръ, пока не прѣехала въ мѣстечко Грассъ Луизой. Прѣехала она къ нимъ въ качествѣ учительницы первоначальной школы. Барретъ погубилъ съ первого взгляда, а послѣ нѣсколькихъ встрѣчъ на улицѣ онъ рѣшительно отправился къ Джеришо излить свои чувства.

— Да что она тебѣ? — спросилъ Джеришо пріятеля.

— Я очарованъ ею!...

— Очарованъ?.. Вотъ ужъ никакъ не ожидалъ отъ тебя подобныхъ вещей! — укоризненно замѣтилъ другъ.

— Но почему? — раздраженнымъ тономъ спросилъ Барретъ.

— Почему? Но ты, кажется, совсѣмъ забылъ о женѣ и дѣтяхъ!...

Барретъ, который, надо отдать ему справедливость, дѣйствительно забылъ о нихъ, откинулся на спинку кресла съ открытымъ ртомъ.

— Положеніе твое крайне фальшиво, — продолжалъ его другъ.

— Да ужъ, дѣйствительно! — согласился Барретъ. — Боже, Боже! Что же мнѣ дѣлать!...

— Дѣлать? — удивленно повторилъ Джеришо. — Да ничего!.. Вотъ развѣ послать за женой и дѣтьми... Во всякомъ случаѣ, если что-нибудь случится съ твоей женой, вѣдь возьмешь же ты маленькихъ къ себѣ?

Барретъ немного просіялъ.

— Подумай объ этомъ! — посоветовалъ другъ.

— Непременно подумаю! — искренно откликнулся Барретъ.

Онъ шелъ домой, глубоко задумавшись. По натурѣ онъ былъ совсѣмъ не жестокъ и придумывалъ для жены самую легкую смерть. Онъ остановился на болѣзани сердца, и полмѣсяца спустя все Рамсбюри пересуживало на всѣ лады печальную новость. Изъ Австраліи пришло роковое извѣстіе, и мѣстечко нашло, что поведеніе вдовца вполне заслуживаетъ всякой похвалы.

— Наконецъ она успокоилась, — грустно замѣтилъ какъ-то Барретъ своему другу.

— Я думаю, что ты убилъ ее! — возразилъ Джеришо.

Барретъ невольно вздрогнулъ.

— То-есть... — объяснилъ Барретъ вздохомъ.

— Теперь ты будешь жить съ матерью, — сказала она, вставая.

— Конечно, — согласился Барретъ.

— Какова бы она ни была, — продолжала барыня. — Ты готова, Луиза?

Барретъ проводилъ ихъ до дверей и потомъ весело смотрѣлъ изъ окна, какъ онѣ переходили улицу.

— Интересно, расскажетъ ли она это другимъ? — подумалъ онъ.

П.

И она рассказала. На слѣдующее же утро все мѣстечко уже знало о семейныхъ обстоятельствахъ Баррета и пересуживало ихъ на всѣ лады. Дошло до того, что Баррету пришлось составить списокъ съ именами всѣхъ его дѣтей и выучить наизусть, какъ ихъ, такъ и лѣта дѣтей...

Страхнувъ съ себя заботливость Прентисовъ, Барретъ почувствовалъ себя совершенно свободнымъ и спокойно расхаживалъ повсюду. Всѣ находили его поведение прекраснымъ, потому что онъ дурного слова не сказалъ про жену. «Какъ бы вы были ея недостатки, — говорилъ онъ, — но теперь она отъ меня за цѣлыя тысячи миль!... И все-таки я обязанъ ей многимъ!» — добавлялъ онъ совершенно искренно.

Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и онъ не имѣлъ повода мѣнять свои разсужденія. Свободный, благодаря своей гениальной выдумкѣ, отъ нападеній Прентисовъ, онъ жилъ себѣ жизнью свободного человека, но все это продолжалось до тѣхъ поръ, пока не прѣехала въ мѣстечко Грассъ Луизой. Прѣехала она къ нимъ въ качествѣ учительницы первоначальной школы. Барретъ погубилъ съ первого взгляда, а послѣ нѣсколькихъ встрѣчъ на улицѣ онъ рѣшительно отправился къ Джеришо излить свои чувства.

— Да что она тебѣ? — спросилъ Джеришо пріятеля.

— Я очарованъ ею!...

— Очарованъ?.. Вотъ ужъ никакъ не ожидалъ отъ тебя подобныхъ вещей! — укоризненно замѣтилъ другъ.

— Но почему? — раздраженнымъ тономъ спросилъ Барретъ.

— Почему? Но ты, кажется, совсѣмъ забылъ о женѣ и дѣтяхъ!...

Барретъ, который, надо отдать ему справедливость, дѣйствительно забылъ о нихъ, откинулся на спинку кресла съ открытымъ ртомъ.

— Положеніе твое крайне фальшиво, — продолжалъ его другъ.

— Да ужъ, дѣйствительно! — согласился Барретъ. — Боже, Боже! Что же мнѣ дѣлать!...

— Дѣлать? — удивленно повторилъ Джеришо. — Да ничего!.. Вотъ развѣ послать за женой и дѣтьми... Во всякомъ случаѣ, если что-нибудь случится съ твоей женой, вѣдь возьмешь же ты маленькихъ къ себѣ?

Барретъ немного просіялъ.

— Подумай объ этомъ! — посоветовалъ другъ.

— Непременно подумаю! — искренно откликнулся Барретъ.

Онъ шелъ домой, глубоко задумавшись. По натурѣ онъ былъ совсѣмъ не жестокъ и придумывалъ для жены самую легкую смерть. Онъ остановился на болѣзани сердца, и полмѣсяца спустя все Рамсбюри пересуживало на всѣ лады печальную новость. Изъ Австраліи пришло роковое извѣстіе, и мѣстечко нашло, что поведеніе вдовца вполне заслуживаетъ всякой похвалы.

— Наконецъ она успокоилась, — грустно замѣтилъ какъ-то Барретъ своему другу.

— Я думаю, что ты убилъ ее! — возразилъ Джеришо.

Барретъ невольно вздрогнулъ.

— То-есть... — объяснилъ Барретъ вздохомъ.

— Теперь ты будешь жить съ матерью, — сказала она, вставая.

— Конечно, — согласился Барретъ.

— Какова бы она ни была, — продолжала барыня. — Ты готова, Луиза?

Барретъ проводилъ ихъ до дверей и потомъ весело смотрѣлъ изъ окна, какъ онѣ переходили улицу.

— Интересно, расскажетъ ли она это другимъ? — подумалъ онъ.

П.

И она рассказала. На слѣдующее же утро все мѣстечко уже знало о семейныхъ обстоятельствахъ Баррета и пересуживало ихъ на всѣ лады. Дошло до того, что Баррету пришлось составить списокъ съ именами всѣхъ его дѣтей и выучить наизусть, какъ ихъ, такъ и лѣта дѣтей...

Страхнувъ съ себя заботливость Прентисовъ, Барретъ почувствовалъ себя совершенно свободнымъ и спокойно расхаживалъ повсюду. Всѣ находили его поведение прекраснымъ, потому что онъ дурного слова не сказалъ про жену. «Какъ бы вы были ея недостатки, — говорилъ онъ, — но теперь она отъ меня за цѣлыя тысячи миль!... И все-таки я обязанъ ей многимъ!» — добавлялъ онъ совершенно искренно.

Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и онъ не имѣлъ повода мѣнять свои разсужденія. Свободный, благодаря своей гениальной выдумкѣ, отъ нападеній Прентисовъ, онъ жилъ себѣ жизнью свободного человека, но все это продолжалось до тѣхъ поръ, пока не прѣехала въ мѣстечко Грассъ Луизой. Прѣехала она къ нимъ въ качествѣ учительницы первоначальной школы. Барретъ погубилъ съ первого взгляда, а послѣ нѣсколькихъ встрѣчъ на улицѣ онъ рѣшительно отправился къ Джеришо излить свои чувства.

— Да что она тебѣ? — спросилъ Джеришо пріятеля.

— Я очарованъ ею!...

— Очарованъ?.. Вотъ ужъ никакъ не ожидалъ отъ тебя подобныхъ вещей! — укоризненно замѣтилъ другъ.

— Но почему? — раздраженнымъ тономъ спросилъ Барретъ.

— Почему? Но ты, кажется, совсѣмъ забылъ о женѣ и дѣтяхъ!...

Барретъ, который, надо отдать ему справедливость, дѣйствительно забылъ о нихъ, откинулся на спинку кресла съ открытымъ ртомъ.

— Положеніе твое крайне фальшиво, — продолжалъ его другъ.

— Да ужъ, дѣйствительно! — согласился Барретъ. — Боже, Боже! Что же мнѣ дѣлать!...

— То-есть тѣмъ, что разбилъ ей сердце! — объяснилъ другъ.

Барретъ вздохнулъ свободнѣе. — Теперь твоя обязанность позаботиться о дѣтахъ, — твердо заявилъ Джеришо, — и не я одинъ такъ думаю! — многозначительно добавилъ онъ.

— Но они теперь съ своими дѣдушкой и бабушкой! — возразилъ Барретъ.

Но Джеришо только презрительно улыбнулся.

— И съ четырьмя дядюшками и пятью тетушками! — добавилъ Барретъ съ триумфомъ.

— Подумай, какъ бы они украсили твой домъ! — продолжалъ убѣждать его Джеришо.

Но его другъ покачалъ головой.

— Но по отношению къ бабушкѣ это вышло бы неловко, и, кромѣ того, Австралія нуждается въ людяхъ!..

Однако, скоро онъ съ досадой увидѣлъ, что слова Джеришо о томъ, что не онъ одинъ такъ думаетъ, вполне правдивы.

Оказалось, что рѣшительно всѣ ждутъ прибытія дѣтей, и нашлся даже одинъ знакомый, порекомендовавшій ему хорошую дѣвушку въ качествѣ няньки.

Но потомъ Рамсбюри поняло, что рѣшеніе его окончательно, замѣтивъ его вниманіе къ новой учительницѣ, и вывело изъ этого свое заключеніе. Возможно, что Грессъ Лидсей раздѣляла мнѣніе остальныхъ, но по тому, какъ мило она отбѣчала на любезности при встрѣчахъ съ Барретомъ, — этого замѣтно не было. Даже когда онъ намекалъ на свое одиночество, а дѣлалъ онъ это частенько, даже и тогда изъ ея замѣчаній нельзя было ничего вывести.

Черезъ два мѣсяца Барретъ уже носилъ подутрауръ, а мѣсяцемъ позднѣе на немъ рѣшительно не было замѣтно никакихъ послѣдствій его потери. Походка его сдѣлалась легкой, и онъ замѣчательно помолодѣлъ. Грессъ было двадцать восемь лѣтъ, принявъ во вниманіе преимущества своего пола, Барретъ находилъ, что между ними ужъ не было такой большой разницы!..

Но онъ даже полагалъ, что долженъ же быть законный промежутокъ между смертью первой жены и сватаньемъ второй. Къ тому же и торопиться было нечего. Онъ рѣшилъ все-таки подѣлиться своими мыслями съ Джеришо.

— А ты знаешь, что Тыллеръ тоже имѣетъ на нее виды? — оговорилъ его пріятель при первомъ же словѣ. — А онъ на десять лѣтъ моложе тебя и холостакъ. Конечно, есть разница между нимъ и вдовцомъ съ пятью дѣтьми!..

— Въ Австраліи! — докончилъ за него Барретъ.

— Вотъ если бы ты еще былъ тоже холостакъ, — продолжалъ Джеришо, — смотря на Баррета, — тогда она можетъ быть предпочла бы тебя!..

— Я спрошу у нея! — сердито перебилъ его Барретъ. — Никакъ не думалъ, что эта парикмахерская кукла тоже засматривается на нея!..

Негодование не дало ему спать всю ночь, но зато къ утру онъ рѣшилъ испытать свою судьбу. Въ четыре часа онъ въ третій разъ переѣхалъ свой галстухъ и въ половинѣ пятого пустился въ путь. Онъ засталъ озъ выходящей изъ школы и пошелъ провожать.

— Я надѣялся, что встрѣчу васъ, — началъ онъ.

— Да?..

— Я чувствовалъ себя такимъ одинокимъ сегодня!..

— Съ вами это часто бываетъ, — возразила дѣвушка.

— Но теперь все хуже и хуже! — мрачно продолжалъ онъ.

— Я знаю почему. Вы цѣлый день ровно ничего не дѣлаете и кромѣ того живете совсѣмъ одинокамъ, если не считать экономки.

Барретъ съ жадностью ловилъ ея сло-

У НАШИХЪ СОЮЗНИКОВЪ.

Генералъ ПО, пріѣзжавшій во главѣ французской военной депутаціи, — одинъ изъ виднѣйшихъ военныхъ дѣятелей Франціи.

Рис. Ф. Маршанъ.

ва и не сводилъ съ нея глазъ, полныхъ ужасно несчастнымъ надеждъ.

— Вамъ очень, очень недостаетъ... — ла Грессъ. — И безъ матери, и безъ отца!..

— Для нихъ лучше! — сказала Барретъ, когда къ нему возвратился, на- — Да, да!..

— Очень недостаетъ... — тутъ голосъ конецъ, даръ рѣчи.

Грессъ задрожалъ, — вамъ недостаетъ... — Но вообразите, если бы я женился послѣ нѣкотораго усилія добавила она: — ся? — неожиданно началъ Барретъ.

— Какъ?.. Опять?.. — съ удивленіемъ спросила Грессъ.

— Пошелъ бы за меня кто-нибудь или не пошелъ? — настойчиво спрашивать Барретъ. — Пошли бы вы, напримѣръ?

— Право, не знаю! Зависитъ отъ обстоятельствъ, — шопотомъ отвѣтила Грессъ.

— Я напишу, чтобы мнѣ прислали дѣтей! — рѣшилъ Барретъ.

Барретъ, взволнованный, направился къ себѣ. Послѣ долгихъ размышленій онъ рѣшилъ утопить своихъ дѣтей. Теперь Барретъ молчалъ и чувствовалъ себя

Сербо-французскій телефонный постъ.

онъ ужасно досадовалъ на себя, что не распорядился съ ними заодно съ матерью. Опять придется носить трауръ и отложить ухаживанье.

III.

Новость распространилась за два дня до прибытія дѣвушки изъ лѣтнаго отпуску. Почти сразу же ея хозяйка доложила ей о катастрофѣ и о томъ, какое дѣйствіе произвела она на несчастнаго отца. Говорить, что съ тѣхъ поръ онъ ничего не бралъ въ ротъ!..

— Ужасно!.. — Согласилась Грессъ. — Ужасно!..

Благоразуміе заставило Баррета отложить свиданіе съ Грессъ на нѣсколько дней. Когда, наконецъ, она увидѣла его, онъ имѣлъ видъ человѣка, потерявшаго все, что существовало для него на свѣтѣ дорогаго.

— Мнѣ ужасно васъ жаль! — начала она ласково.

Барретъ дрожащимъ голосомъ поблагодарилъ ее.

— Теперь я совсѣмъ одинокъ, — сказалъ онъ. — И некому даже подумать о томъ, живъ я еще или умеръ!

Грессъ не противорѣчила ему.

— Какъ это случилось? — спросила она, когда они прошли нѣсколько шаговъ.

— Корабль потону въ страшную бурю, и они вмѣстѣ съ нимъ.

— Кому же они были поручены? — Капитану.

— Но отъ кого же вы узнали? — Отъ одной изъ моихъ невѣстокъ.

Она любила ихъ, бѣдняжка, и написала мнѣ такое трогательное письмо.

— Интересно бы прочесть его! — замѣтила Грессъ мимоходомъ.

— Я далъ бы вамъ его, — поспѣшилъ замѣтить слегка озадаченный Барретъ, — но боюсь, что оно уничтожено!.. Оно слишкомъ заставляло меня страдать каждый разъ, когда я читалъ его.

— Очень жаль, — сухо проговорила дѣвушка. — У меня составилось совсѣмъ особое мнѣніе о дѣлѣ. Мнѣ не вѣрится, чтобы тетка ужъ такъ любила ихъ!

— Да она только и жила ими! — возразилъ Барретъ.

— Вотъ именно. Я не вѣрю, что они утопили! — неожиданно заявила дѣвушка. — Мнѣ кажется, что и мучились вы напрасно!..

Барретъ изумленно уставился на нее.

— Она была сильно привязана къ нимъ, — продолжала дѣвушка, и боялась, что вы отнимете ихъ у нея. И вотъ, во избѣжаніе этого, она и придумала эту исторію!

— Шарлотта такая богобоязненная женщина! — протестовалъ Барретъ.

Грессъ упрямо качала головой.

— Вы сами слишкомъ благородны и правдивы, — замѣтила она, — оттого и не можете даже вообразить, чтобы другіе могли фальшивить! Я вотъ увѣрена, что вы даже не можете солгать, если бы даже и захотѣли!..

Барретъ съ отчаяніемъ утопающаго оглядывался вокругъ.

— Вы увидите, что я права! — настаивала Грессъ. — Для этого вамъ стоитъ только пойти на почту и телеграфировать вапльмъ друзьямъ въ Мельбурнѣ.

Барретъ колебался.

— Лучше я напишу. Это вѣдь не къ спѣху!.. Я напишу Джамсу Адамсу!..

— Не стоитъ! — твердо замѣтила Грессъ. — И вы должны знать почему!

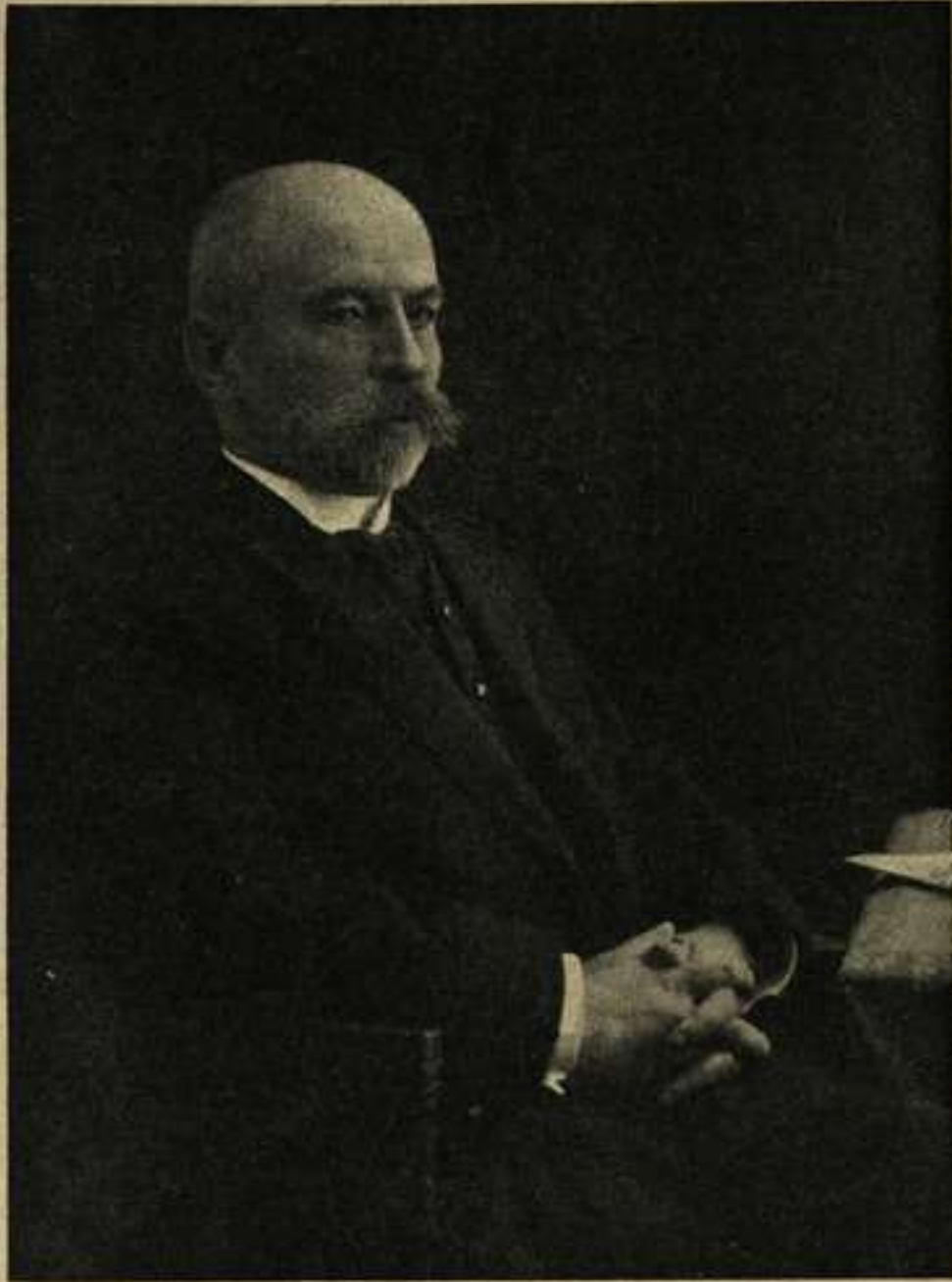
— Но отчего же?

— Да потому, что прежде, чѣмъ придетъ отъ него отвѣтъ, вамъ телеграфируютъ изъ Мельбурна, что его съела акула, или что онъ подавился рыбной костью, или что-нибудь въ этомъ родѣ!..

Барретъ остановился. Онъ съ трудомъ вѣрнулъ своимъ ушамъ. Наконецъ онъ рѣшился поднять глаза.

Глаза Грессъ были полны слезъ отъ

ГАЛЕРЕЯ СОВРЕМЕННЫХ ДЯТЕЛЕЙ.

Александр Петрович НИКОЛЬСКИЙ.
Член Государственного Совета сенатор, замещающий в заседаниях высших государственных установлений наместника Его Императорского Величества на Кавказе.
Высочайшим указом 1 января А. П. Никольский назначен статс-секретарем Его Императорского Величества.

сдерживаемого смѣха, я ея губы пресовѣмъ потерялъ васъ!
дательски дрожали. Онъ протянулъ руку — Отъ чего?.. Отъ гибели въ морѣ
и обнялъ ее. или болѣзни сердца?—спросила она съ
— Ухъ!..—съ облегченіемъ вырвалось смиреннымъ видомъ.
у него.—А одно мгновение я думалъ, что

съ подарками на позици.

Привезшіе подарки въ окопахъ среди стрѣлковъ.

НА ВОЙНѢ.

Командиръ полка награждаетъ Георгиевскимъ крестомъ отличившагося развѣдчика.

Пѣнитса жизни фіалъ.
Манитъ любовный напѣтокъ игрою,
Умъ въ изступленіе вводящей порою.
Кто его чаръ не позналъ?
Не утоляетъ томницей онъ жажды,
Жалкій безумецъ, кто, съ вѣрою, два-
жды

Къ пѣнѣ его приикалъ!
Пьетса до-сыта лишь, горче полыни,
Влага мучительныхъ слезъ
Объ угасаньи несбыточныхъ грезъ,
О красотѣ оскверненной святости...
Силы уходятъ, безрадостно жить,
Но не велитъ оборвать жизни нить
Завтра, прогнавшее Нынѣ.
Тусклымъ рубиномъ зардѣлся кристаллъ,
Мутью дымится кровавой
И, въ торопливой погонѣ за славой
И въ безпощадной борьбѣ за металлъ,
Люди устами къ пей тянутся жадно
И опьяненіемъ смерти, злорадно,
Пѣнитса жизни фіалъ.

Гемма.

Культуръ-трегеры.

Цѣлую ночь вѣлъ вѣтеръ. Снѣжная
мгла стѣною неслася, снѣга и захваты-
вая дыханіе. Къ разсвѣту стало стихать.
Пользуясь еще темнотою, пробираюсь пе-
редѣлскѣмъ, а затѣмъ по полузанесенному
снѣгомъ ходу сообщеній въ окопы.

Нахлобучивъ папаха, у кого ихъ нѣтъ —
пашки, низко на уши, засунувъ руки въ
рукава, грудью навалившись на валь око-
па, неподвижно стоять у бойницъ стрѣ-
лки.

Въ убѣжищахъ, тѣсно сбившись въ ку-
чу, на солому лежать свободные отъ служ-
бы люди.

По окопу тянется дымокъ еще не зату-
шенныхъ печурокъ, гдѣ цѣлую ночь грѣл-
ся чай, варилась картошка.

— Легче, чортъ! не видишь, люди!—сер-
дито окрикаетъ чей-то надстуженный
голосъ.

— А ты чего распротранялся, по-
сторонись, не видишь—заябли!

Въ окопѣ вваливаются занесенныя снѣ-
гомъ фигуры въ бѣлыхъ балахонахъ по-
верхъ шинелей. Это возвращается се-
кретъ, ночь лежавшій въ снѣгу впереди
за проволокой.

Дѣловито обходитъ окопъ молодцоватый
подпрапорщикъ.

— Выходи, хлопцы, смети снѣгъ съ
бойницъ, — распоряжается онъ,—эхъ, и
навалило же его, а ну, живѣй! — уже
раздается его голосъ впереди окна, и, лич-
но подавая примѣръ, онъ гребетъ лопатой.

Капитанъ И. А. Боронковъ.
Награжденъ Георгиевскимъ оружіемъ.

Одипъ за другимъ вытѣзаютъ стрѣлки.
Низко надъ ними завизжали пули, это
Нѣмцы замѣтили метельщиковъ. Не обра-
щая вниманія на стрѣльбу, удалцы бы-
стро и спокойно заканчивали свою работу.
— Шабашъ, хлопцы! — кричитъ звон-
кій голосъ подпрапорщика, и однимъ
прыжкомъ онъ въ окопѣ. И пора: раздоса-
дованные Нѣмцы въ этотъ моментъ заго-
верили пулеметомъ. Въ окопѣ съ козырь-
ковъ запылила снѣжная пыль, сбивае-
мая часто летящими пулями.

Разсвѣло. Въ очищенную отъ снѣга бой-
ницу видны занесенныя снѣгомъ прово-
лочныя загражденія, за ними бѣлая гладь.
Низко несутся по небу темныя тузи, еще
болѣе подчеркивая близину полей. Шаговъ
въ тысячу, вдругъ какъ бы изъ-подъ снѣ-
га, вынырнула темная фигура, за ней
другая, дальше, и вотъ цѣлая толпа ихъ,
сперва какъ-то нерѣшительно потоптав-

Подпоручикъ Ростисл. Ив. Ястребовъ.
Сконч. 30 августа 1915 г. отъ ранъ.
Нагр. орденомъ св. Георгія 4 степ.

Главноуполномоченный Красного Креста Александръ Ивановичъ ГУЧОВЪ со своимъ отрядомъ.

Поруч. Георгій Болесл. Туцевичъ.
Награжденъ Георгиевскимъ оружіемъ.

лись, разсыпается въ пилку и начинаетъ торопливо отстрелять снаряды.

— Долго спишь, Немецъ, ишь, когда спохватился,—говоритъ рядомъ стрѣлокъ и, вложивъ патронъ, склоняется надъ бойницей. Рѣзко затрещали по окопу пистолетки. Темныя фигуры, тамъ, на бѣломъ полѣ, припали было, но вотъ снова копошатся, спѣшатъ, гребутъ.

— Ишь, какіе усердные, — раздаются замѣчанія стрѣлковъ, и выстрѣлы учащаются. Вотъ одинъ изъ работающихъ упалъ, не шевелится. Вотъ одновременно двое свалились, поползли. Остальные, не покаявая помощи упавшимъ, все спѣшнѣе гребутъ снаряды. Но что это: одинъ среди нихъ бросается на колѣни, протягиваетъ обѣ руки къ намъ. Странно. Въ утробѣ пискитъ телефонъ. Приказано бить работающихъ Нѣмцевъ пулеметомъ. Та-та-та,

рѣзко затрещали оны гдѣ-то совсѣмъ нѣмой Славянскимъ обществомъ, представляющей собой—съ нѣкоторыми дополненіями и измѣненіями—переводъ большой

Работающіе какъ-то сразу шарху- статьи, находящейся въ чешскомъ энциклопедическомъ словарѣ; такимъ образомъ отъ своихъ окоповъ, бросились на кляпедическомъ словарѣ; такимъ образомъ снаряды, а затѣмъ одинъ за другимъ поднимаются и снова гребутъ.

— Братцы, вѣдь это не Нѣмцы! — своей политической исторіи. Надъ этой статьей трудились три чешскихъ ученыхъ: раздалось по окопу. Стрѣльба пулеметомъ сразу оборвалась. Въ окопѣ стало тихо, I. Калоусекъ, К. Бечка и Янъ Недома; поэтому, какъ справедливо говорится въ предисловіи «Очерка», — онъ обладаетъ общими недостатками энциклопедиче-

Сжимая кулаки, напряженно глядя въ бойницы суровыя блѣдныя лица стрѣльковъ. Они поняли, что Нѣмцы выгнали на опасныхъ работъ очистки отъ снарядовъ своихъ валець собой довольно сухое и краткое бойницъ беззащитныхъ плѣнныхъ.

Сѣверецъ.

СТРАННОСТИ «ГЕРМАНСКОЙ МЕТОДЫ».

На (бойхъ театрахъ войны,—и на западномъ, во Франціи, и у насъ въ польскихъ губерніяхъ,— Нѣмцы организовали цѣлыя отряды фотографовъ, сопровождаемыхъ еще болѣе многочисленными штатами писцовъ. Цель этого нашествія фотографовъ — снять чуть ли не поголовно все населеніе занятыхъ областей и сопроводить фотографіи всеми данными, касающимися снагатаго лица. На рисункѣ фотографируемые размѣщены въ нѣсколькихъ группахъ, мужчины и женщины вмѣстѣ, каждый подъ особымъ номеромъ. Наверху группы—ея номеръ. Тайна этого страннаго фотографирования пона не разгадана.

Литературныя замѣтки.

Очеркъ исторіи Чехіи*.

Великая война вызвала въ русскомъ обществѣ подъемъ интереса къ славянству; благодаря этому появились довольно много книгъ по славянскимъ вопросамъ; къ сожалѣнію, многія изъ нихъ отличаются весьма слабыми научными достоинствами, написаны наспѣхъ, небрежно и зачастую даютъ или совсѣмъ невѣрныя, или устарѣвшія свѣдѣнія о Славянахъ; тѣмъ болѣе надо приветствовать появленіе на русскомъ языкѣ хотя краткой, но вполне научной исторіи Чехіи, изданной Славянскимъ обществомъ. Несмотря на рядъ солидныхъ работъ по исторіи чешскаго народа русскихъ ученыхъ—Новикова, Ламанскаго, Пальмова, Ясинскаго—на русскомъ языкѣ до появленія вышеуказанной книги вовсе не было исторіи Чехіи, такъ какъ переводъ труда проф. Томка—«Исторія Чешскаго королевства», сдѣланный около полвѣка назадъ (въ 1868 г.), самъ по себѣ мало удовлетворителенъ, да и давнымъ давно сталъ библиографической рѣдкостью. «Очеркъ исторіи Чехіи», издан-

Поруч. Всев. Ник. Бартеповъ.
Награжденъ Георгиевскимъ оружіемъ.

перечисленіе первыхъ чешскихъ королей, но за то уже съ 30-хъ страницъ книги, гдѣ находится разсказъ о Пржемыслѣ II (кетати сказать, совершенно неправильно во всѣхъ нашихъ учебникахъ называемомъ нѣмецкимъ именемъ Оттокаръ), и до конца—она читается съ неослабвающимъ интересомъ. Особенно живо написаны страницы, излагающія борьбу Чеховъ съ пятью крестовыми походами, предприня-

* «Очеркъ исторіи Чехіи». Переводъ съ чешскаго. 2-е изданіе Петроградскаго славянскаго благотворительнаго общества. Изд. 1915 г. Стр. 162 и 2 карты. Ц. 1 рубль.

ВЪ ТЫЛУ.

Рытье окопов крестьянами.

тими против них. Нельзя не пожалеть, что Гусу и его делу удѣлено слишком мало мѣста (стр. 50 и 51); это, вѣроятно, объясняется тѣмъ, что о Гусѣ подробно разсказывается въ чешской энциклопедии под словомъ «Гусъ»; но для русскихъ читателей личность чешскаго мученика представляеть громадный интересъ. Весьма популяренъ для русскихъ читателей разсказъ о томъ, какъ лозко Габсбурги, въ лицѣ Фердинанда I, сумѣли, гдѣ строго, гдѣ лаской, гдѣ насиліемъ утвердиться на чешскомъ престолѣ. Нельзя безъ ужаса читать о тѣхъ невѣроятныхъ страданіяхъ, которыя перенесъ чешскій народъ во время 30-лѣтней войны, когда послѣ несчастной для Чеховъ Бѣлогорской битвы, по приказанію Фердинанда II, на эшафотѣ въ Прагѣ погибло 27 знатнѣйшихъ чешскихъ пановъ, и головы двѣнадцати виднѣйшихъ изъ нихъ, а также рука графа Шлика и языкъ доктора Яна Есенскаго были выставлены на мостовой башнѣ «старого города». Такъ наказывали своихъ враговъ въ «культурнѣйшей» части Европы въ XVII вѣкъ германскіе императоры, а мы еще возмущаемся жестокостью уголовныхъ законовъ у насъ въ Россіи въ томъ же XVII вѣкѣ. Оказывается, за время 30-лѣтней войны въ Чехіи населеніе, по подсчету ученыхъ чешскихъ авторовъ, сократилось съ трехъ миліоновъ до 800 тысячъ.

Тяжелое впечатлѣніе производить и послѣднія страницы книги: несмотря на весьма почитательный тонъ по отношенію къ представителю габсбургско-лотарингской линіи, правившамъ Чехіей въ XVIII и XIX вв. (это, конечно, объясняется тѣмъ, что книга написана въ «свободной» Австріи), наши чешскіе авторы не скрываютъ того, какъ часто въ XVIII в. чешская книга предавалась сожженію только потому, что была написана по-чешски, или того, что такой просвѣщенный Габсбургъ, какъ Іосифъ II, превращалъ старый пражскій кремль въ казармы.

Къ «Очерку исторіи Чехіи» приложены: посланіе константинопольской церкви въ 1451 г. къ Чехамъ, которое показываетъ, съ какою расположеніемъ и любовью относилась восточная церковь къ чешскимъ утраченнымъ за два года до паденія Царьграда, и чешскій алфавитъ съ русской транскрипціей; онъ облегчаетъ пользование двумя картами съ чешскими надписями. Карты относятся одна—къ 973 году, апохѣ Болеслава II, другая—къ XV и XVI вв.

Можно надѣяться, что Славянское общество возьмѣтъ за этими «Очеркомъ», дающимъ только политическую исторію чешскаго народа, издастъ очеркъ и по исторіи чешской культуры. Но данной книгѣ надо пожелать самаго широкаго распространенія,

особенно среди учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и преподавателей средней школы.

А. Королевъ.

Вдова ген.-м. Е. Д. Стрѣльникова. Къ 25-лѣтію ея педагогической дѣятельности въ Коломенской женской гимназій Вѣдомства Ученствъ Императрицы Маріи, 1 января.

Театръ для себя.

Г. Евреиновъ любитъ «сильно дѣйствующіе» эффекты. Давъ своей новой книгѣ заглавіе «Театръ для себя», онъ сразу же ошарашиваетъ читателя: «Понимай еще ни разу съ сотворенія міра (!) столь ш-

• Н. Евреиновъ. *Театръ для себя*. Часть I. Изданіе Н. И. Бутковской. Петрогр. 1915 г. Стр. 208. Ц. 1 р. 75 к.

ВЪ ДЕНЬ КРЕЩЕНІЯ ВЪ ДЕГЕВНѢ.—Картина Н. И. Грандновскаго.

Съ фот. Ксен. Глибовской.

чтожное количество словъ не сочилось столь обильнымъ содержаніемъ!.. Мы узнаемъ далѣе, что г. Евреинову «первому посчастливилось открыть въ человѣкѣ, рядомъ съ инстинктомъ самосохраненія, половымъ и прочими инстинктами,—инстинктъ преображенія», или, иначе, «инстинктъ театральности», и что «современная наука далека отъ пути открытій», сдѣланныхъ имъ, г. Евреиновымъ. Великодушно явившись ей на помощь, онъ, послѣ того, какъ дошелъ «съ компасомъ инстинкта театральности въ рукахъ до дороги, ведущей непосредственно къ театрокраціи», рѣшилъ «смѣло бросить о ней въ Бедекеръ духовнаго туризма пригоршню разъ навсегда (!) взвѣшенныхъ словъ».

Что же такое «театрокрація», съ такой помпой являющаяся въ свѣтъ? Она знаменуетъ, что въ нашей жизни все совершается «подъ знакомъ театра», что «чуть не каждая минута нашей жизни (нашей собственной жизни)—театръ и при томъ театръ самый настоящій». Вся книга представляетъ какъ бы иллюстрацію этихъ положеній. Человѣкъ—вѣчный актеръ, онъ «играетъ роль» съ утра до позднего вечера, въ большинствѣ случаевъ самъ этого не подозревая. Но г. Евреиновъ ловитъ его съ полничнымъ. Вы утромъ читали газету,—вы, значитъ, какъ бы видѣли своими глазами «эти мрачныя сцены убійства, кражъ, скандаловъ, мысленно присутствовали съ корреспондентомъ на театръ военныхъ дѣйствій»; вы писали письма друзьямъ,—это значитъ, что вы «сочиняли монологи хорошаго человѣка»; вы разговаривали, будучи въ гостяхъ, съ хозяйкой.—вы вели, слѣдовательно, «искусственный діалогъ». Г. Евреиновъ могъ бы продолжить эту параллель до безконечности. Вы поперхнулись во время разговора,—это вы сдѣлали паузу. Вамъ подсказалъ вашъ сосѣдъ нужное слово, котораго вы сами сразу не могли найти,—вы проводили свою свѣтскую роль по сценарию. Утромъ, при вашемъ пробужденіи, ваша прислуга поднимаетъ занавѣсь на окнахъ, а вечеромъ опускаетъ его и т. д.

Все это, разумѣется, лишь словесная игра. Шекспиръ въ остроумномъ монологе Жака-меланхолика (комедія «Какъ вамъ будетъ угодно») болѣе трехсотъ лѣтъ назадъ изобразилъ человѣческую жизнь, какъ театръ, въ которомъ какъ женщины, такъ и мужчины—всѣ актеры: «у каждаго есть входъ и выходъ свой, и человѣкъ одинъ и тотъ же роли различныя играетъ въ пьесѣ, гдѣ семь дѣйствій есть». Балзакъ смотрѣлъ на жизнь, какъ на «comédie humaine». I. Шерръ назвалъ свои историческіе очерки «Комедіей всемірной исторіи». Фраза: «Жизнь—глупый фарсъ»—повторялась, вѣроятно, десятки тысячъ разъ людямъ, желавшими пока-

Законоучитель Императорскаго Петроградскаго Коммерческаго Училища протоіерей Н. А. Милославовъ. 25 лѣтъ, исполнилось 25 лѣтъ его священнослуженія и 1 января—педаг. дѣятельности.

затъ, что они во всемъ разочаровались. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло лишь съ уподобленіями, съ параллелями между жизнью, съ одной стороны, и сценой—съ другой. Между тѣмъ г. Евреиновъ хочетъ увѣрить насъ, что человѣкъ на самомъ дѣлѣ «актерствуетъ» въ продолженіе своей жизни, стараясь постоянно быть не тѣмъ, что онъ есть въ действительности: «главное—не быть самимъ собой!»—вотъ театральная императивъ челоуѣческой души». Нетрудно доказать на любомъ изъ приводимыхъ авторомъ примѣровъ, насколько его точка зрѣнія оказывается односторонней. Едва ли не главнымъ козыремъ его аргументаціи является указаніе на пристрастіе челоуѣка къ облеченію въ обрядность важнѣйшихъ моментовъ своего бытія, т. е. какъ бы на его стремленіе сдѣлать изъ нихъ «срѣлище». Но если мы приглядимся къ этому вопросу, то увидимъ, что обрядъ—это та же «ткань» жизни, только рисунокъ на ней является болѣе отчетливымъ, чѣмъ обычно, тогда какъ театральное представленіе—это всего лишь яркая заплатка на ткани. Достаточно представить себѣ, напримеръ, хотя бы жениха, относящагося къ обряду вѣнчанія, какъ къ занимательному представленію, въ которомъ ему посчастливилось играть главную роль, а не какъ къ одному изъ серьезнѣйшихъ и значительнѣйшихъ моментовъ своей жизни, чтобы уяснить себѣ разницу между указанными двумя категоріями явленій. Есть несомнѣнно въ челоуѣческомъ обществѣ извѣстный процентъ людей-актеровъ, постоянно позирующихъ и любующихся сами собой, даже когда нѣтъ зрителей, способныхъ оцѣнить ихъ искусство. Но вѣдь есть немалое число и такихъ, которые сознательно или безсознательно всю жизнь стремятся къ тому, чтобы «быть самими собой». Г. Евреинову показалось, повидимому, заманчивой мысль все многообразіе жизни «привести къ одному знаменателю». Если бы онъ былъ скульпторомъ, онъ сталъ бы, пожалуй, проповѣдникомъ мысли, что все челоуѣческое существованіе есть стремленіе принимать то тѣ, то друга «пластическія позы». Будъ онъ педагогомъ,—онъ доказывалъ бы, что вся наша жизнь есть непрерывное «исправленіе ошибокъ».

Можно отнестись, впрочемъ, къ книгѣ г. Евреинова и нѣсколько иначе и увидѣть въ ней лишь попытку «сыграть роль» открывателя міровыхъ законовъ, долженствующихъ произвести переворотъ въ умахъ. Иначе говоря, г. Евреиновъ, явившись въ обличіи пророка, возвѣщающаго ни разу еще съ сотворенія міра не высказанныя истины, можетъ быть, попросту разыгрываетъ сцену изъ репертуара «театра для себя».

Ю.—п.

Въ
Появленіе
во-популяр
увлекател
измѣрима
оспоримо
интересъ
шихъ па
шаго уре
есть мно
щихъ пол
очень нев
которыя
звѣздное
тину, а у
тинѣ, наб
ими набл
то само
представ
дѣломъ о
безъ хор
товъ. Так
такъ. Ве
Арабовъ,
развѣ он
трубами
Но этого
шійся на
повѣ, и
ими въ т
когда от
движеніа
время не
дено нев
помощью
приборовъ
лярной д
простого
простымъ
ства съ
отсылали
самъ, по
такъ какъ
атласомъ
этому при
книжки Е
обригшаго
лей,—пос
ному зна
наблюдені
или при
боровъ *)
ею може
ствіемъ п
вѣкъ, и

Древніе,
дозрѣвал
нѣмъ въ
прямолин
Лукъ, с
весь посл
далекіе д
дѣло теп
сказать, ч
перъ не н
въ лабора
лахъ, что
слѣ слов
искусства
войскъ д
стоищемъ
обходимо
являсь и
созданны
Война
данныхъ
войскъ. В
существо
времена, с
ло оружіе
Металлу
каменной
развѣ это
вся на х
Богъ В
гомъ хим
мательнѣ
ки, избра
хромого
ваго Мар
• Е. И.
и свѣтил
для ест
невооруж
и 3 табл.
ворьяна.

Въ царствѣ звѣздъ и свѣтилъ.

Появление все новых и новых научно-популярных книг по астрономии, увлекательно описывающих чудеса неизмеримаго звѣзднаго пространства, неоспоримо свидѣтельствуютъ о растущемъ интересѣ къ одной изъ возвышеннѣйшихъ наукъ параллельно съ ростомъ общаго уровня развитія страны. Но если есть много лицъ, съ интересомъ читающихъ подобныя книги, то сравнительно очень невеликъ кругъ тѣхъ счастливицевъ, которые не только привыкли смотрѣть на звѣздное небо какъ на красивую картину, а умѣютъ разбираться въ этой картинѣ, наблюдать и обогащать науку своими наблюдениями. Это явленіе какъ будто само собою понятно: вѣдь всѣ почти представляютъ себѣ занятіе астрономіей дѣломъ очень труднымъ и невысказаннымъ безъ хорошихъ и дорогихъ инструментовъ. Такъ ли это? Конечно, далеко не такъ. Вспомните Египтянъ, Халдеевъ, Арабовъ, создавшихъ начало астрономіи, — развѣ они были знакомы со зрительными трубами и другими дорогими приборами? Но этого мало: и Коперникъ, прославившійся на весь мѣръ, не зналъ телескоповъ, и даже Кеплеръ не пользовался ими въ тотъ періодъ своей дѣятельности, когда открывалъ законы, управляющие движеніями планетъ. Да и въ новѣйшее время не мало открытій было произведено невооруженнымъ глазомъ или съ помощью дешевыхъ, общедоступныхъ приборовъ. Но, дѣйствительно, въ популярной литературѣ нашей не хватало простому руководителю для наблюденія простымъ глазомъ, для общаго знакомства съ созвѣздіями. Обычно любителей отсылали къ звѣзднымъ картамъ и атласамъ, но съ этого вѣдь нельзя начинать, такъ какъ для пользования звѣзднымъ атласомъ нужна немалая подготовка. Поэтому пріятно отмѣтить появленіе новой книжки Е. И. Игнатьева, — автора, пріобрѣтшаго уже широкій кругъ читателей, — посвященной именно первоначальному знакомству со звѣзднымъ міромъ, съ наблюдениями невооруженнымъ глазомъ или при помощи самыхъ дешевыхъ приборовъ (*). Книжка составлена такъ, что ею можетъ съ одинаковымъ удовольствіемъ пользоваться и взрослый человекъ, и школьникъ.

Мелочи.

Металлы бога Марса.

Древніе, создавшіе мифологию, и не подозревали, во что превратится съ теченіемъ вѣковъ дворъ ихъ жестокаго, но прямолинейнаго бога войны Марса. Лукъ, стрѣлы, пращи, копья — вотъ весь несложный арсеналъ Марса въ тѣ далекіе дни. Далеко не такъ обстоитъ дѣло теперь. Можно съ увѣренностью сказать, что исходъ войны рѣшается теперь не на фронтѣ, а въ сердцѣ страны — въ лабораторіяхъ и на обширныхъ заводахъ, что война стала въ полномъ смыслѣ слова дѣломъ народнымъ. Мало искусства военачальниковъ, доблести войскъ для конечнаго успѣха; при настоящемъ развитіи военной техники, необходимо еще, чтобы эта доблесть пополнилась и питалась всеми продуктами, созданными этой техникой. Война XX вѣка — это дуэль химиковъ данныхъ странъ, а не ратоборство войскъ. Впрочемъ, отчасти это положеніе существовало еще и въ доисторическія времена, съ тѣхъ поръ какъ желѣзо стало оружіемъ въ рукахъ человѣка. Металлургія — рождающая изъ тусклыхъ камней блестящій и острый металлъ — развѣ это не химія, не основана ли она вся на химическихъ реакціяхъ? Богъ Вулканъ былъ въ сущности богомъ химіи. И буди Греки немного внимательнѣе къ основамъ жизненной логики, избрали ли бы они богомъ войны хромого супруга Венеры, а не прекраснаго Марса!

* Е. И. Игнатьевъ. «Въ царствѣ звѣздъ и свѣтилъ. Наблюдательная астрономія для всѣхъ». Книга первая. «Наблюденія невооруженнымъ глазомъ». Стр. 105 рис. и 3 табл. Петр. 1915 г. Изд. тов. А. С. Суворина.

Балерина А. Я. ВАГАНОВА. Къ ея прощальному спектаклю 10 января.

Но въ тѣ времена въ умахъ ученыхъ не наблюдалось тенденціи къ изысканію средствъ для уничтоженія своихъ ближнихъ, тенденціи, навязанной всѣмъ народамъ милитаристическими стремленіями Нѣмцевъ, ибо если тогда и существовали Германия въ дикихъ лѣсахъ Средней Европы, то они не оступились еще до того, чтобы стать Нѣмцами. Все чаще слышимъ мы теперь выраженіе «металлическій голодъ», читаемъ, что какія-то подозрительныя личности настойчиво скупаютъ тѣ или иные металлы, но мало уясняемъ себѣ, какіе изъ нихъ являются по преимуществу «металлами войны». На первомъ планѣ стоитъ несомнѣнно желѣзо, составляющее остовъ пушекъ, ружья, штыка, брони и кирасы, а такъ же оболочку снарядовъ, — желѣзо во всѣхъ своихъ разновидностяхъ вплоть до самой усовершенствованной стали. Говорятъ, что золото является нервомъ войны. Это только образное выраженіе, а въ сущности фактическимъ нервомъ войны является, несомнѣнно, желѣзо. Обѣ группы воюющихъ державъ настоящей «борьбы титановъ» обладаютъ относительно одинаковыми запасами желѣза, хотя германскіе клонятся на сторону союзниковъ. Извѣстный англійскій металлургъ Карпентеръ приводитъ по этому поводу слѣдующія данныя: производство стали въ Германіи выразилось за истекшій годъ въ 19 миллионахъ тоннъ основной стали, изъ которыхъ только 4 процента кислой

стали, въ то время, какъ одна Великобританія дала 7.660.000 тоннъ основной стали, изъ которыхъ до 74 процентовъ кислой стали.

Но сталелитейное дѣло требуетъ участія еще одного металла — марганца, служащаго для очистки расплавленной стали отъ окиси.

Главными производителями этого металла являются Россія (Кавказъ), Индія и Соединенные Штаты, давшіе въ 1913 году около 93% всего добытаго количества.

Впрочемъ, Германія со свойственнымъ ей духомъ предусмотрительности, сдѣлала, навѣрное, своевременно большіе запасы этого металла.

Другой металлъ — хромъ, употребляемый для выдѣлки хромоникелевой стали, добывается въ огромныхъ размѣрахъ въ Средней Азии и Греціи, и Германія, несомнѣнно, не терпитъ въ немъ недостатка.

Никкель занимаетъ важное мѣсто при выдѣлкѣ стали и не можетъ быть замѣненъ другимъ металломъ. Въ 1913 году мировая добыча никкеля достигала 26.000 тоннъ, изъ которыхъ около 85% падало на рудники Канады и Новой Зеландіи. Что же касается Скандинавіи, давшей этому металлу его имя, имя, принадлежавшее въ старинныхъ сказкахъ легендарному гному горѣ, она доставила на мировой рынокъ всего около 400 тоннъ.

Этотъ металлъ, при продолжающейся блокадѣ союзныхъ флотовъ, не замедлитъ исчезнуть изъ военныхъ запасовъ Германіи.

За желѣзомъ идетъ по степени важности мѣдь — «сиргумъ», какъ ее звали древніе Римляне, производя это имя отъ острова Кипра и посвящая мѣдь бѣлокурой богинѣ Киприадѣ.

Изъ мѣди выдѣлывается вся проволока, необходимая при производствѣ патроновъ и ружейныхъ пуль, для детонаторовъ снарядовъ, этого чуда химической механики, служащей для снаряда тѣмъ же, чѣмъ мозгъ служитъ для нашего тѣла.

Изъ мѣди же выдѣлываютъ проволоку для телефоновъ и телеграфовъ, этой нервной системы современныхъ колоссальныхъ армій, разбросанныхъ на огромныя разстоянія.

Явный недостатокъ мѣди въ Германіи заставляетъ германское правительство реквизиовать мѣдную посуду частныхъ лицъ, снимать колокола, даже крыши съ церквей.

Иначе обстоитъ дѣло съ оловомъ: Германія и Австрія производятъ его въ значительномъ количествѣ. Олово, среди многихъ другихъ цѣлей назначенія, служитъ для изготовленія наружныхъ оболочекъ шрапнельныхъ пуль.

Цѣна цинка возросла въ пять разъ съ начала войны. Стоитъ раньше около 2% стоимости мѣди, цинкъ расцѣпляется теперь даже дороже ея, не взирая на то, что и цѣна мѣди возросла въ свою очередь. Онъ имѣетъ огромное значеніе при гальванизаціи колючей проволоки, употребляемой для оплетенія оконныхъ загражденій. Въ 1913 году главными поставщиками цинка являлись Соединенные Штаты, Германія и Бельгія. Ни та, ни другая сторона не испытываютъ острой нужды въ этомъ металлѣ, но ограниченная добыча его на ряду съ широкимъ примѣненіемъ воздуха непомерно цѣну.

Въ настоящей войнѣ огромное значеніе приобрѣлъ алюминій. Благодаря своей легкости, онъ сталъ королемъ воздушной войны.

Помимо этого, онъ имѣетъ огромное примѣненіе для изготовленія походной посуды. А затѣмъ алюминій въ соединеніи съ нитратомъ амміака примѣняется нашими врагами для протопленія «аммоналя», взрывчататаго вещества огромной силы.

Въ этомъ отношеніи Германія должна довольствоваться почти исключительно запасами, сдѣланными до войны, ибо она можетъ поподнять ихъ только изъ Швейцаріи, что составляетъ ничтожнѣйшій процентъ всего потребляемаго количества.

Трудно сказать съ увѣренностью, когда истощатся столь предусмотрительно заготовленные запасы, пополняющіе лабораторію бога Марса, у Нѣмцевъ. Одно несомнѣнно: этотъ день наступитъ и остановитъ внезапно шестіе Германцевъ по ихъ кровавому пути звѣрствъ, нарушеній всѣхъ человѣческихъ законовъ и попраина всѣхъ нравъ человѣка.

ТЕАТРАЛЬНЫЕ ШАРНИ.

Кн. С. М. ВОЛКОНСКІЙ, бывшій директоръ Императорскихъ театровъ. Рис. Н. Г. Легата.

Редакторъ М. А. Суворинъ.

Изданіе Товарищества А. С. Суворина — «Новое Время».

THIBOT,
PARFUMERIE DE LUXE
42, RUE RODIER 42,
PARIS

Реванш
Духи и Одеколонг
дивнаго запаха.

ПОСЛѢДНЯЯ НОВОСТЬ ПАРИЖА!

Въ книжныхъ магазинахъ
Т-ва А. С. Суворина — «Новое Время»

Петроградъ, Невскій пр., 40. Петр. сторона, Вольной пр., 69-а,
Москва, Харьковъ, Одесса, Ростовъ (на Дону) и Саратовъ.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

РУССКІЙ КАЛЕНДАРЬ

на 1916 годъ

А. С. СУВОРИНА

(45-й годъ).

Всѣ отдѣлы, касающіеся разнообразныхъ сторонъ политической, финансовой и экономической жизни Россіи, исправлены и дополнены по новѣйшимъ даннымъ, многіе совершенно переработаны. Портреты на отдѣльныхъ листахъ и въ текстахъ, диаграммы, число тѣхъ и другихъ значительно увеличено.

Статистическая часть Календаря и справочная заново переработана и дополнена многими цѣнными свѣдѣніями. Въ первой части, между прочимъ, расширены отдѣлы: **внѣшней торговли**; въ подробномъ обзорѣ за 1914 г. (годъ войны) проведена сравнительная параллель съ 1913 г.; отдѣлъ **сельско-хозяйственный и промышленный**; на ряду со многими другими, помѣщены новѣйшія свѣдѣнія о свеклосахарной промышленности въ Россіи, культурѣ чая въ Закавказьи, хлопководствѣ, рыболовствѣ, фабрично-заводской промышленности, горной промышленности и т. д. Во второй части, кромѣ свѣдѣній справочнаго характера о различныхъ обществахъ, учебных заведеніяхъ, личномъ составѣ правительственныхъ, учрежденій, свѣдѣній юридическихъ, банковыхъ, торгово-промышленныхъ, железнодорожныхъ, почтовыхъ, телеграфныхъ и т. д., помѣщены справочныя **сельско-хозяйственныя свѣдѣнія** о мѣропріятіяхъ и расходахъ правительства въ области **землеустройства крестьянъ** и поддѣлята въ нихъ **земельческой культуры**.

Въ Календарѣ помѣщены: «**Медицинскій спутникъ**» (перечень болѣзней, ихъ признаки и леченіе); **обзоры русской литературы и искусства**; подробная **лѣтопись войны** съ декабря 1914 г. по июль 1915 г.: «**Календарь охотника**» (сроки застрѣл. и разрыв. производства охоты въ продолж. года съ диаграммой) и «**Календарь удильщика**»; «**Новоселье**», — соотвѣт. по устройству новой квартиры и много другихъ статей.

ЦѢНА: въ бумажкѣ 1 р., съ пересылкой—1 р. 40 к., въ папкѣ 1 р. 25 к., съ пересылкой—1 р. 75 к., въ переплетѣ—1 р. 60 к. съ пересылкой—3 р. 10 к., за вложенный платежъ прибавляется 10 коп.

Ябло
ТОЛЬКО
ВОДУ

**ИЖЕВСКІЙ
ИСТОЧНИКЪ**

ПРОДАЖА ВЕЗДѢ
Окладъ въ Русскомъ Об-вѣ торговли
аптекарскими товарами.
Казанская, 12.
Телеф. 2-21, 104-48 и 479-08.

ДЛЯ ПОХОДА
Небывало свѣтло, долго горящіе

ЭЛЕКТРО-ФОНАРИ
Петроградъ, МОРСКАЯ, 33.
СКЛАДЪ НОВЫХЪ ИЗОбРѢТЕНІЙ.

УРАЛЬСКІЕ
Драгоценные Камни
А. Ю. ПИЛУДСКІЙ.
НЕВСКІЙ, 96 (уголь Надеждинской).
Изумруды, рубины, сапфиры, александриты,
цирконы, топазы и пр. и пр.
Пріемъ и быстрое выполненіе заказовъ
на всевозмож. ювелирныя издѣлія.
Художественная работа. Цѣны вѣтъ конкуренціи.
Телефонъ 168-95.

Наиболѣе безопасный, скорый и комфортабельный
путь между РОССІЕЙ и АМЕРИКОЙ.

НОРВЕЖСКО-АМЕРИКАНСКАЯ-ЛИНІЯ
РОССІЯ-НОРВЕГІЯ-АМЕРИКА.

**БЮРО
ПУТЕШЕСТВІЙ**

БЕННЕТТЪ ПЕТРОГРАДЪ
НЕВСКІЙ-12.
ТЕЛ. 142-62

Комфортабельные быстроходные пароходы:
«**БЕРГЕНСФЮРДЪ**» отходитъ изъ Бергена 20/2 февраля, изъ
Нью-Йорка 6/19 февраля.
«**ХРИСТИАНИАФЮРДЪ**» отходитъ изъ Бергена 10/28 февраля
изъ Нью-Йорка 27/11 марта.
Билеты на весь маршрутъ. Треб. подробн. свѣдѣнія.
БЕРГЕНЪ—НЬЮ-ІОРКЪ 8 1/2 СУТОКЪ.

**ЭТИ ПРЕКРАСНЫЯ, СВѢЖІЯ,
ОЧАРОВАТЕЛЬНЫЯ ЛИЦА,**
этотъ юный видъ и бархатистость кожи
получается отъ употребленія Дермозона
Д-ра Антона Мейеръ. Въ ближайшей
аптекѣ Вы можете получить банку въ
30 граммъ полукрѣпкого Дермозона.
Втирайте его на ночь въ лицо кончи-
ками пальцевъ и Ваше лицо сдѣлается
свѣжимъ, юнымъ и бархатистымъ. Дер-
мозонъ Д-ра Антона Мейеръ абсолютно
безвреденъ. Остерегайтесь поддѣлокъ

Поступила въ продажу новая
книга:

ЦАРЬГРАДЪ
И
ОКРЕСТНОСТИ.

Историко-художественное
описаніе А. Барта.
248 стр. съ 58 рисунками и
чертежами, въ художествен-
ной обложкѣ.
Перевелъ Н. М. Лаговъ.
Дополнено Н. Н. Пѣшковымъ.
Петроградъ.
Изданіе Т-ва А. С. Суворина—
«Новое Время». 1915.
Цѣна 1 руб. 50 коп.
Въ продажѣ въ книжныхъ ма-
газинахъ «Новаго Времени»
(Петроградъ, Москва, Харьковъ,
Саратовъ и др.) и въ книжныхъ
шкапахъ желѣзнодорож. станцій.

НА ВОЙНѢ.

ЗА ДВИКОЮ. Развѣдчики нападаютъ внезапно на германскую заставу.

Рис. А. Пржевальскій (участникъ войны).

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩІЙ НА ФРАНЦУЗСКОМЪ ФРОНТѢ.

Генералъ Де-КАСТЕЛЬНО, назначенный главнокомандующимъ на французскомъ фронтѣ вмѣсто ген. Жоффра, получившаго командование всеми французскими арміями (въ томъ числѣ и балканской).

Керкира (Корфу).

Очеркъ Олега Зверова.

Островъ Корфу, или по-гречески—Керкира, самый большой изъ Ионическихъ острововъ, лежитъ длинный и узкій, вдоль побережья Эпира. Изъ его порта видны горы Албаніи.

Теперь вѣрно съ его пристани приходятъ оттуда одни за другими пароходы и баркасы, перевозятъ доблестную сербскую армію, готовящуюся снова вступить въ бой съ жестокимъ врагомъ. Въ городкѣ Корфу есть двѣ крѣпости, въ которыхъ стоятъ огромные каменные корпуса казармъ, большей частью пустыя (такъ какъ въ Корфу постоянно стоитъ лишь небольшой гарнизонъ),—въ нихъ-то, по всей вѣроятности, и разбѣгнутся Сербы.

Обѣ эти крѣпости старинныя и очень живописныя.

Одна—турецкая, другая была построена еще въ XV вѣкѣ, когда Керкира принадлежала Венеціи.

Исторія отдавала этотъ островъ изъ рукъ въ руки.

Въ XVIII столѣтіи, именно въ 1797 году, Бонапартъ, покоривъ Венецію и уступивъ ее Австріи, оставилъ Ионическіе острова за Франціей, а черезъ два года императоръ Павелъ I, отнявъ ихъ отъ Наполеона, основалъ на нихъ республику, которая обязана была платить дань Турціи. Въ 1807 г., по условіямъ Тильзитскаго мира, они снова переходятъ къ Франціи, а семь лѣтъ спустя Корфу поступаетъ подъ протекторатъ Англіи.

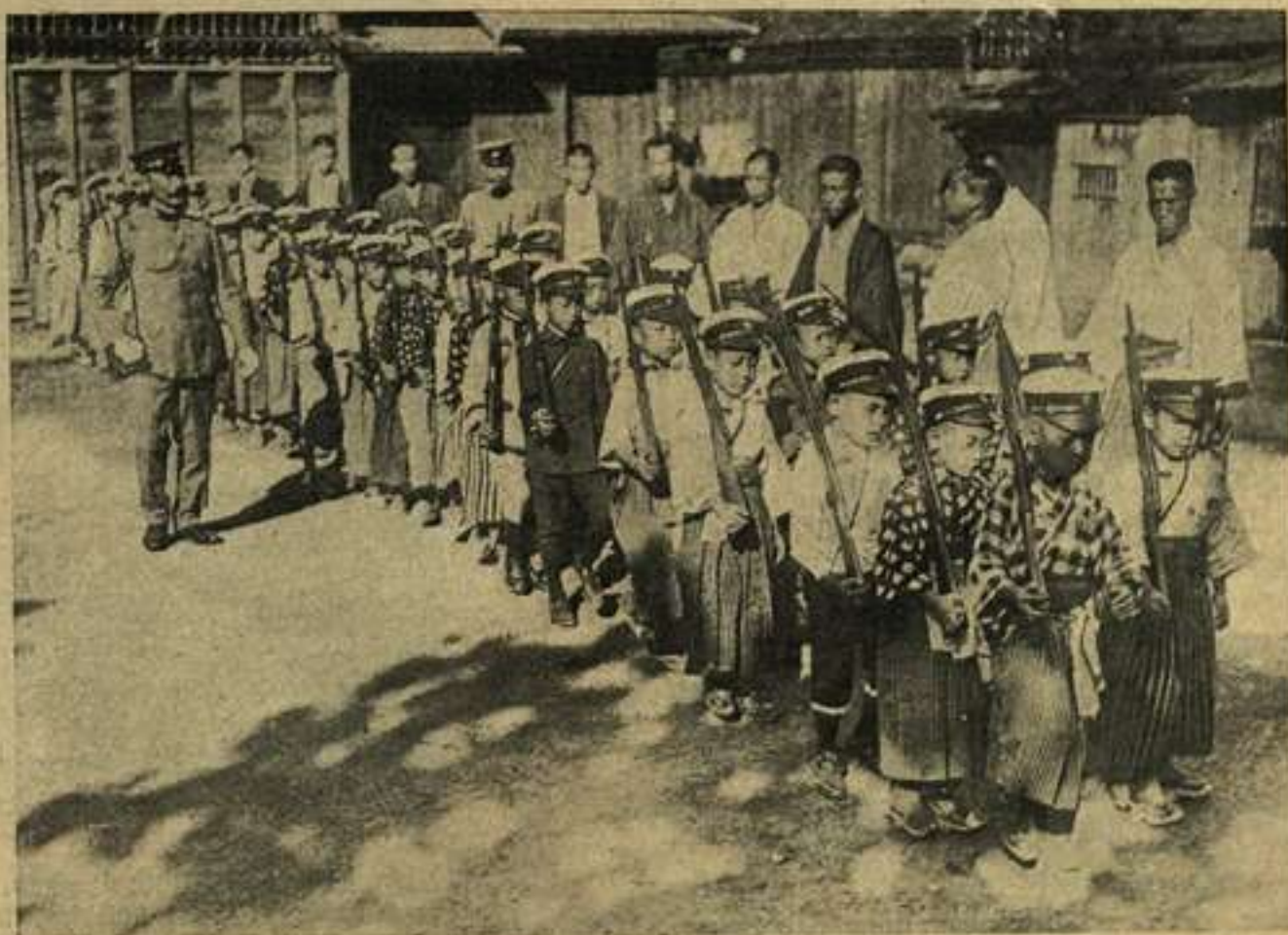
Это самое счастливое время для него. Англичане провозятъ на немъ дороги, строятъ общественныя зданія, организуютъ его внѣшнюю торговлю, однимъ словомъ—посаждаютъ культуру. Вѣстѣ

съ тѣмъ они умѣютъ уважать его независимаяжъ Ольгѣ Константиновнѣ, сестрѣ симостѣ: во время Крымской кампаніи они нашего поэта К. Р.

допускаютъ ему сохранять нейтралитетъ. Лѣтомъ 1914 года корфіоты праздновали. Наконецъ въ 1864 году, послѣ того, ли пятидесятилѣтній юбилей своего прикакъ съ помощью Россіи, Англіи и Франсоединенія къ греческой державѣ. На ции Греція была освобождена изъ-подъ туостровъ пріѣзжали король съ королевой и рецкаго ига, Великобританія даруетъ ей наследнику престола, Венизелось и Ионическіе острова, съ условіемъ, что Греминого знатныхъ Ассиньянъ.

Было устроено двѣ выставки, изъ стои, только что прогнавшие баварскую династію, возведутъ на свой престолъ сына лицы пріѣхалъ театръ, по вечерамъ педатскаго короля, королевича Георга, которедь дворцомъ сжигались блестящіе рый былъ женатъ на русской великой феиберверки, однимъ словомъ—городскъ

ЯПОНСКІЕ БОЙ-СКОУТЫ.

Въ отличіе отъ своихъ западно-европейскихъ товарищей, японскіе бой-скауты вооружены настоящими ружьями.

обыкновенно сонный и скучный, оживился и празднично ликовать.

На одной из выставок—сабли, винтовки, книжки и другие предметы вооружения различных эпох и народов открываются чудный вид на весь без слов рассказывали, как в течение двух столетий Корфу перебивать во власти пяти держав. Среди разных исторических документов находилась манифест императора Павла I, отпечатанный на русском и французском языках.

В отдельной комнате показывались вещи, принадлежавшие знаменитому графу Каподистрия, который родился на этом острове. Между прочим выставилась его русская библиотека. Ведь сто лет тому назад, в 1816 г., он был русским послом в Венеции, а Александр Благословенный очень ценил его, как умного государственного деятеля и талантливого дипломата.

На другой выставке можно было видеть картины современных греческих художников.

Из них самые интересные принадлежали кисти сравнительно молодого еще художника Партениса: он сразу привлекал внимание, так как написаны необычным способом—на необработанной стороне очень грубого полотна и каким-то особенным составом красок. Получалось впечатлительное изображение, вышитых мягкой, матовой шерстью по очень редкой канве. Пейзажи его удивительны.

Этот художник мечтает выставить свои картины у нас в России. У него есть и портреты, и картины на религиозные сюжеты, но пейзажи его—лучше всего.

Самый большой оригинал: живет почти безвыездно в маленьком, беленьком домике на севере острова, на берегу озероподобного залива, с женой и детьми, вдали от всего и всех. Вблизи даже деревни нет. Остров Корфу вообще населен мало, так как за недостатком пресной воды и при неплодородной почве сельским жителям приходится плохо.

Немногочисленные деревни, разбросанные по Керкире, грязны и бедны и, хотя они лежат зачастую в весьма живописных местностях, иностранцу невозможно найти в них приюта, так как не только гостиницы, но хотя бы самые примитивные постоялые дворы в них отсутствуют. В монастыри не пускают монахи, и таким образом городок Корфу—единственное место на острове, доступное туристам.

А между тем он лежит на восточной, наименее привлекательной стороне острова и сам довольно неинтересен.

В нем все современно, т. е. антикварно. Улицы все прямые, дома новые, зелени сравнительно мало, пыли много, и единственное место для гулянья—каменная набережная.

В экипаже или на автомобиле можно, конечно, съездить много прекрасных прогулок. Можно по довольно красивой дороге поехать осматривать виллу императора Вильгельма, знаменитый «Ахиллейон».

Это большой парк, разбитый на крутом склоне горы, и в нем большой дом, не отличающийся красотой. Построен он был для австрийской императрицы Елизаветы. Приобретая его, Вильгельм произвел некоторые изменения: так, например, стены, покрытые раньше помпейскою живописью, он приказал замазать желтой краской, в убранство комнат внес много красных, кровавых тонов: они ему, видно, по душе!

Недалеко от дома, в парке, лежит знаменитый гертеровский «Умирающий Ахилл», — антично-прекрасная статуя.

Вильгельм II поставил почти рядом своего: грузного и уродливого, который, опираясь на копы, стоит с глумлым видом на площадке, откуда открываются чудный вид на весь остров.

В парк строго воспрещается фотографировать. Аппараты отнимаются при входе. Император бегает, как бы, фотографу, не помня его газон, объясняет недоумевавшему путешественнику привратнику, без которого осматривать «Ахиллейон» не полагается.

Теперь, после того, как стало известно, какие склады и запасы держал император в своих владениях, такая расприжания вполне ясны и понятны. Кстати сказать, и в императорской вилле Фальконьери, близ Рима, строго воспрещается делать снимки. Уже не мечтал ли Вильгельм об арсенале германском под столицей Италии?! Немец там, что у нас в былые времена!

Парк спускается к морю, к белой мраморной пристани. Кипарисы в нем огромные, тенистые, олив много, цветет, как и на всем острове,—мало, фруктовых деревьев — почти совсем нет. Фрукты, кроме винограда, в Корфу привозные. Парк великолепен, хотя вблизи города есть еще лучший, который называется «Mon Repos» и принадлежит принцу Андрею, брату короля Константина. Но когда кто-нибудь из членов семьи принца живет на острове, публику туда не пускают.

В апреле 1914 года в этом парке королева Элинов давала празднество в честь своего брата. Приехавшие из Ленинграда дамы пели и танцевали в костюмах разных провинций Элады.

На этом празднике присутствовало много немцев и не было приглашено ни одного греческого офицера, что очень не понравилось корфиотам.

Вообще немцев, а главным образом самого императора, они, повидному, очень не любят.

Когда Вильгельм въезжал с острова, на пристани и на набережной не было ни

души. Ни одна лодка, ни одна яхта не покинула порта, чтобы проводить именитого гостя. А между тем, приезд или отъезд такого лица должен бы составлять событие на маленьком, в море забытом, скучном острове.

Королева София тоже мало популярна. О том, что она находится на острове, узнаешь, встречая около дворца рослых греческих гвардейцев, в забавных или сироченных юбочках и вышитых безрукавках: они всегда сопровождают членов королевской семьи.

Вот кто в Корфу популярен, так это Вензелос.

Население всячески старалось выказать ему свое расположение. Способы выражения симпатии были разнообразны, и один весьма оригинален.

В последний день перед его отъездом были назначены парадный обед и вечерок спектакль, после которого толпа народа, проводив своего любимца до подвала гостиницы, разошлась, как и вся остальная публика, по домам, так как было уже очень поздно. Настала тишина, даже надоедливые цикады перестали трещать, и, казалось, все спало. Вдруг, в третьем часу ночи гостиницу разбудило пение, громкое и стройное. Много народа вышло на балконы и увидало внизу хор, стоявший кучкой и исполнявший, как по программе, одну пьесу за другой.

Оказалось: молодежь Керкиры чувствует Вензелоса, который спал в одной из комнат этого отеля.

Ночь была так хороша, пение так изумительно стройно и прекрасно, что никто не сердился за нарушенный покой и слушали часа два это своеобразное выражение народной любви к большому человеку страны.

К сожаленью, короля Константина уже не было на острове.

Ему бы послушать это пение!

Портретъ.

Он не похож уже,—портретъ минувших дней.

Уста нависны съ безпечною улыбкой И дѣтскій взглядъ добѣривыхъ очей,— Все это кажется теперь одной ошибкой.

Ошибкой времени... Знакомыя черты Года тяжелые страданьемъ углубили...

Въ портретъ прошлаго теперь мерцаешь ты, Какъ сонъ плѣнительный, средь безотрадной были.

Н. Вильде.

Подъ тѣми же звѣздами.

Листки стараго дневника.

I.

Я проводил ее домой. Вернулся съ берега моря поздно—я только дошел до угла: мать не позволяетъ Сонѣ знакомиться со студентами. Ахъ, петь, я не могу сидѣть здѣсь, за стѣною, я не въ силахъ молчать—вѣдь она сказала: люблю! Бѣжать, кричать отъ восторга, отъ радости—она любитъ! Схватить на улице въ объятія прохожаго, ветряхнуть его, поднять вверхъ—бросить въ его глупое удивленное лицо: любить, любить! Несчастный городъ—спитъ и ничего не знаетъ... Не знаетъ, что она моя, навѣки моя, навсегда, на цѣлую вѣчность!..

На берегу моря мы провели весь вечеръ сегодня. Я не помню, шумѣли ли то волны прибоа, шурша о неподвижные камни, или шумѣла въ вискахъ у меня радость крови. Да было ли то море? Быть можетъ, передъ нами шла дорога къ тѣмъ звѣздамъ, которыя вѣчны, какъ вѣчна любовь? Оно дышало, вздыхало, я слышалъ; оно даже будто сказало мнѣ что-то... Въ скалѣ у поворота на северъ есть глубокая трещина, куда заглядываешь пѣна; оттуда я ясно слышалъ, когда мы оба молчали, какъ кто-то шепталъ: «Соня! Моя! Соня!»

Наверху все созвѣздія лѣтняго неба, которыя я хорошо знаю, видѣли насъ—и не забудутъ нашего счастья. Лебедь стоялъ высоко и освѣчал своимъ жемчужнымъ крестомъ нашу любовь. На югъ зерномъ граната смотрѣлъ на насъ Антаресъ, соперникъ великаго Марса. Алтапръ закрывалъ вѣки и жмурился—ему стыдно было за свои голубые глаза—имъ никогда не быть такими лучистыми голубыми глазами, какіе струятся изъ-подъ ресницъ ея, моей радости.

— Ты не забудешь меня?—тихо спросила она;—ты всегда будешь любить свою Соню? Неправда ли?

—Я умру, благословляя тебя...—отвѣтилъ я, съ восторгомъ глядя на небо.—Пусть этотъ Лебедь, и этотъ Орелъ съ Алтапромъ, и Антаресъ Скорпіона—пусть они будутъ свидѣтелями. Последнимъ словомъ въ моей жизни будетъ твое имя. Запомни!

— Ты долженъ любить меня до гроба,—кинула головой она.—Когда ты кончишь университетъ, мы поженимся... Да?

— Милая!

Я схватилъ ее въ свои объятія. Была ли она одна въ моихъ рукахъ? Или я схватилъ вмѣстѣ съ нею и куполъ неба, и все море съ берегомъ, и съ той скалой у которой есть глубокая трещина? Звѣзды падали вокругъ, точно брызги фонтана, и все звенѣло вокругъ, наполняя насъ благовѣстомъ...

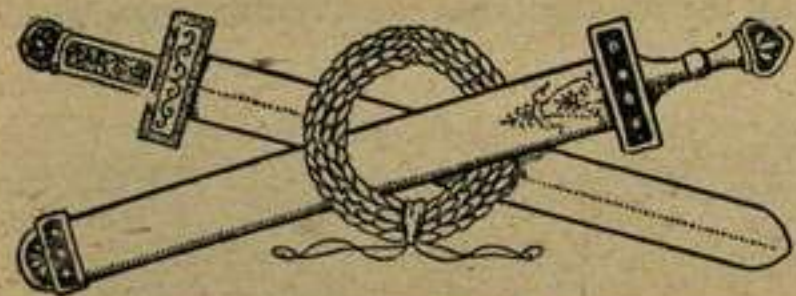
— Тебѣ осталось девять экзаменовъ.—шептала она.—Сдай скорѣе ихъ... Мнѣ такъ тяжело ждать.

И я, бросивъ фуражку на землю, воскликнулъ:

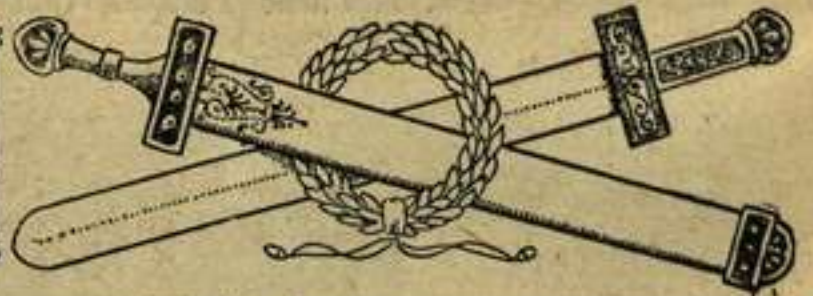
ГАЛЕРЕЯ СОВРЕМЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ.

Андръ Роб. ЛЕДНИЦКІЙ, издатель выходящаго теперь въ Москвѣ польскаго журнала «Echo Półskie». Въ настоящее время А. Р. Ледницкій играетъ выдающуюся роль въ дѣлѣ оказания помощи польскимъ беженцамъ въ Москвѣ. См. № 14270 «Нов. Вр.».

Павшие смертью храбрых.

Полк. В. В. Покровский.
Награжд. Георг. оруж. Си. отъ ранъ.

Кап. В. О. Алексеевъ.
Сконч. отъ ранъ.

Кап. П. О. Алексеевъ.

Подп. С. И. Доршпрунг-Целица.

Прап. Габриэль Чарыновъ.

Корн. И. Б. Романовскій-Романько.

Прап. Н. П. Григорьевъ.

Прapor. Н. И. Рыжиковъ.
Сконч. отъ ранъ.

Пор. кн. Ю. Л. Голицынъ.
Сконч. отъ ранъ.

Подпор. Е. Н. Хомутовъ.

Подпор. Н. Д. Шиллингъ.

Ротм. В. П. Никифоровъ.
Сконч. отъ ранъ.

Прап. П. П. Паршаковъ.

Корн. Д. А. Штыргиевъ.
Сконч. отъ ранъ.

Прап. Н. Н. Романовскій.

— Ты увидишь: я с'амъ! Клянусь! Пусть Алтаирь, и Антаресъ, и Денебъ Лебеди—слышать мое обещаніе! Безъ тебя—пустыня моя дорога. Безцвѣтная жизнь. И краски природы становятся фотографіей. с'брою, скучною.

— Я на дняхъ снимусь у Вайнштейна и подарю тебѣ карточку...—проговорила она, опустивъ голову на мое плечо.—Я снимусь въ профиль: онъ лучше... Я проводилъ ее домой. Дошелъ только до угла: вѣдь мать не позволяетъ Сонѣ знакомиться со студентами...

II.

Вчера мы съ женою были на берегу. Съ нашей дачи такъ удобно: всего два шага, не нужно далеко тащиться. Вечеръ выдался какой-то исключительно теплый. Небо горѣло звѣздами, такія крупныя звѣзды бываютъ только на югѣ. Мы сидѣли на бе-

регу, у самыхъ волнъ. Но приборъ почти не было—кругомъ тишина. И покой, говорившій о вѣчности...

— Я люблю лежать такъ, на спинѣ, и смотреть вверхъ,—сказала Нина, взявъ меня за руку.—Мнѣ тогда кажется, что я че на землѣ... Что я среди звѣздъ.

— Да, должно быть,—отвѣтилъ я.

Наверху стоялъ жемчужнымъ крестомъ Лебедь. И жмурялъ глаза Алтаирь. Зерномъ граната смотрѣлъ съ юга Антаресъ, соперникъ Марса.

— Ты простудишь такъ плечки,—добавилъ, немного помолчавъ, я.

— Ничего.

Она вздохнула, подожгла подъ себя руки и заговорила, продолжая смотреть вверхъ:

— Я не знаю, что дѣлать съ молочницей. Каждый день молоко къ вечеру скисаетъ.

А Петъ докторъ прописалъ вечеромъ по два стакана...

Я замѣтилъ какъ сверху проскальзнулъ метеоръ. Разрѣзалъ небо на части, ударилъ звѣзды полосой голубого огня и исчезъ. Я отвѣтилъ задумчиво:

— Прогони. Возьми другую.

— Огурцовъ до сихъ поръ нѣтъ на парниковыхъ,—продолжала Нина, переводя глаза съ Дракона на Лиру.—Казалось бы, въ полѣ уже должны быть. А нѣтъ...

— Да, странно... Вотъ уже метеоровъ много—Персеиды начали наблюдаться,—отвѣтилъ я.—А это значить—августъ близко.

— Уже августъ!... Да... августъ. Въ самомъ дѣлѣ... Какъ быстро лѣто проходитъ! А здѣсь такъ хорошо... Милый, мы такъ съ тобой здѣсь счастливы! Мнѣ такъ не хочется уѣзжать!... И потомъ переѣздъ... Сундуки, чемоданы...

Сколько извозчики берутъ до Новороссійска?

— Пятьдесятъ. Она замолкла. Еще метеоръ пробѣжалъ и потухъ. Коснулся Веги—мнѣ казалось, будто Вега сама сорвалась съ мѣста и погасла въ пространствѣ.

А море лежало неподвижное, сонное, точно мыши вознаисъ у берега волны съ камнями. Паутиной легли на сѣверѣ тонкія вѣтви австралийской акаціи. И надъ берегомъ протянулъ бѣлая сѣтя туманъ, уводя въ сказочный міръ прибрежныя горы.

— Идемъ. Сыро,—сказала Нина, вставая.

III.

На дняхъ мы чудесно провели время съ Тото. До сихъ поръ у меня болитъ пятка и стрѣляетъ въ правой ногѣ. Но въ душѣ я такъ молодъ...

Мы сидѣли на балконѣ ресторана на

Остр. Корфу—временный приютъ войска герцевъ.—сюда перевозятся сейчасъ войска изъ ихъ опустѣвшй и разоренной болгаро-нѣмецкимъ нашествіемъ родины. Отсюда вновь они вернутся къ своей героической борьбѣ.

Видъ съ площадки парка виллы императора Вильгельма.

Древній православный монастырь «Палеонастрица» на островѣ Корфу. Теперь въ немъ ос-а ось всего пять-шесть монаховъ.

ГАЛЕГЕЯ СОВРЕМЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ.

Ник. Никол. НОРЕВО, гофмастеръ Деора Его Императорскаго Величества, статсъ-секретарь Гос. Совѣта, председатель комисіи по систематизаціи финляндскихъ законовъ, Высочайшимъ указомъ 1-го января назначенъ сенаторомъ.

Ник. Чеславов. ЗАЙОНЧОВСКІЙ, товарищъ оберъ-прокурора Св. Синода.

Лидо. Я его такъ люблю, этотъ балконъ: внизу плещется море, а веревки между столбами показываютъ, приливъ сейчасъ, или отливъ... Интересно отсюда наблюдать и купальницъ.

Ресторанъ залитъ огнями. Шумно и весело—музыка, вино пьютъ. Заставляютъ думать о счастіи. И Тото—сидитъ противъ меня—яркій свѣтъ отбѣиваетъ черныя брови, идущія рѣзкими дугами, и красный налетъ кармина точно очерченныхъ губъ.

— Чудный вечеръ, — сказала она. — Здѣсь сегодня такъ много народу... Я рада.

— Хочешь, попрошу еще фiasco?

Она кивнула головой. Отказаться отъ вина—такъ глупо. Облокотившись на перила балкона, она молча стала смотреть вдаль. И я тоже замолкъ.

Шума волнъ я не слышала: кругомъ стучали ножи, тарелки. Но отсюда шла знакомая дорогая прохлада. Ливное, безпечное, нѣжасъ о теплый песокъ отлогатаго пляжа, море закуталось въ черный шелкъ безконечной магияли, какой не слыдешь у торжественъ на Ріальто; и надъ этой красавицей я увидѣлъ тѣ же глаза Алтаира и Антареса, соперника Марса, и жемчужный крестъ Лебеда, распростертый вверху. Отсюда они видны какъ-то неясно. Свѣтъ электрическихъ фонарей отогналъ ихъ въ пространство, сдѣлавъ грустными, блѣдными, лишенными жизни.

— У тебя красивыя руки. Тото, — сказала я. — Чемъ ты мажешь ихъ? — Филлодерминомъ.

И добавила съ досадою:

— Ты до сихъ поръ не замѣтилъ, что сто тысячъ у меня идеальная ножка.

— Это правда,—согласился я, глядя лала бы горячую ванну... Горячую такую, подъ столъ.—Ноги у тебя—преlestь.

— То-то и есть...

Она вздохнула. Затѣмъ поглядѣла вверхъ, придерживая шляпу.

— На небѣ звѣзды,—радостно проговорила она; — я люблю, когда на небѣ звѣзды.

— Я тоже.

— Я люблю ихъ, потому что онѣ обѣщаютъ хорошую погоду. Видъ я такъ не выношу дождя! Нельзя какъ съидуетъ одѣться. И потомъ—это мѣшаетъ многому. Милый,—повернулась она ко мнѣ быстрымъ движеніемъ,—подари мнѣ на манго 500 лиръ! Хорошій!

Внизу лезвон захлопали волны. Очевидно, прошелъ пароходъ гдѣ-то вдали. Я случайно поднялъ глаза. Антаресъ исчезъ за набѣгающей тучей. Вотъ, кажется, онъ—чуть замѣтный уколъ свѣта, окруженный облачнымъ вѣщомъ... Я отвѣтилъ:

— Хорошо. Мы поговоримъ объ этомъ.

А она, прислонившись попрежнему къ периламъ, смотрѣла впередъ, переводила взглядъ со звѣзды на звѣзду и говорила искреннимъ грустнымъ тономъ:

— Я вижу по лицу, что ты не дашь. Да. А между тѣмъ я такъ несчастна! Мнѣ впрямъ хочется бросить всѣхъ, все, бросить грязную прошлую жизнь и начать жить снова, чистой, невинной. Ты знаешь: я въ последнее время часто мечтаю... Мечтаю, что откуда-то неожиданно получу много денегъ. Сто тысячъ. Дѣвести. И это дастъ мнѣ возможность устроить жизнь, какъ я хочу. Мнѣ кажется, что я найду эти деньги на улицѣ. Или умереть кто-нибудь изъ моихъ знакомыхъ и оставить бумажникъ...

— А что бы ты сдѣлала тогда, имѣя въ себя ужасный въ церкв о колѣнхъ. И вотъ и няла бы бы обста бро... За воронныхъ уирыжью. свой авто бѣлыхъ п люблю м ныхъ пла

— Ахъ! Вотъ что сдѣлала бы... Сдѣ- горячую ванну... Горячую такую,

Пор. Е. А. Шиловскій. Награжденъ Георгіевскимъ оружіемъ.

Пор. Н. И. Болтуць. Награжденъ Георгіевскимъ оружіемъ.

Подпол. Н. В. Соколовъ. Награжденъ Георгіевскимъ оружіемъ.

Корн. Е. Н. Оношовичъ-Яцина. Награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст.

НА ВОЙНѢ.

Начальник дивизии ген.-лейт. Добrorольский раздает награды героям-шатцам.

Священник съ церковникомъ на походѣ. Во выюкахъ—походная церковь.

отъ которой шелъ бы паръ. И смгла бы дился уже гдѣ-нибудь новый русскій ге- сь себя все, все, весь свой прошлый ній, то онъ не возьмется за перо, пока ужасный грѣхъ. А потомъ... пошла бы не уляжется бушующее море борьбы въ церковь. Я горячо плакала бы въ книжка! Читаешь ее, и не вѣришь, что Среди же всѣхъ писаній о войнѣ, кажет- ся, трудно найти что-нибудь очень яркое менныхъ». Стиль, тонъ, манера смо- и свѣжее.

И воль началась бы новая жизнь. Я въ числѣ даровитаго останавливаетъ на себя вниманіе небольшая книжка авторъ, при всей молодости своей, об- няла бы роскошную квартиру. Купила бы обстановку, ковры, хрусталь, сере- бро... Завела бы своихъ лошадей: пару воронихъ и пару сѣрыхъ. Съ англійской упряжкой. У меня былъ бы при этомъ свой автомобиль. Лакеи подавали бы въ бѣлыхъ перчаткахъ, сѣдые лакеи,—я не люблю молодыхъ.. Я имѣла бы сто раз- ныхъ платьевъ...

— Сто тысячъ тебѣ бы не хватило, Тото,—проговорилъ я, слѣдя за Антаре- сомъ, который медленно освобождался отъ тучи.—И духомъ не хватило бы: по- думай, содержание лошадей, автомобиля, квартиры...

— А поклонники?—удивилась Тото.— А они? Одинъ платилъ бы за лошадей, другой—по счету портнихъ, третій—за квартиру могъ бы влести...

Она смогла. И я не возражалъ. На балконахъ все прибавлялось и прибавлялось народу. Какой-то господинъ съ сосѣднего столика улыбулся въ сторону Тото и кинулъ насмѣшливо головою, не снимая шляпы. Она отвѣтила ему, подмигнувъ прелезнымъ глазомъ.

Рядомъ съ ресторанами по случаю ка- кого-то праздника стали жечь фе- ерверкъ. Затрещали бураки, грузно прыгая вверхъ, и римскія свѣчи неслись къ не- бу, отставая отъ царственныхъ ракетъ, оставившихъ землю внизу. Золотыми дугами заиграли фонтаны; синій дымъ разлился вокругъ и закрылъ собой и черную мантилью моря, и синюю оправу зѣвадь навѣрху. Печетъ Антересъ, сопер- никъ Марса, и голубой Алтеаръ; и пото- пулъ жемчужный крестъ Лебеда, который съ юныхъ лѣтъ до сѣдняхъ освѣжалъ меня, благословляя вѣчную любовь и неруши- мыя чувства...

А. Ренниковъ.

Литературныя впечатлѣнія.

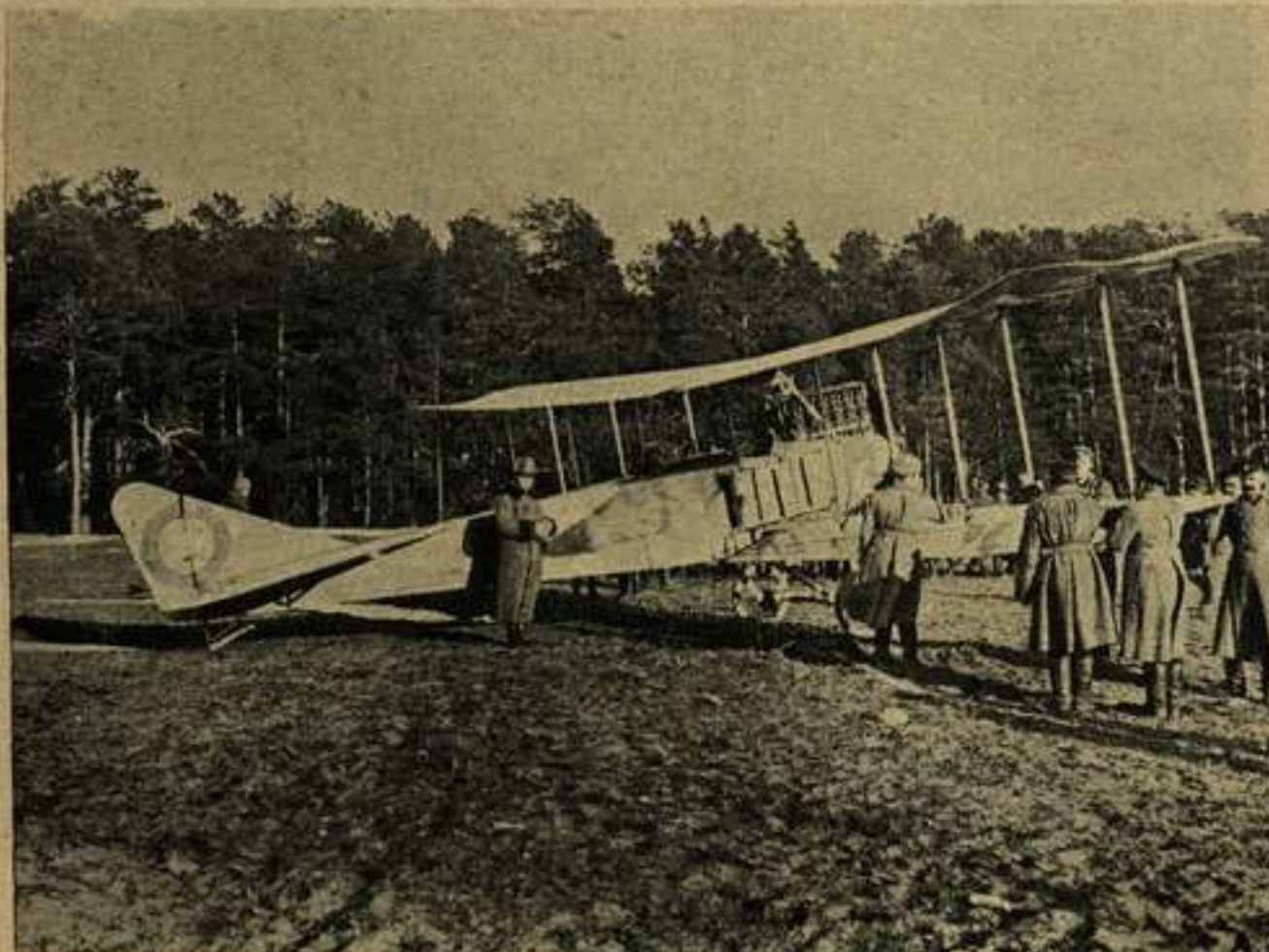
Гр. Алексѣй Н. Толстой.

Много уже разъ упоминалось о томъ, что война отодвинула на второй планъ интересы искусства, и что литература на- шихъ дней, не будучи въ силахъ справ- литься со всей громадностью пережи- ваемыхъ впечатлѣній, только отдельны- ми слабыми штрихами отражаетъ совер- шающіяся событія.

Ждать появленія «Войны и мира» те- перь слишкомъ рано. Если бы и наро-

У костра въ лѣсу.

Нѣмецкій альбатросъ на русской службѣ.

бѣлыхъ очерковъ, путевыхъ набросковъ гр. Алексѣя Н. Толстого. Удивительная книжка! Читаешь ее, и не вѣришь, что это писалъ кто-то изъ нашихъ «совре- менныхъ». Стиль, тонъ, манера смо- трѣть на предметы и ихъ описывать та- кая не нынѣшняя. Какъ-то вообще этотъ авторъ, при всей молодости своей, об-

щимъ теченіемъ не только не заразился, но какъ будто выросъ отъ стараго клас- сического корня русской литературы въ особой теплицѣ, черезъ стѣны которой не проникали никакія вѣянія нашихъ дней.

Въ творчествѣ гр. А. Н. Толстого во- обще и въ его книгѣ «На войнѣ» въ частности есть одна очень цѣнная въ наше время особенность. А. Н. Толстой необыкновенно хорошо чувствует про- стой народъ. Ясно и глубоко. У насъ въ литературѣ это свойство давно выве- лось. Когда сошли со сцены послѣдніе «народники», благородно-тенденціозные, но бездарные, въ писаніяхъ и поэтовъ и прозаиковъ современности мужикъ почти совершенно исчезъ. Имъ было не до него, ибо они, стремясь къ «изыскан- ности», оперировали все съ «настрое- ніями», «мерцаніями», художниками, лежащими на леопардовыхъ шкурахъ, и свои произведенія заливали до краевъ ликерами и шампанскимъ. Тяготѣніе къ «шкурамъ» и «тканямъ» понятно, какъ результатъ демократизаціи литератур- ной среды, это своего рода мечта горь- ковскаго барона о «каремъ съ герба- ми». Пока они у него были, онъ о нихъ не думалъ... Брюсовымъ и Сѣвергиче- намъ кареты съ «гербами» необходимы... Но я не буду на этомъ сейчасъ оста- навливаться. Мнѣ хочется сказать о книгѣ А. Н. Толстого, его почти черно- выхъ замѣткахъ, гдѣ проглядываетъ уди- вительное умѣнье понимать нашего му- жика. Мужика на войнѣ. А. Н. Толстой видитъ, такъ сказать, самое существо русскаго человѣка и подходит къ нему безъ догадокъ и предположеній, а ласко- во и увѣренно, какъ *свой*.

Въ массѣ офицеровъ, солдатъ, врачей, сестеръ и санитаровъ бросается ему на- примѣръ, въ глаза фигура вѣстового, и вы ее навсегда запоминаете.

«Въ нашемъ полкѣ... одна замѣча- тельная личность — Сусовъ, санитаръ, вѣстовой, денщикъ, живое мѣсто, пульсъ, утѣха всего эшелона.

«Полкъ нашъ ползетъ на западъ; хо- лодный вѣтеръ бьетъ въ окна, бѣлый дымъ паровоза застреваетъ въ мокрыхъ,

ль ос а ось

тогда, шгба

а бы... Сдѣ- чную такую,

ужиемъ.

ужиемъ.

ына.

4 ст.

уже голыхъ дѣсахъ, стелется по кочкамъ, цѣпляется за кусты; мгла затянула солнце и дали; медленно проплываетъ деревня, голыя живныя, коровы на буграхъ; синий дымъ костра вѣтся подъ косоугоромъ у сосновой опушки. Въ вагонѣ опустились, наконецъ, шторы, зажгли свѣчи на узкомъ, покрытомъ бѣлой скатертью, длинномъ столѣ между койками... Горничная и Сусовъ приносятъ въ эмалированныхъ тазахъ ужинъ. Сусовъ глядитъ себѣ подъ ногу, на правую сторону, и готовъ каждую минуту исполнить приказанія какия-угодно. Одѣтъ онъ въ жилетку, подъ брюхомъ—кожаный поясъ, лицо скуластое съ закрученными усамъ.

— Сусовъ,—говоритъ докторъ,—покажи карточку. — Сусовъ шевелитъ бровями, глядитъ въ землю, въ бокъ, затѣмъ дѣзетъ на полку и подаетъ фотографію,—на ней снятъ онъ самъ, сидя на аэропланѣ; на головѣ у него автомобильная фуражка съ очками, одна рука поднята какъ бы для привѣтствія; такую карточку онъ послалъ женѣ въ Рязанскую губернію, написавъ: «Смотри, жена моя Матрена, послѣдній разъ летаю надъ тобой. Герой-доброволецъ Сусовъ, съ Богомъ! Ура!»

Горничная, служившая до этого въ хорошемъ домѣ, презираетъ Сусова и не называетъ его никакъ,—ни Сусовъ, ни Петръ. Онъ же про нее выразился, что гарелки, викии мыть это — ея дѣло, а въ деревнѣ она на работѣ въ одинъ день свернется,—легка. «Ее только въ клѣтку посадить да съмечки ей давать, сидитъ, пѣсни поетъ, вотъ я ее какъ принимаю». Сусовъ поглядѣлъ на свои растопыренные пальцы, — черные, какъ ключки, и сказалъ неожиданно серьезно: «Жена у меня хорошая женщина: вотъ въ покое мы съ ней въ одинъ день шестидесять восемь копеекъ перекидали, у меня руки опустились, она квасу попала—и ничего. И смѣлая, батюшку моего, матушку уважаетъ. Трое у насъ дѣтвей растеть».

Послѣ ужина Сусову сказали, чтобы пѣлъ. Мы стали на площадкѣ вагона. Сусовъ сѣлъ передъ нами на табуретку, присогнулся, вздохнулъ и вдругъ дикимъ, хриплымъ голосомъ заплѣлъ пѣсню про какого-то необыкновенно изысканнаго, томнаго молодца, который надѣлъ на ясные свои кудри шапочку пуховую и пошелъ по жердочкѣ, жердочка сломалась, шапочка свалилась, молодецъ припался вызывать къ дѣвицѣ, увѣряя ее, что тонетъ и, между прочимъ, попросилъ самушку.

Сусовъ побывалъ и на Байкалѣ, и на югѣ, и въ Персіи, брался за всякое дѣло, но всегда возвращался на свой пензенскій удыль. Четверо дядевъ его — старшіе унтеръ-офицеры, одинъ убитъ недавно. Изъ ихъ села нашло на эту войну тысяча человекъ. Весь день онъ на погахъ; все, что бы ни поручили, исполнить живо и точно и затѣмъ придетъ и отрапортуетъ въ такихъ выраженіяхъ, что весь вагонъ повалится со смѣху...

Интересуется и живетъ войной Сусовъ. Чуть свѣтъ бѣжитъ черезъ пути на вокзалъ, встрѣчаетъ землячкова, спрашиваетъ, много ли набили Пѣмца. Будущимъ туда наказываетъ: «Смотри, землякъ, хорошенько постарайся!» — а вернувшись въ вагонъ, становится у двери, вздыхаетъ и говоритъ: «Да ужъ доведется повоевать; Пѣмецъ, какой смѣлый,—бьютъ, а онъ дѣзетъ; какой неприятный».

Вчера вечеромъ на станціи поднялась суета, выбѣжали на перронъ всѣ чины, выстроились и стремительно, съ грохотомъ, свистя, подлетѣлъ залитый огнями, весь хрустальный поѣздъ. Послѣ этого Сусовъ пришелъ въ вагонъ и говоритъ: «Ваши превосходительства (такъ, будучи заволнованы и обрадованы, зоветъ онъ доктора и меня), а я командующаго видѣлъ въ окопахъ, ей-Богу, прямо обмеръ». «Какой же командующій изъ себя?» —

спрашиваемъ. «Усы громадные... Да я, наши превосходительства, ничего кромѣ не разглядѣлъ, очень страшно стало. Ну и герой».

А. Н. Толстой рисуетъ больше всего очень утомлены. «... Весь слѣдующій день, дождливый и приспосабливаться, по въ огромной массѣ своей только «фальшивила», ибо главная воюющая масса—народъ—для нея ни на погорѣвшія постройки. Мы были

А. Н. Толстой рисуетъ больше всего очень утомлены. «... Весь слѣдующій день, дождливый и приспосабливаться, по въ огромной массѣ своей только «фальшивила», ибо главная воюющая масса—народъ—для нея ни на погорѣвшія постройки. Мы были

Вотъ сценки, напоминающія аналогичное въ «Войнѣ и мирѣ».

Въ сумеркахъ мы опять пробѣжали дамбѣ. Теперь на ней сгрудилось четыре ряда обозовъ и стояла такая ругань, что новый ящикъ нашъ,—толстый, красный, въ самодѣльной ливрѣ,—засмѣялся отъ удовольствія, привѣталь на козлахъ и польски, славянски, еврейски и русски принялся ругаться самъ. Навстрѣчу въ это время, разрѣзая обозы, пошла полевая артиллерія. Шестъ огромныхъ, злыхъ лошадей влекли на канатныхъ постромкахъ каждую пушку, громающую, обвѣшанную утварью и портянками. Первый ѣздовой, крѣпкій, широкоплечій, щетинистый солдатъ наѣхалъ было прямо на ворономъ и пѣгомъ жеребцахъ на нашу коляску. Тогда кучеръ принялся его не то что ругать, а просто срамить, и ѣздовой, проворчалъ: «Ну, ну, у меня поругайся», — все-таки свернулъ и далъ намъ дорогу...

«... Весь слѣдующій день, дождливый и приспосабливаться, по въ огромной массѣ своей только «фальшивила», ибо главная воюющая масса—народъ—для нея ни на погорѣвшія постройки. Мы были

«А по ровному, залитому жидкой грязью, шоссе двигались полки, артиллерія, парки. Солдатики шли вразбродъ, прикрывшись брезентовыми палатками, иные влѣзали на телеги, складывая тутъ же оруженіемъ, — ружья, торчащія изъ телегъ штывами во всѣ стороны. Не видно было офицеровъ, не слышно команды. Всѣ шли, какъ на работу. И, глядя на эту простую, веселую, мужицкую армію, подумалъ я, что, должно быть, въ веселой простотѣ ея—непобѣдимая сила».

Я не буду приводить другихъ отрывковъ, отсылая читателя къ самой книгѣ, которая не имѣютъ съ парочито-военной, тенденціозной, изготовляемой «глядя по вѣтрамъ» литературой.

Когда война началась, интеллигенція наша, надо ей отдать справедливость, горячо бросилась на работу. Въ работѣ этой было много и усердія, и первности, и самопожертвованія, но проглядывало въ ней зачастую какое-то неумѣе просто разговаривать съ тѣмъ же солдатомъ въ лазаретѣ. Интеллигентъ приравнивался къ мужику, памятью свои лозунги на тему fratrité, égalité, liberté и отъ этого самаго желанія что-то соблюсти, поминутно выпадалъ въ ложный, искусственный тонъ, смущавшій мужика, который чутьемъ улавливаетъ всякую неестественность, подѣлку и бонитъ ихъ—какъ-то шарахается въ сторону. Литература тоже начала

«... Весь слѣдующій день, дождливый и приспосабливаться, по въ огромной массѣ своей только «фальшивила», ибо главная воюющая масса—народъ—для нея ни на погорѣвшія постройки. Мы были

Молодой писатель, главное въ этой войнѣ понялъ. Онъ понялъ, что: «народъ, еще не жившій, но мудрый, темный, но мистически глубокой, грузный и грубый, но съ пѣжнымъ, безконечно яснымъ сердцемъ, внезапно, въ одинъ день, какъ молнію почувствовалъ всѣ свои силы и то, что всѣ эти силы хороши и нужны, и что возникла простая, понятная и героическая форма для нихъ—война».

«Народъ пошелъ воевать не для славы, не изъ-за ненависти, а за общее дѣло, которому настала часть; словно вся Россія стала однимъ хозяйствомъ, приспѣло время жатвы, и всѣ, взявъ серпы, пошли жать».

Великій переворотъ борьбы и крови несомнѣнно принесетъ обновленіе для всей русской жизни. Онъ очиститъ и искусство наше, смететъ всю мутную накипь болѣзненныхъ блужданій русскаго творчества, приготовитъ пути для избранныхъ. Избранные придутъ, потому что въ самомъ обществѣ пробудилась жадная потребность въ искусствѣ, которое по настоящему,—художественно и величаво,—отразило бы не только текущую жизнь каждаго дня, но и эпоху великой борьбы русскаго народа.

Спросъ создаетъ предложеніе—это законъ и для художественнаго творчества. Пока мы тонули въ сверхчеловѣчествѣ и сверххулиганствѣ вседозволеннаго, питались «огарчествомъ», клубами самоубійцъ и всякими «половыми проблемами» — не могло быть у насъ иныхъ «корифеевъ» кромѣ Арцыбашева и Комп., потому что великій писатель въ большей или меньшей степени есть порожденіе того общества, въ которомъ онъ живетъ и мыслитъ. Арцыбашевщина развилась изъ мязмовъ нашей моральной и умственной атмосферы. Мы на нее нападали, а сами ею питались и ее рекламировали, ибо нашъ организмъ не принимаетъ свѣжей пищи. Теперь и окна и двери широко распахнуты. Мы провѣтриваемся. И уже проникаютъ чистыя струйки—признаки грядущаго обновленія. Одинъ изъ этихъ молодыхъ побѣговъ, еще зеленыхъ, но уже здоровыхъ—гр. А. Н. Толстой.

М. Курдюмовъ.

У БЕРЛИНСКАГО ПОРТКОГО.

Кронпринцъ: — Ловко сиреною! Только что у насъ потомъ изъ этого выйдеть? («The Sketch».)

Мы плыли по рѣкѣ... И въ тихой ночи мая
Насъ мѣсяцъ озарялъ, изъ облаковъ
мерцающа...

На воду свѣсившись, пахучая сирень
Мечтой любви и счастья дышала;
Взволнованной воды струя вдали бѣжала;
Безмолвно двигалась за нею ночи тѣнь...

Въ вѣтвяхъ уснувшихъ липъ гремѣлъ и
заливался
Безпечный соловей; шептались листья нивъ;
Серебряный туманъ лѣниво поднимался,
И пылью влажною тнуло съ дальнихъ
нивъ...

Ты помнишь: въ этотъ часъ раздумья и
покоя,
Казалось, съ будущимъ сливалось бывшее,
И жизнь смолкала въ насъ, и умирали мы...
И все утихло, все: и плескъ кормы,
И пѣнье соловья... И насъ влекло теченье
Въ серебряной ночи, въ недвижномъ сподвижнѣ...

Гр. А. А. Салтыковъ.

* Гр. Алексѣй Н. Толстой. «На войнѣ». Стр. 9. Книгоиздательство писателей въ Москвѣ.

«ЕВГЕНИЙ ОНЪГИНЪ» ВЪ КОПЕНГАГЕНЪ.

Чайковский завоевалъ себя прозное мѣсто у любителей музыки на Западѣ. Недавно въ Копенгагенѣ, въ королевскомъ театрѣ, былъ поставленъ его «Евгеній Онъгинъ» съ известной датской пѣвицей Тенной Фредериксенъ въ роли Татьяны. Опера имѣла огромный успѣхъ. Помѣщенная здѣсь фотографія, изображающая сцену на балу у кн. Грѣмина, показываетъ, съ какою тщательностью отнеслись въ датскомъ театрѣ къ произведенію нашего композитора.

Литературныя замѣтки.

Особенное «христіанство»*.

Типичная современная книжка: весьма изящная внешность и весьма неряшливое содержаніе. Неряшливое именно «изнутри», ибо авторъ не даетъ себѣ труда, ни собственными свои идеи продумать до чего-либо яснаго и опредѣлительнаго, ни къ вещамъ «объективнымъ» отнестись съ объективностью и искренностью. Это опять-таки типично для нашихъ дней—вся эта претенциозная «глубина» и повизна «использованныхъ», которые сами нуждаются въ комментаріяхъ и «научныхъ» объясненіяхъ, которые не считаются съ природой объясняемыхъ явленій.

Пушкинъ, видите ли,—«наша органическая христіанская (?) жизнь, въ ея томленіяхъ грѣха и святости, въ ея колебаніи всѣхъ роковыхъ антиномій, въ ея бореніи плоти и смерти» (стр. 43). Или въ другомъ мѣстѣ: «Ничего гармоническаго на дѣлѣ,—великій грѣшникъ и мятежникъ, всегда влюбленный, всегда грѣховно-плѣненный—и всегда въ преодоленіи. Въ этомъ жизнь Пушкина—въ этомъ кипѣніе христіанскаго (?) бытія въ немъ».

Позвольте, однако. Прячемъ тутъ «христіанство»? Что жизнь Пушкина была исполнена «кипѣніемъ» и борьбы страстей—принимаетъ. Да это и достаточно банальное утвержденіе. Что его «бытіе» можно, пожалуй, назвать «грѣховно-плѣненнымъ» (хотя эта педагогическая характеристика будетъ довольно поверхностной),—допускаемъ. Назовемъ поэта, наконецъ, даже «великимъ грѣшникомъ и мятежни-

ТЕАТРАЛЬНЫЕ ШАРКИ.

Оперная артистка М. Н. Кузнецова.

Рис. Н. Г. Лезамъ.

комъ»,—хотя и это совершенно незбрлю. Но почему вся эта грѣховность и мятежность, и кипѣніе, и плѣненность оказываются «христіанскимъ бытіемъ» и «христіанской жизнью»?!

Подумаешь, что «христіанство» есть какой-то терминъ безъ опредѣленнаго собственнаго значенія, есть нѣкоторая общія скобка, въ которую можно заключить какія угодно «слагаемыя» и объявить ихъ содержаніемъ этой скобки. Точно никто ничего не слышалъ о христіанствѣ, и вотъ вчера «открылъ» его счастливый человекъ—Владиміръ Гишпюсъ.

Въ самомъ дѣлѣ, онъ такъ и смотритъ на это. Ему пришло въ голову «страсть» (которая, по его опредѣленію, есть «преодоливаемая чувственность») отождествить съ «христіанскимъ бытіемъ», а это послѣднее понять, какъ «борьбу» соблазновъ со страстями: «Такъ мы грѣшны, такъ мы соблазняемся—и соблазнами преодолеваемъ страсти (NB что собственно это значить?),—и преобразуемся. Живя такой жизнью, мы живемъ жизнью христіанской,—жизнью преодоленія и преобразенія, а не глухого отреченія» (стр. 9).

Остроумно. И такимъ образомъ выходитъ, что когда Пушкинъ переходилъ отъ влюбленности въ Осипову къ влюбленности въ Кернъ, и такъ далѣе, и такъ далѣе, то все это было осуществленіемъ въ немъ «христіанскаго бытія». А намъ и въ голову не приходило!

Правда, до сихъ поръ христіанство понималось нѣсколько иначе, но отъ этихъ предразсудковъ всегда можно отдѣлаться, заимствовать у Мережковскаго (который вообще очень авторитетенъ для автора) вѣжливо-трогательный терминъ: «историческое христіанство» и снабдивъ еще его менѣе вѣжливыми: «опустошенное и опѣванное» (стр. 39)... «Христіан-

* Владимиръ Гишпюсъ. «Пушкинъ и христіанство». Петроградъ. 1915. Стр. 43. Ц. 80 коп.

ство» soi disant г. Гиппиуса действительно отноди не «историческое», ибо оно не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ христіанствомъ, которое знаетъ исторія.

И все это вѣдь, въ концѣ концовъ, «ре-никса», какъ говоритъ чеховскій учитель, читавшій это слово по-датски. Никакого «христіанскаго бытія» у Пушкина нѣтъ и въ поминѣ, и даже глубочайшій ин-тересъ въ действительной характеристикѣ его личности представляетъ именно это полное отсутствіе у него религиозныхъ стремленій, въ такой исключительной степе-ни не встречающагося, катоме, ни у кого еще изъ другихъ великихъ поэтовъ. Пушкинъ писалъ «Подражанія Корану» и пресловутыхъ «Отцовъ-пустынниковъ», но такъ же, какъ онъ писалъ на всѣ вообще возможные сюжеты міра, какъ мы откли-каемся «эхомъ» на всѣ его явленія. Эхо повторитъ вѣдь и религиозный возгласъ, какъ всякій другой, но это не будетъ ре-лигиознымъ воззваніемъ. Г. Гиппиуса, про-чемъ, не обманула наличность у Пушки-на «религиозныхъ» стиховъ, и о нихъ, со-свѣщенно онъ дѣлаетъ вѣрныя замѣчанія (какъ и вообще у него есть интересныя эстетическія отысканія). Но тутъ же онъ снова съ совершеннымъ произволомъ начинаетъ утверждать объ «органиче-скомъ стремленіи «прѣхознаго суще-ства» Пушкина къ святости (стр. 12), или о томъ, что сознаніе его «съ ран-нихъ лѣтъ стало тосковать по религіоз-ности» (стр. 20).

Ничего этого не было. Какъ человекъ, Пушкинъ, конечно, размышлялъ о рели-гии, даже, можетъ быть, тянулся порою къ ней... Но въ своемъ сознаніи поэта онъ также былъ чуждъ тоскѣ по религіи, какъ и всякой объектирующей тоскѣ. Онъ ни-когда ничего не искалъ внѣ себя. И ни-сколько онъ не ощущалъ въ самыхъ ин-тимныхъ своихъ переживаніяхъ «грѣхо-нымъ» своего существа, и не собирался хйную, своей поэтической личности и ства» Пушкинъ не дожидъ добрую тыся-

король цыгнковой сцены.

Анатолий ДУРОВЪ,—знаменитый дрессировщикъ животныхъ, исколесившій со своимъ удивительнымъ циркомъ всю Европу. Его «артисты», даже стаявшіе резултацию изумительно глупыхъ животныхъ, поражали своими «талантами».

Съ фот. П. И. Волкова.

чу лѣтъ, а до всѣхъ новѣйшихъ «хри-стіанствъ» въ вѣвчкахъ лѣтъ 60—80. И въ послѣднемъ случаѣ хорошо сдѣлалъ, что не дожидъ...

П. Перцовъ.

Изъ Henri Malteste.

Изъ книги «L'Encens Perdu», стихотв. «Le Livre mallu»

Ты хочешь мнѣ вернуть былое увлеченье, И нѣжной ласкою желаешь сердце слезъ? Напрасный трудъ! Бывалаго мученья Не прозвучитъ тебѣ моя простирая рѣчь. Мученья тѣхъ годовъ, когда, смѣясь, свѣтъ-лѣла Предъ нами даль живительной зарей, И въ тайники души тебя вводилъ я смѣло, Раскрытой въ тѣ года, какъ книга, предъ тобой. Въ ней можно было бы ногтей увидѣть знаки, И пальцевъ ласковыхъ, исполненныхъ тепла, Но напечатана она, въ житейскомъ мракѣ, Мнѣ тонко черезчуръ, казалось, была. Вѣдь для картинокъ лишь ее перелистали, Ни счастья не лица, ни чувства безъ границъ, И такъ разсѣяно глазами пробѣгали, Что не разрѣзали въ ней даже всѣхъ страницъ.

И. Давидовъ.

Редакторъ М. А. Суворинъ.

Издание Товарищества А. С. Суворина— «Новое Время».

Advertisement for Izhewskiy Iсточникъ (Izhewskiy Source) water. Includes an illustration of a man drinking and text: 'Я пью три стакана в день воды. ИЖЕВСКИЙ ИСТОЧНИКЪ. ПРОДАЖА ВЕЗДЪ. Складъ въ Русскомъ Об-нѣ торговли аптекарскими товарами. Назанская, 12. Телефонъ 2-21, 104-48 и 479-03.'

Advertisement for Vytyazhka (Вытяжка) iron supplement. Includes text: 'ОРГАНОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ Д. КАЛЕНИЧЕНКО. ПРИМѢНЯЕТСЯ: при неврастеніи, истеріи, невралгіи, старческой дряхлости, подагрѣ, ревматизмѣ, малокровіи, артеріосклер., туберкулезѣ, диабетѣ, головныхъ боляхъ, бессонницѣ, половомъ безсиліи, хроническомъ разстройствѣ питания и сердечн. дѣятельн., общей слабости, послѣ тяжкихъ болѣзней: инфлуэнцы, сифилиса, послѣ родовъ, операций, кровопотерь и проч. 2 р. 75к. ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ: Вытяжка изъ стѣнныхъ сосудовъ изготовляется естественнымъ путемъ безъ огня и химическихъ реакцій и ничего общаго не имѣетъ съ химическими, изготовленными сперминами.'

Advertisement for Ural'skie Dragocѣнные Камни (Ural'skies Precious Stones) by A. Yu. Pilsudskiy. Text: 'УРАЛЬСКІЕ Драгоценные Камни. А. Ю. ПИЛУДСКІЙ. НЕВСКІЙ, 96 (уголь Надеждинскій). Изумруды, рубины, сапфиры, александриты, цирконы, топазы и пр. и пр. Приемъ и быстрое выполнение заказовъ на всевозможныя ювелирныя надѣлы. Художественная работа. Цѣны вѣт конкуренціи. Телефонъ 168-95.'

Advertisement for Vestnikъ Моды (Fashion Gazette). Text: 'ВЪ ЯВЛЯЮЩЕХЪ СЕБѢ "ВѢСТНИКЪ МОДЫ" помещено: 133 рис. дѣтскаго и дѣтскаго туалета, 88 узоровъ рукодѣлій, 27 выкроекъ, Гюмъ, Роз. съ исцѣленнаго. Причуды любви. Повѣсть Эбботъ. Уходъ за руками. Уходъ за полостью рта. Психологія ребенка. Фавръ. Медицинскіе совѣты. Кухня (заправки и обѣды съ рецептами). Подлинные совѣты.'

Advertisement for Sady-Goroda (Garden-City) by P. G. Muzheva. Text: 'НОВАЯ КНИГА САДЫ-ГОРОДА и ЖИЛИЩНЫЙ ВОПРОСЪ въ Англій. П. Г. МУЖЕВА. Красное изданіе. Больше 150 рисунковъ (8 дѣтскихъ), плановъ и чертежей. Цѣна въ колѣнокоронномъ переплетѣ 5 р. 50 к. Продаются во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ. Складъ изданія—книжный магазинъ Т-ва А. С. Суворина «Новое Время», Невскій пр., 40.'

Advertisement for Elektro-Fonari (Electro-Lanterns). Text: 'ДЛЯ ПОХОДА небывало свѣтло, долго горящіе ЭЛЕКТРО-ФОНАРИ. Петроградъ, МОРСКАЯ, 33. СКЛАДЪ НОВЫХЪ ИЗОбРѢТЕНІЙ.'

Advertisement for Shkola Vyjiganiya (School of Tanning) by N. N. Makheva. Text: 'САМЫЙ ЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ и занятія въ семьѣ. Практ. руков. для юнош. Н. Н. Макѣва. "ШКОЛА ВЫЖИГАНІЯ" Новѣйш. мет.; проет. (плоское) мозаичн., глубок. и пластич. выжиган. по дереву, кожѣ, папѣ и т. п. Цѣна 1 р. 25 к. съ перес. и упаков. 1 р. 70 к. Подуч. мас. благодарн. со всѣхъ конц. Россіи. Выписывать отъ автора: Петроградъ, Лубанская ул., 8, кв. 50. Книгороданц. общ. скидка.'

Advertisement for Ural'skaya Yashma (Ural'skaya Yashma) jewelry. Text: 'Уральская яшма, ЮВЕЛИРНЫЯ ВЕЩИ, АКВАМАРИНЫ, АМЕТИСТЫ, ХРИЗОЛИТЫ и др. камни, Пушкинская, д. II.'

Advertisement for Nervalgi (Nervalgi) for headache relief. Text: 'БЫСТРОЕ ПРЕКРАЩЕНІЕ НЕВРАЛГІИ, ГОЛОВНЫХЪ БОЛЕЙ и шіаса, простудныхъ и ревматическихъ болей. Даетъ Кефалдолъ Дра Стортъ. Отпускается изъ всѣхъ аптекъ по рецептамъ врачей. Кефалдолъ абсолютно безвреденъ. Остерегайтесь поддѣлокъ.'

Видишь «хри-
сты» 60—80. И
по сдѣлать, что

Н. Перцовъ.

teste.

«Le Livre maille»

Свое увлеченье,
в сердце скажешь?
Аго мученья
простая рѣчь.
Смѣясь, свѣт-
лѣла
ной зарей,
Собя вводилъ я
смѣло,
къ книга, предъ
тобой.
ногтей увидѣть
знаки,
исполненныхъ
тепла,
жизнейскомъ
мракѣ,
залоса, была.
ее перелистали,
чувства безъ
границъ,
ни пробѣгали,
и даже «сѣхъ»
страницъ.

И. Давидовъ.

Суворинъ.
С. Суворинъ—
я».

НОВОЕ ВРЕМЯ

Основатель А. С. Суворинъ.

№ 14323

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 23-го ЯНВАРЯ (5-го ФЕВРАЛЯ) 1916 ГОДА.

№ 14323

Ея Императорское Высочество Великая Княгиня МАРІЯ ПАВЛОВНА Младшая. Старшая сестра милосердія въ Псковскомъ госпиталѣ Евгеніинской общины Краснаго Креста.

Ея Императорское Высочество Великая Княгиня МАРІЯ ПАВЛОВНА Младшая за работою въ лазаретѣ.

Съ фот. Козлова.

Въ госпиталѣ имени в. и. в. великой княгини Маріи Павловны младшей.

23 сентября 1914 года развернулася въ гор. Псковѣ госпиталѣ Евгеніинской общины Краснаго Креста. Много нашихъ воиновъ побывало въ его гостепріимныхъ стѣнахъ, унося благодарность и признатель-

ность за тотъ уходъ и радніе, которые они встрѣчали со стороны труженниковъ этого лазарета. Среди всѣхъ пріятныхъ впечатлѣній госпиталя наиболее овітлымъ и яркимъ воспоминаніемъ у нашихъ дѣтски-наивныхъ солдатъ останется на всю жизнь воспоминаніе о «старшей сестрицѣ» — великой княгинѣ Маріи Павловнѣ младшей.

НА ВОЙНѢ.

Подъ Двинскомъ.

Рис. А. Пржецлавскій (участникъ войны).

Великая княгиня находится в госпиталь часу. В калошах на босую ногу, бѣжала через улицу, закутанная в боль- шой сѣрый платокъ, подгорничная изъ квартиры шестнадцатой, и онъ знаетъ, что это она сбѣжитъ в булочную Филиппову, чтобы захватить самыхъ свѣжихъ сѣрыхъ булочекъ...

Особенность въ работѣ персонала лазарета составляетъ безотлучное присутствіе великой княгини, которая интересуется всякой мелочью госпитального обихода. Ничто не остается ей чуждымъ, и всѣ нужды госпитальной жизни находятъ въ лицѣ великой княгини участіе, помощь и поддержку.

На всемъ бытѣ госпиталя чувствуется присутствіе ея высочества, которая изъ высочайшей покровительницы часто превращается въ «сотрудника» медицинского персонала. Когда великая княгиня говоритъ: «нашъ госпиталь», то фраза эта звучитъ глубоко искренностью. Для ея высочества — это действительно «нашъ» госпиталь, ибо великая княгиня Марія Павловна не сторонняя зрительница того, что происходитъ около нея, но участница общей жизни, центръ ея, источникъ энергіи, добра и доброты.

Чувство поклоненія, съ которымъ относятся больные къ своей «старшей сестрицѣ», полнѣе всего проявляется въ тяжелой обстановкѣ оконной жизни и даетъ имъ право обращаться къ ея высочеству съ самыми затаенными просьбами, которыми, какъ известно, нашъ солдатъ не любитъ безпокоить «господъ».

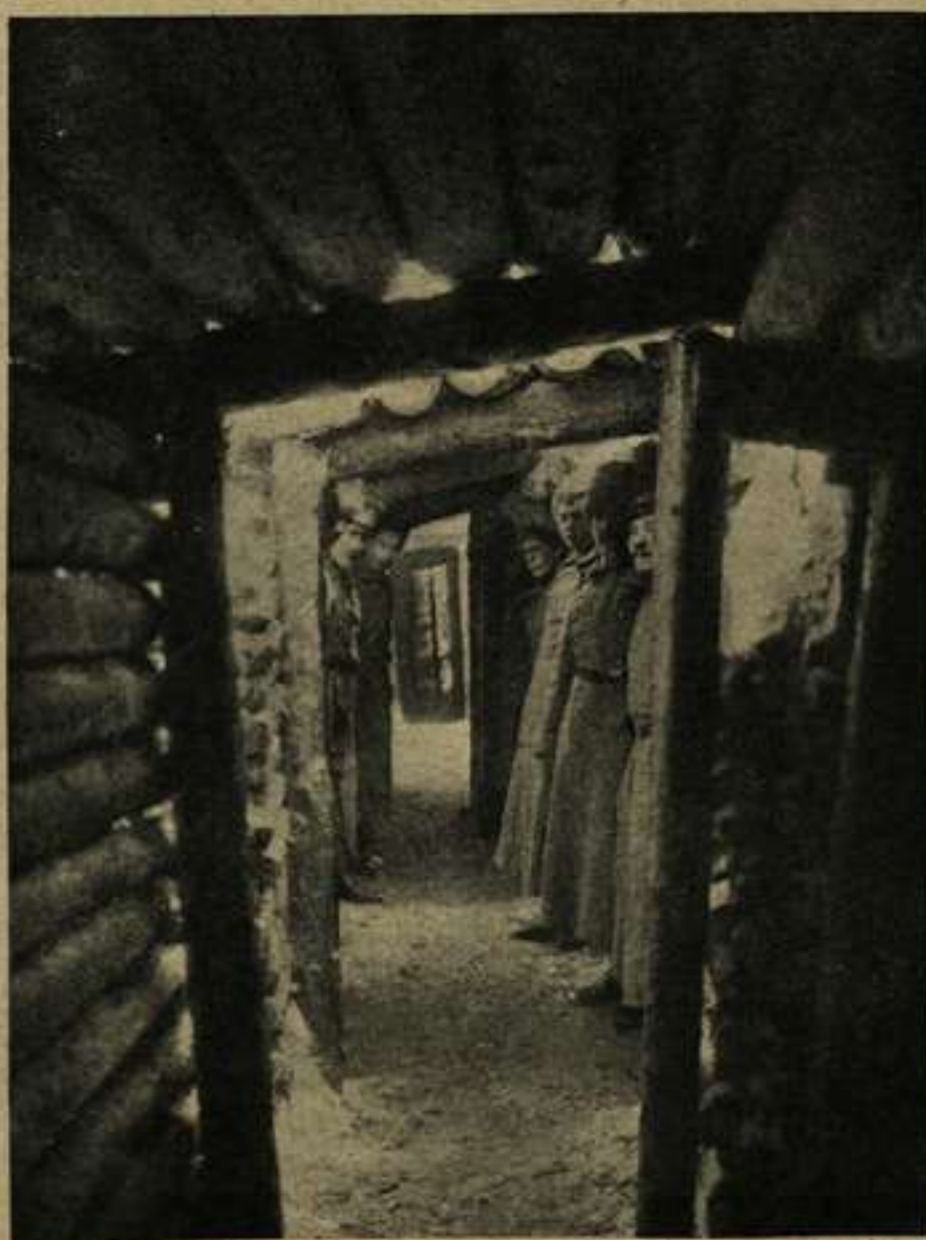
Благодаря милостивому участію великой княгини Маріи Павловны младшей, много калѣкъ, вдовъ и сиротъ получили облегченіе въ своей неприглядной жизни, много горькихъ слезъ было осушено благодаря заботамъ ея высочества. Русскій народъ чутокъ къ полученнымъ благодарностямъ. — Вотъ почему, несмотря на тихую, лишенную всякой показной стороны дѣятельность великой княгини, популярность ея высочества и въ арміи и среди сѣраго люда Николаева очень велика. Безъ робости, какъ къ самому близкому, родному человеку, идетъ къ великой княгинѣ и старшій и малшій, зная, что искреннее горе получить облегченіе, что истинная нужда не останется безъ помощи.

Весь персоналъ госпиталя гордится его высочайшей покровительницей, «своей княгиней», и это чувство благотворно сказывается на ходѣ госпитальной работы. Чистыя, свѣтлыя палаты; богато обставленные медицинскіе кабинеты приятно заскакиваютъ глазъ наблюдателя, готового забыть, что онъ все же находится въ грозной обстановкѣ идущей мировой трагедіи.

Дай Богъ силъ и впредь честнымъ труженикамъ лазарета имени е. и. в. великой княгини Маріи Павловны младшей столь же бодро исполнять свою благородную работу на пользу сѣрымъ героямъ нашей арміи!

Галиція с. Добре.—Молебенъ въ Ш*** полку наканунѣ боя.

Наши окопы.—Коридоръ въ траншеяхъ.

НА ВОЙНѢ.

мгль просыпающагося утра уже снова плелся пустой извозчикъ, гдѣ-то раздавался гудокъ автомобиля...

Григорій, — такъ звали швейцара, — служилъ въ этомъ домѣ больше двадцати лѣтъ и окончательно сжился и сроднился съ нимъ, такъ что считалъ свой домъ и пятидесятилетнюю часть прилегающей къ нему улицы какъ продолженіемъ собственного «я»... Онъ до тонкости, до виртуозности изучилъ бытъ и характеръ своихъ жильцовъ и рѣшилъ отправиться къ себѣ въ комнату, совершить свой утренній туалетъ.

калачей, такъ какъ только съ этими булочками генеральша Фридманъ можетъ пить утренній кофе... А вотъ къ воротамъ фургона съ молокомъ прѣхалъ, — значитъ, скоро восемь... Ну, а сейчасъ хоть часъ провѣтряй: приходящая Француженка въ квартиру седьмую идетъ, она всегда безъ пятидесяти въ подъездъ входитъ... Про- себя высокую, сухощавую женщину съ большимъ остроколючимъ носомъ, Григорій отправился къ себѣ въ комнату, совершить свой утренній туалетъ.

Григорій, — такъ звали швейцара, — служилъ въ этомъ домѣ больше двадцати лѣтъ и окончательно сжился и сроднился съ нимъ, такъ что считалъ свой домъ и пятидесятилетнюю часть прилегающей къ нему улицы какъ продолженіемъ собственного «я»... Онъ до тонкости, до виртуозности изучилъ бытъ и характеръ своихъ жильцовъ и рѣшилъ отправиться къ себѣ въ комнату, совершить свой утренній туалетъ.

Григорій, — такъ звали швейцара, — служилъ въ этомъ домѣ больше двадцати лѣтъ и окончательно сжился и сроднился съ нимъ, такъ что считалъ свой домъ и пятидесятилетнюю часть прилегающей къ нему улицы какъ продолженіемъ собственного «я»... Онъ до тонкости, до виртуозности изучилъ бытъ и характеръ своихъ жильцовъ и рѣшилъ отправиться къ себѣ въ комнату, совершить свой утренній туалетъ.

Григорій, — такъ звали швейцара, — служилъ въ этомъ домѣ больше двадцати лѣтъ и окончательно сжился и сроднился съ нимъ, такъ что считалъ свой домъ и пятидесятилетнюю часть прилегающей къ нему улицы какъ продолженіемъ собственного «я»... Онъ до тонкости, до виртуозности изучилъ бытъ и характеръ своихъ жильцовъ и рѣшилъ отправиться къ себѣ въ комнату, совершить свой утренній туалетъ.

Григорій, — такъ звали швейцара, — служилъ въ этомъ домѣ больше двадцати лѣтъ и окончательно сжился и сроднился съ нимъ, такъ что считалъ свой домъ и пятидесятилетнюю часть прилегающей къ нему улицы какъ продолженіемъ собственного «я»... Онъ до тонкости, до виртуозности изучилъ бытъ и характеръ своихъ жильцовъ и рѣшилъ отправиться къ себѣ въ комнату, совершить свой утренній туалетъ.

Григорій, — такъ звали швейцара, — служилъ въ этомъ домѣ больше двадцати лѣтъ и окончательно сжился и сроднился съ нимъ, такъ что считалъ свой домъ и пятидесятилетнюю часть прилегающей къ нему улицы какъ продолженіемъ собственного «я»... Онъ до тонкости, до виртуозности изучилъ бытъ и характеръ своихъ жильцовъ и рѣшилъ отправиться къ себѣ въ комнату, совершить свой утренній туалетъ.

Григорій, — такъ звали швейцара, — служилъ въ этомъ домѣ больше двадцати лѣтъ и окончательно сжился и сроднился съ нимъ, такъ что считалъ свой домъ и пятидесятилетнюю часть прилегающей къ нему улицы какъ продолженіемъ собственного «я»... Онъ до тонкости, до виртуозности изучилъ бытъ и характеръ своихъ жильцовъ и рѣшилъ отправиться къ себѣ въ комнату, совершить свой утренній туалетъ.

Григорій, — такъ звали швейцара, — служилъ въ этомъ домѣ больше двадцати лѣтъ и окончательно сжился и сроднился съ нимъ, такъ что считалъ свой домъ и пятидесятилетнюю часть прилегающей къ нему улицы какъ продолженіемъ собственного «я»... Онъ до тонкости, до виртуозности изучилъ бытъ и характеръ своихъ жильцовъ и рѣшилъ отправиться къ себѣ въ комнату, совершить свой утренній туалетъ.

Григорій, — такъ звали швейцара, — служилъ въ этомъ домѣ больше двадцати лѣтъ и окончательно сжился и сроднился съ нимъ, такъ что считалъ свой домъ и пятидесятилетнюю часть прилегающей къ нему улицы какъ продолженіемъ собственного «я»... Онъ до тонкости, до виртуозности изучилъ бытъ и характеръ своихъ жильцовъ и рѣшилъ отправиться къ себѣ въ комнату, совершить свой утренній туалетъ.

Григорій, — такъ звали швейцара, — служилъ въ этомъ домѣ больше двадцати лѣтъ и окончательно сжился и сроднился съ нимъ, такъ что считалъ свой домъ и пятидесятилетнюю часть прилегающей къ нему улицы какъ продолженіемъ собственного «я»... Онъ до тонкости, до виртуозности изучилъ бытъ и характеръ своихъ жильцовъ и рѣшилъ отправиться къ себѣ въ комнату, совершить свой утренній туалетъ.

Григорій, — такъ звали швейцара, — служилъ въ этомъ домѣ больше двадцати лѣтъ и окончательно сжился и сроднился съ нимъ, такъ что считалъ свой домъ и пятидесятилетнюю часть прилегающей къ нему улицы какъ продолженіемъ собственного «я»... Онъ до тонкости, до виртуозности изучилъ бытъ и характеръ своихъ жильцовъ и рѣшилъ отправиться къ себѣ въ комнату, совершить свой утренній туалетъ.

Григорій, — такъ звали швейцара, — служилъ въ этомъ домѣ больше двадцати лѣтъ и окончательно сжился и сроднился съ нимъ, такъ что считалъ свой домъ и пятидесятилетнюю часть прилегающей къ нему улицы какъ продолженіемъ собственного «я»... Онъ до тонкости, до виртуозности изучилъ бытъ и характеръ своихъ жильцовъ и рѣшилъ отправиться къ себѣ въ комнату, совершить свой утренній туалетъ.

Когда онъ затѣмъ, одѣвшись и напившись чаю, вышелъ изъ комнаты, то столкнулся съ почтальономъ, принесшимъ утреннюю почту. Среди газетъ и пакетовъ съ дѣловыми бумагами было пять писемъ..

Одно артисткѣ Нахимовой. — она занимаетъ квартиру въ бель-этажѣ № 3, другое въ квартиру № 5 — князю Соискому, два письма въ меблированные комнаты, которыя находятся въ седьмомъ этажѣ — въ мансардѣ: студенту Карскому и офицеру Подтягину, пятое же было адресовано на имя Григорія Семеновича Ковтуна, т. е. самого швейцара.

Григорій медленной, солидной походкой сталъ подыматься по лѣстницѣ, продолжая на ходу перечитывать адреса на конвертахъ писемъ.

На звонокъ изъ квартиры № 3, черезъ полураскрытую дверь, выглянуло плавающее лицо горничной съ блестящей намокшей на кокетливо набитыхъ волосахъ.

— Письмо вашей барыни, — съ достоинствомъ произнесъ Григорій, вручая письмо горничной.

Едва закрылась дверь за швейцаромъ, какъ раздались звонокъ изъ спальни барыни, и горничная побѣжала черезъ гостиную и будуаръ по мягкимъ, толстымъ коврамъ, въ которыхъ такъ приятно тонуть ноги.

— Кто это тамъ на парадной звонилъ? — раздались грудной голосъ изъ глубины полутемной комнаты.

— Это швейцаръ вамъ письмо принесъ...

— Ну, давайте его сюда, да прежде поднимите штору и достаньте голубой капотъ...

— Что это вы, барыня, такъ рано сегодня вздумали подыматься? — подобострастно-заискивающе сказала горничная, помогая Нахимовой надѣть капотъ.

— Не спится что-то... Вы мнѣ больше не нужны...

По уходѣ горничной, Нахимова опустилась въ кресло и взглянула на письмо.

«Опять отъ мужа...» — и страдальчески тѣнь промелькнула по ея классическому правильному, словно выточенному изъ слоновой кости, лицу.

Вотъ что писалъ ей мужъ:

«Простите, что я еще разъ пишу вамъ послѣ того, какъ въ прошломъ письмѣ обещалъ не тревожить васъ больше своими слезными посланіями. Но, клянусь, это будетъ уже послѣднее... Что-жъ дѣлать, когда такъ невыносимо тяжело безъ васъ, и я никакъ не могу окончательно убитъ въ себѣ тлѣющую надежду, что вы, быть можетъ, еще вернетесь ко мнѣ... Боже, если бы вы вернулись! Недавно я пережилъ это счастье только во снѣ... Мнѣ снилось, что вы снова дома — здѣсь на хуторѣ... Будто мы втроемъ, т. е. я, вы и нашъ сынъ, сидимъ въ кабинетѣ на турецкомъ диванѣ, какъ это мы всегда дѣлали послѣ обѣда... Боря положилъ свою блеклую головку къ вамъ на колѣни, и вы, расчесывая пальцами его шелковистые волосы, рассказываете ему сказку. А черезъ окно виднѣтся дворъ, покрытый свѣжимъ снѣгомъ, и деревья, опущенныя леблѣжимъ пухомъ инея... Все это переливается и искрится яркими тонами въ косыхъ прощальныхъ лучахъ солнца... Вотъ черезъ дворъ кучеръ Яковъ повалитъ лошадей на водопой, и слышно было, какъ пронзительно заскрипитъ въ морозномъ воздухѣ колодезный журавль... Я проснулся, и долго не хотѣлось вѣрить, что это сонъ, — такъ все бы-

Домъ на Кирочной.

Швейцаръ дома № 436 по Кирочной улицѣ, какъ всегда, проснулся въ восьмомъ

пись и напи-
комнаты, то
принесимъ
и пакеты
о пять писемъ...
Нахимовой.—
квартиру въ
№ 3, другое въ
5—князю Со-
исма въ мебели-
шаты, которыя
сидимъ эта-
сардъ: студенту
офицеру Подтя-
же было адре-
Григорія Се-
ичуна, т. е. са-
ра.
медленной, со-
дой сталъ по-
лѣстницъ, по-
ходу перечиты-
на конвертахъ
изъ квартир.
полураскрытую
дуло плутоватое
ной съ блю-
олкой на кокет-
хъ волосахъ.
вашей бабы-
онствомъ про-
орій, вручая
ичной.
ылась дверь за
какъ раздался
спалили бабы-
ичная побѣжала
ную и будуаръ
толстымъ ков-
оторыхъ такъ
уть ноги.
го тамъ на па-
ль? — раздался
съ изъ глубины
комнаты.
писью прино-
да прежде по-
е голубой ка-
такъ рано се-
са? — подобо-
казала горнич-
дѣть капотъ.
Вы мнѣ большо
Нахимова опусти-
на на письмо.
И страдалече-
ло ея классиче-
ыточенному изъ
жъ:
разъ пишу вамъ
ошло письмо
е больше свои-
но, клянусь, это
Что-жъ дѣлать,
желю безъ васъ,
чательно убить
у, что вы, быть
о мнѣ... Боже,
едавно я пере-
во онъ... Мнѣ
а—здѣсь на ху-
т. е. я, вы и
бинетъ на ту-
мы всегда дѣ-
положилъ свою
амъ на кровати,
и его шею ко-
ете ему сказку.
воръ, покрытый
ья, опухенный
Все это перели-
тонами въ
чалъ солда...
Яковъ повелъ
слышно было,
випѣлъ въ мо-
ный журавль...
не хотѣлось въ-
такъ все бы-

Биванъ артилеріи въ лѣсу у Ш.

ло живо и ясно. Мнѣ казалось, что вы усадьба съ одноэтажнымъ, длиннымъ до-
только что ушли отъ меня, и я ощущалъ мимомъ, окруженнымъ тополями и служеб-
даже запахъ вашихъ волосъ... Но когда я ными постройками... Вотъ и ея мужъ на
зажегъ свѣчу и увидѣлъ ваши крыльцъ домика въ полушубѣ, ботфор-
(я не велѣвъ ихъ убирать, такъ тахъ и сброй шапкъ. А вотъ и Боря—
какъ еще никто не знаетъ, что вы жизнерадостный, смѣющийся, съ красными
навсегда покинули меня), мучительно-тоск- отъ мороза, какъ кумачъ, щечками, ка-
живо, какъ никогда еще, заныло въ гру- тается на саночкахъ вмѣстѣ со своимъ дру-
ди... Смутная мысль о самоубійствѣ мельк- томъ Гришей, сыномъ приказчика...
нула въ головѣ, но я вспомнилъ о сыгнѣ — Не правъ ли мужъ? Не вернуться
и немного пришелъ въ себя... Я бросился ли мнѣ къ нимъ, бросивъ все мечты о сла-
въ дѣтскую: Боря спокойно спалъ подъ вѣ? Да, да, онъ тысячу разъ правъ: здѣсь
своимъ голубенькимъ одеяломъ. Помните, я не буду никогда счастлива, и если есть
вы сами покупали его? Я тихо опустился въ мнѣ счастье, то оно тамъ...
передъ кроватью на кровати и долго въ — Барыня, къ телефону васъ про-
умилени глядѣлъ на ребенка. сать,—раздался голосъ горничной, не-
«Да, вы поступили честно: вы смѣ- слышно вошедшей въ спальню...
ло, открыто заявили мнѣ о своемъ Нахимова вздрогнула и быстро, украд-
уходѣ и добровольно оставили у ме- кой, вытерла на глазахъ слезы.
ня нашего единственнаго ребенка. Вы — А я и не слышу звонка... Ну, хо-
впали, что спокойная, деревенская рошо, Скажите, что я сейчасъ подойду...
жизнь гораздо благотворнѣе повлія- И она вслѣдъ за горничной направилась
етъ на его душевный складъ, чѣмъ въ кабинетъ.
нервная обстановка артистки—да еще — Это я, дорогая,—услышала она въ
въ мрачномъ, туманномъ городѣ... И вы телефонной трубкѣ голосъ графа.—Прости,
правы, тысячу разъ правы! Повѣрьте, что такъ рано тревожу тебя, но я хочу
те, я все усилія употреблю, чтобы изъ сообщить тебѣ приятное извѣстіе. Видишь,
нашего малютки вышелъ вполне нормаль- только что получилъ письмо отъ ре-
ный, здоровый и честный человекъ... жисера: онъ, уступая моей просьбѣ, со-
И никогда,—никогда онъ не услышитъ гласенъ дать тебѣ главную роль въ новой
изъ моихъ устъ упрека по вашему адре- пьесѣ...
му; я научу его съ благоговѣніемъ отно- — Да? Согласенъ? Безконечно благодарю
ситься къ вашему имени. тебя...—радостно воскликнула Нахимова,
«На дняхъ получила ваши игрушки, отъ и глаза ея засверкали восторгомъ, а на ли-
которыхъ Боря пришелъ въ восторгъ... Но цѣ вспыхнулъ румянецъ.
эти игрушки, очевидно, слишкомъ живо Она вмгъ представила себѣ зависть
напомнили ему о васъ, и онъ сталъ съ товарищей по сценѣ и восторги публи-
плачемъ приставать ко мнѣ, скоро ли вы, ки, такъ какъ она была увѣрена, что
наконцѣ, вернетесь... И мнѣ стоило боль- роль эту сыграетъ великолѣпно...
шого труда успокоить его... Третьяго — Очень радъ, что услужилъ тебѣ, до-
дня пріѣзжалъ Осипъ Антоновичъ и, рѣшаясь даже взглянуть на конвертъ...
по обыкновенію, остался ночевать. Онъ
читалъ въ газетахъ о вашихъ успѣхахъ
на сценѣ и теперь еще больше прекло-
няется передъ вашимъ талантомъ... Онъ
тоже спрашивалъ, скоро ли вы—хотя на
недолгое время—пріѣдете домой?
«О, если бы вы вернулись къ намъ!
Неужели же вы въ этомъ мрачномъ горо-
дѣ можете быть счастливы? Подума-
ли ли вы, что будетъ съ вами, когда
настанетъ старость, угаснетъ вашъ та-
лантъ, и вы почувствуете себя одино-
кой въ цѣломъ мнрѣ? Ни за что не
пошлю я, чтобы вы могли забыть
меня и нашего сына!»

рогая... Когда же мы увидимся?..
— Да хоть сегодня... Приходи, лучше
всего, къ обѣду, въдъ я вечеромъ сегодня
свободна. До свиданія...
Повѣсивъ телефонную трубку, Нахимо-
ва возвратилась въ спальню. На мигъ мрач-
ная тѣнь скользнула въ ея краси-
выхъ глазахъ, когда взоръ упалъ на
письмо, лежавшее на полу... Стараясь не
глядѣть на него, она быстро подняла его
съ полу и, скомкавъ, сунула подальше въ
ящикъ столика. Затѣмъ она позвонила
горничную.
— Скажите, чтобы на обѣдъ были стер-
лядь и рѣбчики... Сегодня у насъ графъ
обѣдаетъ...
II.
Князю Соискому, проживавшему въ
квартирѣ № 5, письмо подаль его камер-
динеръ, солидный представительный муж-
чина лѣтъ около пятидесяти, съ полнымъ,
бритымъ лицомъ и безстрастными, непро-
ницаемыми глазами. Несмотря на столь
ранній для Петрограда часъ, князь уже
всталъ и въ теплыхъ сапогахъ на мѣху и
въ халатѣ сидѣлъ въ своемъ огромномъ
мрачномъ кабинетѣ у пылающаго камина.
Его изможденное, съ подстриженными
усиками и усталыми, глубоко запавшими
внутри глазами, лицо было безжизненно и
напоминало лицо трудно больного. И дѣй-
ствительно, князь былъ боленъ какой-то
непонятной, скрытой болѣзью, порождаю-
щей бѣжное недовольство собой и всѣмъ
окружающимъ, постоянные злобные
страхи передъ будущимъ и частыя безсон-
ницы... Князь сморщился, принимая
письмо изъ рукъ камердинера, и затѣмъ,
по уходѣ его, долго вертѣлъ въ рукахъ, не
рѣшаясь даже взглянуть на конвертъ...

Всякое адресованное на его имя письмо
вселяло безотчетный страхъ въ князя.
Наконецъ, собравшись съ духомъ, онъ
нервно вскрылъ конвертъ и, первымъ
долгомъ, посмотрѣлъ на подпись въ письмѣ.
— А! Отъ Бобика Закревскаго,—уже
болѣе спокойно прожизнѣ онъ и принялся
за чтеніе.
«Дорогой князь,—писалъ Закревскій,—
когда ты получишь это письмо, меня уже
не будетъ въ живыхъ. Да, я рѣшилъ за-
ключить земные расчеты, и ты, вѣроят-
но, догадываешься, почему... Изъ-за де-
негъ, конечно... Слѣшкомъ ужъ я привыкъ
съ дѣтства сорить деньгами, не отказывая
себѣ ни въ чемъ, слишкомъ привыкъ къ
роскоши... А остался я въ живыхъ,
мнѣ пришлось бы влѣчить почти ни-
щенское существованіе, такъ какъ я
окончательно разоренъ... Ты знаешь,
для чего я поѣхалъ въ Москву: до-
стать денегъ, чтобы хотя на время спа-
сти создавшееся положеніе... Но денегъ я
не досталъ, а посему въ Петроградъ боль-
ше не возвращусь... Я рѣшилъ здѣсь же
въ Москвѣ покончить съ собой... Представ-
ляю себѣ, какъ ты задрожилъ отъ стра-
ха, при чтеніи этихъ строкъ! Напрасно:
ничего страшнаго нѣтъ. Что можетъ быть
проще: приложить къ виску револьверъ,
нажать собачку—и все кончено... Ты ска-
жешь: жена, дѣти? Но что для меня бу-
дутъ жена и дѣти, когда я перейду въ вѣ-
чность, въ небытіе? Онѣ будутъ тогда для
меня такъ же далеки, какъ далеки теперь
какіе-нибудь жители Марса. Конечно,
жена будетъ поражена, убита, — но
только не моей смертью, а разореніемъ...
Однако, не больше какъ черезъ мѣсяца три,
успокоится и прекрасно заживетъ съ сво-
имъ генераломъ. Въдъ уже больше десяти
лѣтъ мы съ ней совершенно чужіе, и если
что-нибудь и связывало насъ, то только дѣ-
ти. Сыновъ? Да ему, я нахожу, даже будетъ
полезно наше разореніе и моя смерть! По
крайней мѣрѣ, опомнится, броситъ куте-
жи, станетъ заниматься и, чего добраго,
кончитъ университетъ... Вотъ дочь? Ею
мнѣ искренно жаль... Несмотря на свои
девятнадцать лѣтъ, она еще настоящій
ребенокъ и видитъ все въ жизни въ розо-
вомъ свѣтѣ... Графъ Милавскій, разумеет-
ся, на дочери не женится, хотя, несо-
мнѣнно, влюбленъ въ нее... А все
же не женится, такъ какъ въ деньги еще
безумнѣе влюбленъ!.. И, въ концѣ концовъ,
дочь поступитъ на содержаніе Давида
Исааковича, надъ любовью котораго она
теперь такъ смѣется... Что же дѣлать?
Не она первая!
«Однако я зафилософовался и впалъ
въ сентиментальность, что мнѣ совсѣмъ не
къ лицу. Итакъ, до свиданія, дорогой
князь... Совѣтую и тебѣ такимъ образомъ

Дорога на О-скія позиціи.

ГЕОРГИЕВСКАЯ ДУМА НАВКАЗСКАГО ФРОНТА ВО ГЛАВѢ СЪ ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЫСОЧЕСТВОМЪ ВЕЛИКИМЪ КНЯЗЕМЪ НИКОЛАЕМЪ НИКОЛАЕВИЧЕМЪ.

Въ центрѣ—Его Императорское Высочество Великий Князь НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ. Направо отъ Великаго Князя корпусный командиръ ген.-отъ-кавал. КАЛИТИНЪ и свѣтлѣйшій князь ГОЛИЦЫНЪ; направо — ген. ХАНЪ-НАХИЧЕВАНСКІЙ и ген. ЯНУШКЕВИЧЪ. Во второмъ ряду, слева — ген. ВАТИНЪ, ген. ЧИРКОВЪ, полк. князь НИНЕРЕДЗЕ, полк. НАГОРСКІЙ.

ускорить свой конецъ, чѣмъ влачить полубольную, неврастеническую жизнь.

Твой Закревскій».

Князь вскочилъ съ кресла и быстро зашагалъ по комнатѣ. Холодный потъ выступилъ у него на лбу, онъ схва-

Подпор. В. Н. Кондо-Марковтъ-Ренгартенъ. Награжденъ Георгіевскимъ оружіемъ.

Подпор. В. М. Скалонъ. Награжденъ Георгіевскимъ оружіемъ.

Ты со стола свѣжую газету и дрожащими руками развернулъ ее: на первой страницѣ же въ числѣ покойниковъ онъ увидѣлъ фамилію Закревскаго, и, надежда на свѣтлое будущее, когда нашей дочуркѣ, схватившись за голову, въ какомъ-то изнеможении упалъ въ кресло..

III.

Письма студенту Карскому и штабс-ротмистру Подтягину, проживающимъ въ меблированныхъ комнатахъ, въ седьмомъ этажѣ, Григорій просунулъ каждому въ комнату подъ дверь, такъ какъ оба еще спали. Студентъ проснулся отъ шороха и, увидавъ конвертъ на полу около дверей, поспѣшно вскочилъ съ кровати, поднялъ съ полу письмо, затѣмъ снова улегся въ постель и жадно углубился въ чтеніе.

«Милый, ненаглядный мой Володя! Какъ ты славный, необыкновенный и какъ я горжусь тобой. Только подумать: ты такъ мечталъ прѣхать на праздники домой, накопилъ для поѣздки денегъ,—и все отослалъ тетѣ Шурѣ на ея леченіе... Ужасно тяжело и грустно, что мы не увидимся съ тобой до весны, я часто плачу объ этомъ, но мысль о твоёмъ самоотверженномъ поступкѣ заставляетъ меня улыбаться сквозь слезы.

«Ты не можешь представить, какъ невыносимо тяжела моя жизнь здѣсь, въ домѣ дяди, въ качествѣ приживалки, среди вѣчныхъ семейныхъ дрязгъ, мелкихъ неприятностей, слетенъ и всякихъ другихъ прелестей этой убогой тины, цѣликомъ засасывающей людей. Я изъ всѣхъ силъ стараюсь быть полезной въ домѣ, нянчусь съ Лизой, штопаю чулки и починаю бѣлье, выдаю провизію прислугѣ и вмѣстѣ съ ней бѣгаю на рынокъ,—словомъ, исполняю разомъ двѣ должности: няни и экономки... И, несмотря на все это, и дядя, и тетя дѣлаютъ видъ, что держатъ меня въ домѣ

ВЪ ОКОНАХЪ.—Делегация рабочихъ петроградскаго трубнаго завода раздаетъ подарки въ передовыхъ окопахъ подъ Двинскомъ.

и мѣтъ каз...
съ природ...
тіе... Оди...
гой; сейча...
гулку и п...
ялникъ эт...
длиннѣ.

Штабс...
одинадц...
вспомнилъ...
забавный...
ранній ве...
курилъ въ...

Сес...
Награ...

Награ...

Сестра милосердія ФЕЛЬНЕРЗАМЪ, бывшая въ Новогоріевскѣ и тамъ раненая снарядомъ въ ногу, которую затѣмъ ампутировали. Операцию ей пришлось дѣлать во время штурма Нѣмцами крѣпости, подъ лѣстницей, въ полутемномъ помѣщеніи. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ операции подъ окномъ комнаты, въ которую она была перенесена, разорвался снарядъ и въ комнату влетѣли гѣлкіе осколки; одинъ изъ нихъ ужалъ около кровати сестры милосердія, а другой, съ налетомъ величій, залетѣлъ у нея въ волосы. Фотографія снята въ Новогоріевскѣ, когда крѣпость была уже въ рукахъ Нѣмцевъ.

и мнѣ казалось, что я начинаю сливаться съ природой, начинаю постигать безмерное... Однако, пока до свиданія, мой дорогой; сейчасъ собираюсь съ Лизой на прогулку и по дорогѣ опущу въ почтовый ящикъ это письмо. Ниши почтаще и подлиннѣе.

Твоя Мура».

IV.

Штабсъ-ротмистръ проснулся часу въ одиннадцатомъ и сладко потянулся. Онъ что я не пріѣхалъ въ Петроградъ, какъ мы условились съ тобой, но, право, я не забавный сонъ, затѣмъ проведенный вчерашній вечеръ, и весело засмѣялся. Долго куриль въ постели, медленно одѣвался, на-

Сестра милосердія Н. А. Перхяйло. Награждена Георгіевской медалью 4 ст.

Поруч. Р. М. Политовскій. Награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст.

свистывая веселые мотивы и соображая, какъ получше провести предстоящій праздничъ день, такъ какъ сегодня же вечеромъ собирался уѣзжать въ Рязань къ теткѣ, а отсюда на кавказскій фронтъ. И только когда уже былъ совсѣмъ одѣтъ и хотѣлъ было выйти изъ комнаты, онъ замѣтилъ письмо на полу около дверей. Письмо оказалось отъ эскадроннаго командира, ротмистра Миланова. Вотъ его содержаніе: «Дорогой другъ! Ты, вѣрно, удивишься, какъ я пріѣхалъ въ Петроградъ, какъ мы условились съ тобой, но, право, я не забавный сонъ, затѣмъ проведенный вчерашній вечеръ, и весело засмѣялся. Долго куриль въ постели, медленно одѣвался, на- какъ у меня былъ двухнедельный отпускъ, но я не имѣлъ силъ разстаться съ моимъ эскадрономъ... Видѣ я бы все время мучился, что и какъ съ моими людьми и моими офицерами? Да, мой другъ, я такъ сжился, такъ сроднился съ моимъ эскадрономъ, въ особенности теперь, во время войны, что онъ является для меня какъ бы продолженіемъ моего собственнаго существа, и безъ него сейчасъ я себя и представить не могу. И была бы для меня моя поѣздка въ Петроградъ не удовольствіе, а силюшная мука. Есть ли у меня хоть тѣнь безпокойства или страха за свою жизнь? Мы часто идемъ по колѣна въ снѣгу, вѣдъ лошадей подъ-узды, при рѣзкомъ, обжигающемъ лицо, вѣтрѣ, и идемъ съ веселыми пѣснями и криками «ура». Мы карабкаемся на неприступныя, обледѣлыя скалы, тащимъ на рукахъ орудія и затѣмъ сами удивляемся, какъ это могло быть сдѣлано человѣческими руками? Спимъ мы при двадцатиградусномъ морозѣ, прямо въ снѣгу, и не замерзаемъ; ѣдимъ всѣ, и солдаты, и офицеры, изъ общаго котла, что Богъ пошлетъ, и никогда ни въ одномъ нашемъ петроградскомъ ресторанѣ я не ѣдалъ вкуснѣе. И все это потому, что внутри насъ всѣхъ горитъ восторженный огонь увѣренности въ побѣду, и этотъ огонь и питаетъ, и грѣетъ насъ. Однако, долженъ прервать письмо, такъ какъ мы сейчасъ выступаемъ. До скораго свиданія.

Твой Милановъ».

Прочитавъ письмо, Подтягинъ, какъ былъ въ шинели и шапкѣ, въ волненіи забѣгалъ по комнатамъ съ загорѣвшимися висящими глазами. — Да, да, конечно, въ Рязань,—къ тетѣ я не заѣду, а прямо покачу на Кавказъ. Нужно только старушкѣ телеграмму послать, чтобы напрасно не ждала. И, присѣвъ къ столу, Подтягинъ сталъ

АНГЛІЙСКІЯ И ФРАНЦУЗСКІЯ ГРАВЮРЫ XVIII В. НА ВЫСТАВКѢ КРУЖНА ЛЮБИТЕЛЕЙ ИЗЯЩНЫХЪ ИЗДАВАНІЙ. Доходъ съ этой интереснѣйшей выставки (въ Императорской Академіи Художествъ) всецѣло обращенъ на помощь дѣлу войны.

«РУКА», гравюра акватинтой П. Дебюкура («La main». P. L. Debucourt, 1752—1812).

на клочкѣ бумаги составлять телеграмму ими. А еще кланяется вамъ Аждотья Поликарповна, которая замужемъ за Тимофѣемъ Кирилловымъ, который въ настоящее время на войнѣ находится. А еще кланяется вамъ Василій Ивановичъ...» — Швейцаръ, швейцаръ!.. Что вы, сельскимъ дьячкомъ, по порученію до-оглохля?—раздался съ лѣстницы голосъ генерала Фридмана, изъ квартиры шестнадцатой. И Григорій, отложивъ письмо въ сторону, поспѣшно поднялся со стула и побѣжалъ навстрѣчу генералу, величественно и медленно спускавшемуся внизъ по ступенькамъ... М. М. Миклашевскій.

«У ПРОРУБИ», гравюра черной манерой Дж. Р. Смиса («Breaking the ice». J. R. Smith 1752—1812).

Ключикъ.

Я долго томился, я долго алкалъ,
И жажда была горяча,
Я страстно открыть ей сердце желалъ,
Но не было въ сердцу ключа:

Я грустную пѣсенку съ гора сложалъ,
Всего-то вѣдь въ нѣсколько строкъ,
И ключикъ, должно быть, въ той пѣсен-
кѣ былъ.—
Онъ снялъ съ ея сердца замокъ.

Н. Вильде.

Первый шпионъ прусскаго короля.

Извѣстный французскій писатель и академикъ Леногръ задается цѣлью раскрыть инкогнито одной изъ загадочныхъ историческихъ фигуръ—графа Сентъ-Жерменъ. Эта личность въ достаточной мѣрѣ интриговала какъ современниковъ, такъ и историковъ послѣдующихъ вѣковъ.

Леногръ подходит къ графу Сентъ-Жерменъ съ совершенно новой точки зрѣнія, пользуясь выводами разсысканными историческими документами, въ достаточной мѣрѣ освѣщающими роль «графа чудесника» въ обществѣ восемнадцатаго вѣка. По мнѣнію Леногра, графъ былъ не что иное, какъ шпионъ прусскаго короля Фридриха II, что доказываетъ, что даже въ тѣ отдаленныя времена младенчества дипломатіи, Пруссія ступила уже твердою ногой на путь шпионажа, получившаго съ тѣхъ поръ столь широкое распространѣніе въ германскихъ государствахъ.

Трудно установить точно дату перваго появленія графа Сентъ-Жерменъ въ Парижѣ. Во всякомъ случаѣ интересъ къ его личности пробудился въ парижскомъ обществѣ въ первой половинѣ 1757 года. Въ это время Франція испытывала серьезныя международныя осложненія. Въ союзѣ съ Австріей она объявила 20 июня предыдущаго года войну Фридриху II, королю прусскому. Императрица Елизавета Петровна, съ своей стороны, отправила огромную армию на прусскую границу. Швеція, поддерживаемая французскими деньгами, и Испанія обѣщали также выступить противъ Пруссіи. Образована была почти европейская коалиція, имѣвшая цѣлью унять воинственный пылъ заносчиваго прусскаго монарха. Неудивительно, что Фридриху II пришлось серьезно подумать о мѣрахъ, могущихъ парализовать замыслы коалиціи. Вотъ здѣсь и могло явиться могущественнымъ лишь одно орудіе: опытный и ловкій шпионъ, роль котораго заключалась бы не только въ освѣдомленіи своего правительства обо всемъ происходящемъ во враждебныхъ странахъ, но и въ «обработкѣ» какъ общественнаго мнѣнія, такъ и мнѣнія государственныхъ дѣятелей въ пользу его господина. Выборъ Фридриха II палъ на «графа Сентъ-Жерменъ» и, какъ показали событія, король не переоцѣнилъ способностей своего избранника.

Парижане, жадные до всякихъ новизнокъ и мало заинтересованные по существу событіями, развѣтывавшимися на фронтѣ, проявили живой и внезапный интересъ къ личности таинственнаго графа. Всѣ говорили, что происхожденіе его столь же таинственно и загадочно, какъ велико его богатство. По наружности это былъ представительный, красивый и стройный мужчина, лѣтъ тридцати. Присяжные свѣтскіе шлетниши, собравшіе самую «достоверную» свѣдѣнія о немъ у его слугъ, говорили, что онъ очень скромный въ личной жизни, не пьетъ вина, не ѣстъ мяса,—режымъ, казавшимся болѣе чѣмъ страннымъ въ тѣ времена, когда о вегетарианствѣ еще

въ шампани.

Разливка въ бочки вина, предназначеннаго для солдатъ.

и помину не было. Спалъ онъ не больше звала личность графа, и какія легенды двухъ-трехъ часовъ въ сутки, прекрасно сложились въ самомъ непродолжительномъ игралъ на скрипкѣ и на клавесинѣ, пѣлъ времени вокругъ его имени. Каждая не- съ такимъ чувствомъ, что дамы проливали дѣля давала новую сказку о происхожденіи слезы, и говорилъ было на всѣхъ язы- таинственнаго графа. Сегодня говорили, какъ земного шара,—даже на санскрит- что онъ Итальянецъ, опираясь на то, что скомъ и еврейскомъ! Впрочемъ, онъ самъ онъ часто упоминалъ въ бесѣдахъ о Римѣ не скрывалъ, что много путешествовалъ по и Флоренціи. Черезъ три дня эта версія Европѣ, Азии и сѣверному побережью уступала мѣсто другой, по которой графъ Африки. Многие вспоминали, что дѣйстви- являлся уроженцемъ Польши, прѣ до сихъ тельно звали его уже раньше подъ другими поръ еще жили его родители. Затѣмъ въ именами. Въ Миланѣ онъ жилъ подъ име- салонахъ тихо передавали другъ другу на немъ шевалье Велдонъ, въ Венеціи графа уху, что онъ незаконный сынъ несчастной де-Белламаре, въ Швабахѣ онъ носилъ Маріи Нейбургъ, вдовы Карла II, короля испанскаго, чѣмъ объяснялось обладаніе имъ несмѣтнаго числа рѣдкихъ драгоцен- ностей. Эта версія продержалась почти три недѣли и распалась такъ же неожиданно, какъ и появилась, уступивъ мѣсто другой, по которой графъ былъ мексиканскимъ монахомъ-разстригой, женившимся на бо- гатой вдовѣ и избавившимся отъ ненужной супруги, сохранивъ ей миліоны.

Если вопросъ объ его происхожденіи вы- зывалъ столько толковъ, то не менѣе го- рачо обсуждался и его возрастъ. Одинъ восьмидесятилѣтній старикъ утверждалъ, что, будучи ребенкомъ, въ 1690 году онъ слышалъ его въ Страсбургѣ на концертѣ и что въ то время по виду ему было за тридцать лѣтъ.

Всякій, кто знаетъ Парижанъ, легко мо- жетъ представить себѣ, какой интересъ вы- вѣ этой сложной интригѣ. Онъ сумѣлъ

въ салонахъ.

Англицкія сестры милосердія въ Салоннахъ на набережной, поврежденной бомбардировкой.

устроиться такъ, что самъ не говорилъ ни- чего о себѣ, предоставляя этотъ трудъ другимъ. Наоборотъ, по виду онъ, казалось, избѣгалъ популярности и выѣздовъ въ свѣтъ. На вечерахъ и балахъ онъ дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ интереса, вызывае- маго его личностью. Блестящій собесѣд- никъ, онъ умѣлъ стать центромъ общества въ любомъ салонѣ. О чемъ бы его ни спро- сили, онъ немедленно давалъ блестящій остроумный разговоръ. Любая, затронутая въ разговорѣ, тема возставала, какъ дѣй- ствительность, со всеми мельчайшими по- дробностями обстановки и окружающей среды, предъ зачарованными слушателями. Будучи спрошенъ одной почтенной марки- зой о своихъ юныхъ годахъ, онъ, приведа нѣсколько мелкихъ фактовъ изъ личной жизни, перешелъ къ описанію блестящей придворной жизни мадридскаго двора пят- надцатаго вѣка и двора Медичисовъ, и раз- сказывалъ столь увлекательно, производилъ такіе мелкие анекдотические факты, что хотя онъ не называлъ себя въ числѣ героевъ этихъ забавныхъ или печальныхъ исторій, но всѣ присутствовавшіе вынесли твердое убѣжденіе, что такъ повѣствовать могъ только современникъ той эпохи.

Въ другой разъ, когда зашелъ разговоръ о послѣднихъ Валуа, графъ Сентъ-Жерменъ началъ съ увлеченіемъ описывать костюмы и обихай двора Генриха II и уронилъ въ увлеченіи фразу:

— Я часто говорилъ этому бѣдному королю...—Впрочемъ онъ тотчасъ же по- правился:—Его часто предупреждали.—Но, не взирая на поправку, обомлѣка уже была замѣчена присутствовавшими, и на дру- гой же день Парижане говорили, что графу, не взирая на его кажущуюся молодость, гораздо больше тысячи лѣтъ. Отсюда уже недалеко было до утвержденія, что онъ обладаетъ секретомъ эликсира вѣчной жи- зни и вѣчной юности.

Съ этого момента положеніе графа Сентъ- Жерменъ упрочилось въ обществѣ. Досуж- кіе языки перестали уже измышлять но- выя легенды о его происхожденіи. Зато въ салонахъ его разспрашивали безъ устали о старинѣ и, по свѣдѣтельству современниковъ, графъ проявлялъ изуми- тельную эрудицію и рѣдкую память въ этихъ вопросахъ. Одна юная маркиза, обладавшая большою дозой скептицизма, заявила, что она разоблачитъ этого «шар- латана».

Съ этой цѣлью она постаралась встрѣ- титься съ нимъ въ обществѣ, но едва лишь она показалась на порогѣ, какъ графъ направился съ радостной улыбкой навстрѣчу ей, говоря:

— Какъ я счастливъ встрѣтить, наконецъ, кого-нибудь изъ вашей бла- городной семьи! Уже давно меня мучили угрызенія совѣсти. Дѣло въ томъ, что я былъ большимъ другомъ ва- шего прапрадѣда, и мы сражались вмѣстѣ при Мариньяно. Раненый на смерть, онъ попросилъ меня передать вѣ- стившій на его груди золотой крестъ его женѣ. Но въ тѣ смутныя и тре- вожныя времена я не могъ лично вы- полнить его порученія и передалъ крестъ черезъ третье лицо. Съ тѣхъ поръ меня пугаютъ сомнѣнія, была ли исполнена по- слѣдняя воля умирающаго.

— Но... но, графъ,—пролепетала сму- щенная и растерявшаяся маркиза, глядя съ изумленіемъ на этого молодого человѣ- ка, выдававшего себя за друга ея пра- прадѣда,—дѣйствительно, одинъ изъ моихъ предковъ... Среди семейныхъ реликвій хра- нится золотой крестъ... Но кромѣ нашей семьи никто не знаетъ объ этомъ.

— Никто, сударыня, за исключеніемъ меня,—воскликнулъ патетически графъ,— и я безмѣрно счастливъ, что могъ успо- коить мою совѣсть вашимъ подтвержде- ніемъ о полученіи вашей семьей креста моего друга.

Изъ невѣрующей маркизы сразу стала горячей поклонницей графа и фанатиче- ской защитницей его во всѣхъ салонахъ.

Драгоцен-
такое лю-
что онъ
виду нем-
тайной х-
возмож-
желанной

Все во-
не могла
фаворитъ
Въ оди-
ся пригл-
маркиза
съ прось-
королю.

— Ма-
сомъ.—л-
на драго-
ло изъве-
низъ, м-
Уклоп-
трудно и
приказан-
сился в-
стаемъ
г-жи де-

Черезъ
своимъ ч-
цѣ. Лю-
дцанды
цѣнный
пятна, ч-
шому уд-
времени
обходимъ
намъ обра-
подозрите-
видѣть и-
его. Тру-
Франціей
собетова-
роля.

Увѣри-
его безко-
король въ
вѣрне и
ния тайнъ

Графъ
странныхъ
войно къ
странца,
странѣ ш-
на всѣмъ
возражалъ

Согласн-
Сентъ-Жер-
на короля
Пруссіи о-
шая нас-
скаго за-
удачнымъ
серія неп-
разумнѣи-
довела со-
ства дру-

Въ мар-
фа въ Га-
маркиза д-
посла, съ
дипломаті-
переправ-
добиваетс-

Въ кон-
Петербург-
ваются и
трицы Ел-
отзываетъ
заклучаетъ
ходъ Росс-
номъ вой-
была око-

Дѣйстви-
драгоценн-
европейск-
скромно

Послѣд-
ли, страд-
Онъ облы-
вить ему
ше во вс-
и своей л-
принужде-

«ДВОЙНОЙ ПОДДАННЫЙ».

Драгоценные камни графа вызвали такое любопытство парижского общества, что он принужден был как-то, по виду нехотя, сознаться, что обладает тайной химической формулы, дающей возможность увеличивать размеры камней до желаемой величины.

Все возрастающая популярность графа не могла не дойти до ушей всемогущей фаворитки короля, г-жи де-Помпадурь.

В один прекрасный день он дождался приглашения в Версаль. Прекрасная маркиза поторопилась обратиться к нему с просьбой дать эликсир вечной жизни королю.

— Маркиза!—вскричал граф с ужасом.—я никогда не рискну испробовать на драгоценной особе короля эту, еще мало известную по действию ее на организм, микстуру.

Уклонившись так дипломатично от трудно исполнимой просьбы, равносильной приказанию в устах маркизы, он согласился взамен с большим удовольствием увеличить размеры жемчужины г-жи де-Помпадурь.

Через несколько недель он был своим человеком в версальском дворце. Людовик XV тоже обратился однажды к нему с просьбой очистить драгоценный бриллиант от погившего его пятна, что граф и выполнил к большому удовольствию короля. В скором времени граф стал положительно необходим королю. История сохранила нам образ этого монарха, как человека подозрительного, мнительного, склонного видеть измену во всех окружающих его. Трудные моменты, переживаемые Францией в эту эпоху, еще более способствовали усилению этих качеств короля.

Уверившись в чувствах, графа, в его безкорыстии и сверхъестественной силе, король начал оказывать ему полное доверие и не раз сообщал государственные тайны, касавшиеся войны.

Граф де-Шуазель, министр иностранных дел, не мог отнестись спокойно к подобному возвышению иностранца, могшего употребить во вред стране полученные им сведения. Однако, на все его робкие протесты король резко возражал, что не нуждается в указке.

Согласно утверждению Ленотра, граф Сент-Жермен использовал свое влияние на короля самым продуктивным для Пруссии образом. Война, долженствовавшая навсегда избавить Европу от пруссака, засилья, повернулась самым неудачным образом для союзников. Целая серия непонятных неудач, ссор, недоразумений, неожиданно открытых тайн довела союзников до открытого недовольства друг другом.

В март 1760 года мы находим графа в Гааге, где он пытается обойти маркиза д'Аффри (d'Affry), французского посла, с целью окончательно запутать дипломатию короля-Солнца. Отсюда он переправляется в Лондон, где также добивается желаемых результатов.

В конце 1761 года он появляется в Петербурге, но здесь его услуги оказываются излишними. Со смертью императрицы Елизаветы, преемник ее, Петр III, отзывает русские войска из Пруссии и заключает союз с Фридрихом II. Выход России из коалиции послужил концом войны, и отныне роль графа-шпиона была окончена.

Действительно, с этой поры граф, его драгоценности, его эликсиры исчезают с европейского горизонта, и он живет скромно в Альтоне.

Последние годы он провел в постели, страдая от подагры и ревматизмов. Он общался принцу Гессенскому, оставив ему после смерти письменное признание во всех тайнах своего происхождения и своей жизни. Однако в 1783 году принц принужден был отлучиться в Шлез-

Маленький Фриц своему натурализованному отцу:—А где было тебе лучше,—в Германии или в Англии? Отец:—Настоящему Нёмцу вездь лучше!

Рисов. В. Томас.

Мелочи.

Первые шаги династии Гогенцоллернов.

В Страсбурге в городской библиотеке хранится любопытный том под заглавием: «Исторический и дипломатический кодекс города Страсбурга. Хроника страсбургских архивов». Это все старинные манускрипты, охватывающие период с 1373 по 1569 год. На страницах 147 и 148 этого архива

мы читаем следующую любопытную справку относительно первых Гогенцоллернов.

«1422 год. — Взятие замка Гогенцоллерн. — В 1422 году на Троицкой неделе город Ротвейль предпринял осаду крепости Цоллерн при помощи имперских городов. 64 города осаждали крепость Цоллерн, довели ее до истощения, разрушили ее форты и отравили колодезь, которыми пользовались горожане.

Утесы, на которых расположена крепость, столь крепки и неприступны, что долгое время осаждающие не рѣшались предпринять приступа. Однако, это предприятие окончилось сдачей Цоллерна, и все радовались этому событию, ибо крепость эта была настоящим гнездом разбойничьим, не дававшим ни-

ВОЙНА В НАРИКАТУРАХ.

(Перед гробницей лорда Байрона, освободителя Греции). Современная Греция.—Гм! Лорд Байрон! Кто бы это могь быть? Рис. Герм. Поля («Guerre Sociale»).

кому пощады — ни богатым, ни бедным, — и устранившим в течение 70 лет всю округу».

Эта старинная рукопись не говорит ни слова о судьбе, постигшей главу шайки бандитов,—одного из первых Гогенцоллернов—после взятия замка Цоллерн. Однако, мы находим это указание в «Семейной хронике графов Монбельярь».

В указанную эпоху представителем этого уважаемого рода являлся, за смертью отца, малолетний граф Берть Монбельярь, опека интересов которого была вручена его матери, графини Генриетте Монбельярь.

Фридрих Гогенцоллерн рѣшил завладеть силой замком малолетнего и беззащитного графа Монбельярь, но натолкнулся здесь на несокрушимую энергию его матери, сумевшей поднять в защиту интересов сына почти весь город Эльзаса и прирейнской полосы.

Из летописи города Страсбурга мы знаем уже, чѣм окончилась эта авантюра предка Вильгельма II, а в «Истории рода Монбельярь» мы находим и дальнейшую судьбу графа-бандита.

Он был отдан в скотованье в распоряжение графини Монбельярь после взятия замка Цоллерн, и она увезла побывденного врага в один из своих замков.—Этабонь, где и заключила его под стражу в неприступную башню. Здесь Фридрих Гогенцоллерн прожил в заключении до самой смерти.

Пять вѣков спустя мы присутствуем при повторении этой странички истории, но на этот раз уже не 64 эльзасских города, а полъ-Европы возстали против гнусных планов потомка графа-бандита.

Германцы в этой войне показали себя такими же, как много вѣков назад их охарактеризовал римский полководец Вел. Патеркулт, сказавший: «Германцы, проявляя жестокость, коварны и рождены для лжи».

Быть может, мы призваны быть свидетелями конца этой династии, который, по странной иронии судьбы, прозрить быт аналогичным с первыми шагами ее.

Моральныя „аннекси“ Германцев.

Прозрѣвший мир вполнѣ уяснил себе в течение этой войны истый дух германизма, во основу которого заложено стремление доказать свое расовое превосходство надь прочими народами во всех отраслях культуры и техники.

В этом отношении Германцы без всякаго зазрения совести совершают моральные „аннекси“, претендуя на то, что все громкия имена науки и искусства принадлежали кореннымь Германцамъ. Эти претензии вызвали только снисходительную усмѣшку со стороны заинтересованных народов до войны, теперь же они встают в совершенно ином освѣщении.

В 1905 году германский ученый Реймер поставил дерзкую проблему: Христосъ былъ Германцемъ, или же Онъ никогда не существовалъ... В подтверждение своего мнѣнія онъ ссылается на этимологическое строение имени Спасителя «Иисусъ». Латинское «Iesus» даетъ, по его словамъ, слѣдующія составныя части: Ies=Ger (сокращенное «Германецъ»—german), а us обозначаетъ «человѣкъ». Откуда Iesus есть не что иное какъ испорченное слово German—Германецъ.

Другой писатель, разбирая черты лица Данте, утверждаетъ, что онъ былъ несомнѣнно Германцемъ по происхождению. Ненависть Паскаля къ иезуитамъ была достаточнымъ поводомъ причислить его къ германской расѣ.

Историкъ Вольтманъ идетъ дальше в этомъ направлении, заявляя категорически, что все великия художники итальянскаго Возрожденія были Германцами. По его мнѣнию, эпоха Возрожденія была лишь однимъ изъ интеллектуальныхъ этаповъ германской расы, вызваннымъ окружающей средой и новыми вѣяниями въ искусствѣ. Онъ утверждаетъ, что настоящимъ именемъ Леонардо да Винчи было «Викке», Вечеллио—Ветцель, Буонаротти—Бонротъ...

Той же тенденци придерживается Вольтманъ при разборѣ классической литературы. Вольтеръ, по его словамъ, извратилъ свое истинное имя «Арвидъ», а Дидро—Титротъ.

Редакторъ М. А. Суворинъ. Изданіе Товарищества А. С. Суворина— «Новое Время».

*У меня хороший
желудок потому
му, что я пью
2 стакана в
день воды*

**ИЖЕВСКИЙ
ИСТОЧНИК**

ПРОДАЖА ВЕЗДЪ
Складъ въ Русскомъ Общ. торговл. аптекарскими товарами.
Казанская, 12.
Телеф. 2-21, 104-48 и 479-03.

**УРАЛЬСКІЕ
Драгоценные Камни**
А. Ю. ПИЛСУДСКІЙ.
НЕВСКІЙ, 96 (уголь Надеждинской).
Изумруды, рубины, сапфиры, александриты,
цирконы, топазы и пр. и пр.
Пріемъ и быстрое выполнение заказовъ
на всевозможн. ювелирные изделия.
Художественная работа. Цѣны вѣтъ конкуренціи.
Телефонъ 168-95.

«Книгоизд. Т-во», Пггд. Невскій, 158.
В. И. КРЫЖАНОВСКАЯ
НОВЫЙ ВЪКЪ, 2 р. — к.
ПАУТИНА, 2 р. 50 к.
(Нѣмецкое изданіе).
СВѢТОЧИ ЧЕХІИ, . . . 2 р. — к.
(Ворьба за свободу).
Почетн. отзывъ Академіи Наукъ.
И др. окултъ, истор. и бытов. ром. высыл. наложн. платеж., катал. и просп.—бесплатно.

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА:
И. ДАВИДОВЪ
Стихотворенія.
Въ безсонницу. — Призракамъ прошлаго. — Сны на яву. — Война. — Поэмы и стихотворенія. — Переводы.
Цѣна 1 р. 50 к.
Продается въ книжныхъ магазинахъ Нового Времени, Вольфа и др.

**САМОКРАСЯЩІЯ
ГРЕБЕНКИ.**
Электрич., безъ красокъ, 10 р. только силою въ нихъ тона.
Складъ НОВЫХЪ ИЗВРЪТЕНІЙ
Петроградъ, Морская, 33.

Въ книжныхъ магазинахъ «Нового Времени» продается романъ
М. ЛЕБЛАНЪ
Необычайныя приключенія Арсена Лупэна
Изданіе 8 е Цѣна 50 коп.

Реваншъ
Духи и Одеколонъ дивнаго запаха.
THIVÔT, PARFUMERIE DE LUXE
42, RUE RODIER 42. PARIS
ПОСЛѢДНЯЯ ПОВЕСТЬ ПАРИЖА!

Поступила въ продажу новая книга:
ЦАРЬГРАДЪ
И
ОКРЕСТНОСТИ.
Историко-художественное описаніе А. Барта.
248 стр. съ 58 рисунками и чертежами, въ художественной обложкѣ.
Перевелъ Н. М. Лаговъ.
Дополнено Н. Н. Пѣшковымъ.
Петроградъ.
Изданіе Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». 1915.
Цѣна 1 руб. 50 коп.
Въ продажѣ въ книжныхъ магазинахъ «Нового Времени» (Петроградъ, Москва, Харьковъ, Саратовъ и др.) и въ книжныхъ шкапахъ желѣзнодорож. станцій.

ВЫТЯЖКА ИЗЪ СЪЕМНЫХЪ ЖЕЛЕЗЪ

ОРГАНОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ **Д. КАЛЕНИЧЕНКО.**

ПРИМѢНЯЕТСЯ: при неврастеніи, истеріи, невралгіи, старческой дряхлости, подагрѣ, ревматизмѣ, малокровіи, артеріосклер., туберкулезѣ, диабетѣ, головныхъ боляхъ, безсонницѣ, половомъ безсиліи, хроническомъ разстройствѣ питанія и сердечн. дѣятельн., общей слабости, послѣ тяжкихъ болѣзней: инфлуэнцы, сифилиса, послѣ родовъ, операций, кровопотерь и проч.

г. ВРАЧАМЪ, ЛАЗАРЕТАМЪ и БОЛЬНИЦАМЪ СЪЕМНАЯ ВЫТЯЖКА лабораторіи Д. Калениченко для наблюденій высыпается БЕЗПЛАТНО. ОБШИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ТРЕБОВАНІЮ БЕЗПЛАТНО. Одинъ флаконъ съемной вытяжки въ продажѣ стоитъ пересылка—40 к., пересылка свыше одного флакона—БЕЗПЛАТНО. 2-й почтовый сборъ за наложенный платежъ всегда за счетъ заказчика. Адресъ: Органотерапевт. лабораторія Д. КАЛЕНИЧЕНКО, Москва, Козловскій пер. соб. д. 10. к. 33. тел. 2-75 к.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ
Вытяжка изъ съемныхъ желѣзъ изготовляется естественнымъ путемъ безъ огня и химическихъ реакцій и ничѣмъ общаго не имѣетъ съ химическимъ приготовленнымъ сгущеннымъ.

**ЗАСТАРѢЛЫЕ
ХРОНИЧЕСКІЕ ЗАПОРЫ**
несвареніе желудка вызываютъ газы, тошноту, изжогу и давленіе подъ ложечкой. Надежное и постоянно одинаковое дѣйствіе оказываетъ Стомоксигенъ Дра Антона Мейеръ. Стомоксигенъ освобождаетъ желудокъ легко, нормально и пріятно. Онъ абсолютно безвреденъ и отлупскъ.
ЗАПОРЫ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА въ 1916 г.
НА ЛУЧШІЙ ВЪ РОССИИ МОДНЫЙ И СЕМЕЙНЫЙ ЖУРНАЛЬ
ВЪСТНИКЪ МОДЫ
(Петроградъ, Итальянская 16).
Переводъ французскаго журнала La Mode pratique.
Выходить въ 6-ти изданіяхъ и дастъ: 24 модныхъ ММ (около 2000 рис. въ годъ дамскаго и дѣтскаго туалета) и бѣлья; 24 ММ руководствъ (около 400 рис. съ узорами въ натуральную величину); 24 выкройки листовъ (около 600 выкроекъ въ годъ); 24 вырѣзныхъ выкроекъ; 6 раскрашенныхъ узоровъ и 2 прѣмъ: 1) узорчатые квадраты, Сот. Генекенъ и 2) Альбомъ корсетекъ. Кроме того П-ое изданіе получаетъ 24 вырѣзныхъ выкроекъ; III-е — 12 раскрашенныхъ модныхъ картинъ; IV-ое—48 раскрашенныхъ карт. и V-ое — 96 раскр. картинъ.
Въ программу журнала входятъ: романы, биографіи съ портретами, статьи по женскому вопросу и воспитанію дѣтей; кухня, домохозяйство, гигиена и косметика и др. подъ редакціей спеціалистовъ.
Цѣна въ годъ: I изд. 6 р., II — 7 р., III — 9 р., IV — 14 р., V — 28 р.
Есть подписка на 1/2 г., 1/4 г. и съ разсрочкой.
Здѣсь-же принимается подписка на журналъ «ДѢТСКІЯ ПЛАТЬЯ и БѢЛЬЕ» 12 номеровъ въ годъ съ 12 вырѣзными выкройками и 12 выкроенными лентами. Цѣна въ годъ 2 р. 50 к. и журналъ: «БѢЛЬЕ и ВЫШИВКИ» дающій крокъ бѣлья всѣхъ родовъ руководствъ, и съ узорами въ натуральную величину. 6 ММ въ годъ. Цѣна 1 р. 75 к.

НОВАЯ КНИГА
САДЫ-ГОРОДА
И
ЖИЛИЩНЫЙ ВОПРОСЪ
ВЪ АНГЛІИ.
П. Г. МИЖУЕВА.
Красивое изданіе. Больше 150 рисунковъ (8 цвѣтныхъ), плановъ и чертежей. Цѣна въ колѣнкоромъ переплетѣ 5 р. 50 к. Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ. Складъ изданія—книжный магазинъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время», Невскій, 40.

Камни
Кий.

деждицею).
александры,
р. и пр.
лине заковы,
и надъли.
и въ конкуренцл.
5.

Невскій, 158.

ОВСКАЯ

. . . 2 р. — и.
. . . 2 р. 50 к.
(е).
. . . 2 р. — к.
(ду).
и Наукъ.
ов. ром. высел.
осп.—бесплатно.

жу новая

АДЪ

ОСТИ.

ственное
арта.

сунками и
дожествен-

Паговъ.

шковымъ.

уворина—
1915.

коп.

жныхъ ма-
Времени»
Харьковъ,
княжнихъ
р. станцій.

БЛЫЕ

ПОРЫ
ызываютъ
и давленіе подъ
ианно одинаковое
ксигенъ Д-ра Ан-
ь освобождаетъ
и пріятно. Онъ
и отпущк.
реи.вр.

РЫ

ДА

Тѣна въ колем-
въ магазнахъ
Невскій, 40

НОВОЕ ВРЕМЯ

Основатель А. С. Суворинъ.

№ 14330

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 30 ЯНВАРЯ (12 ФЕВРАЛЯ) 1916 ГОДА.

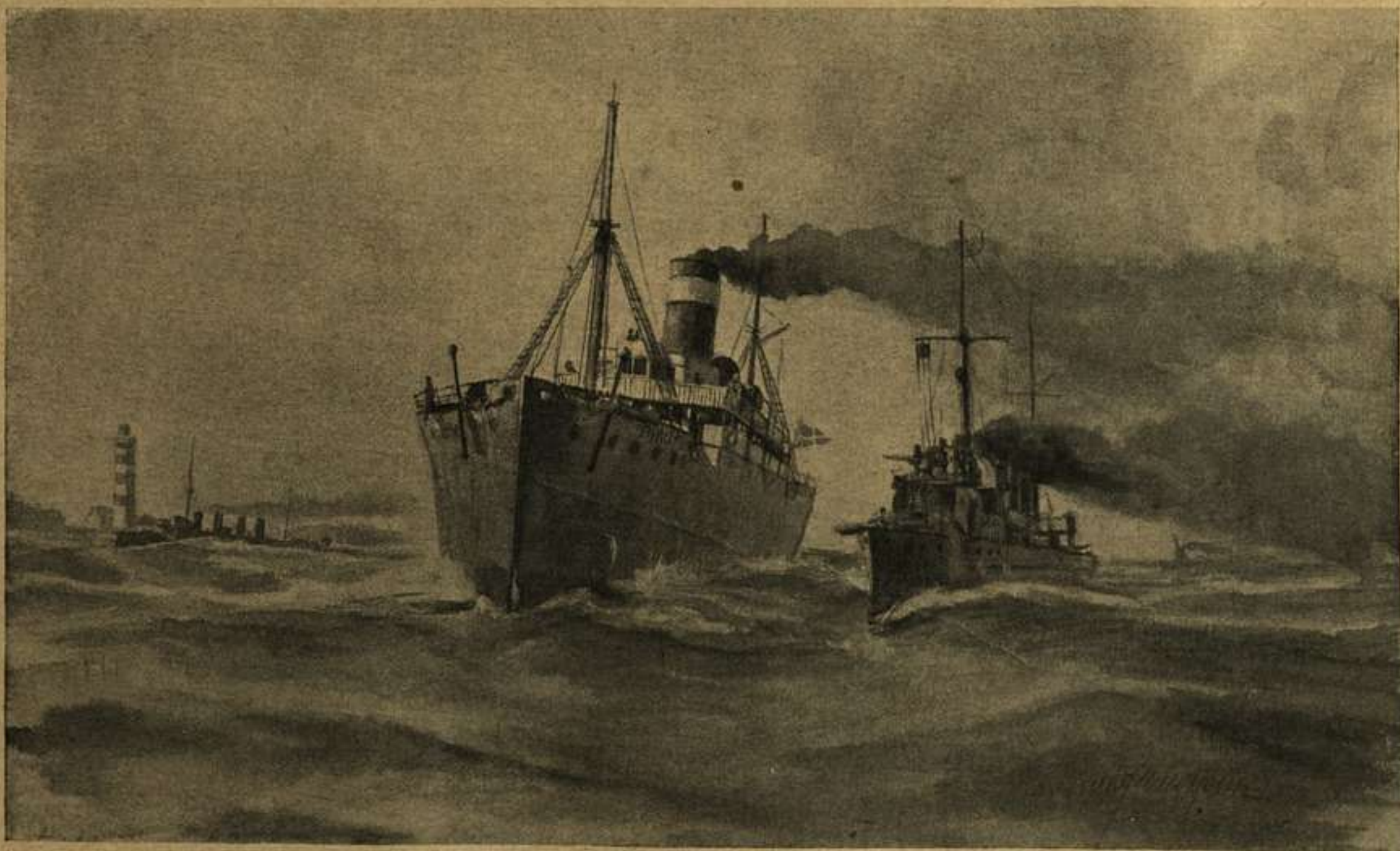
№ 14330

НА ВОЙНѢ.

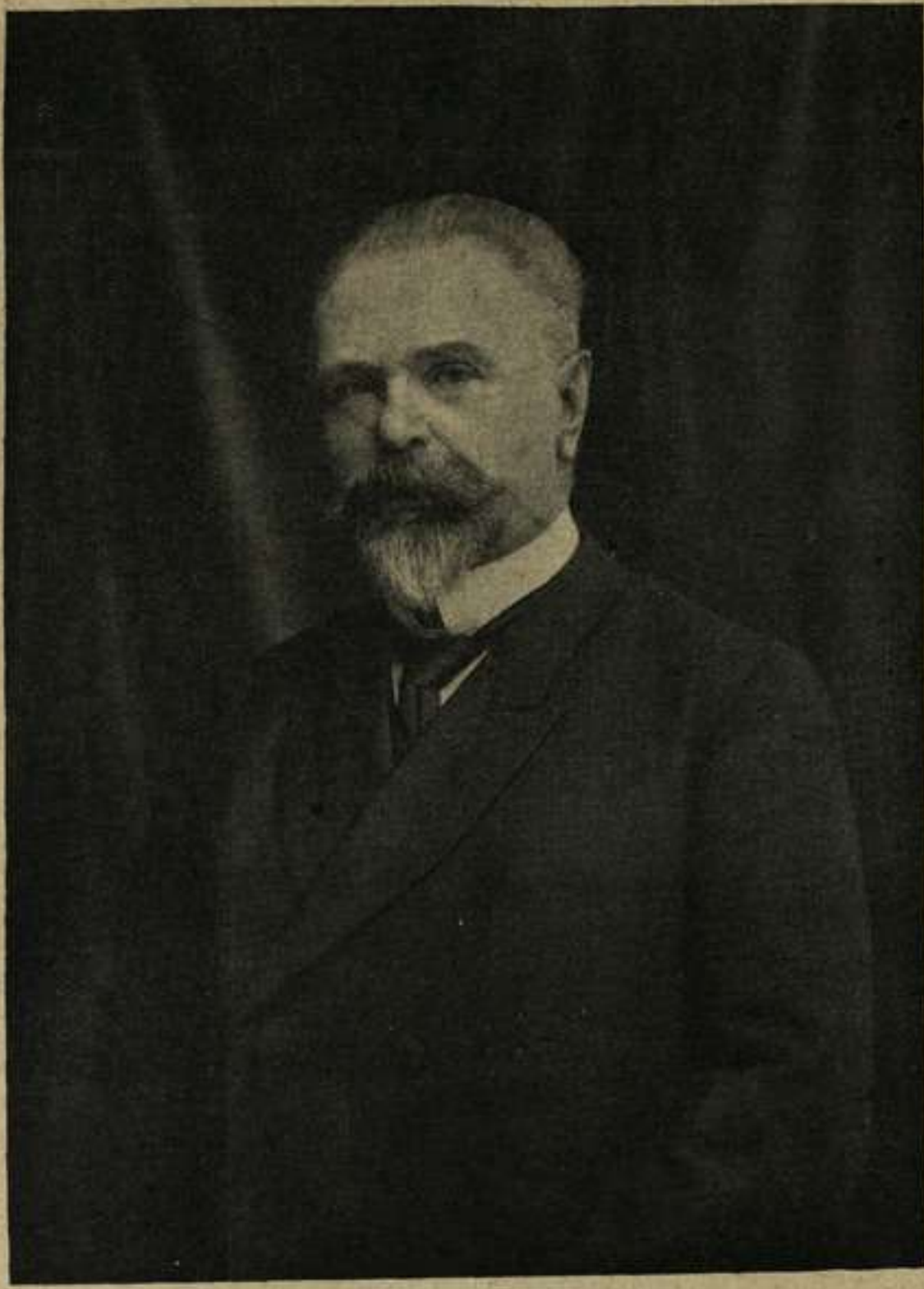
Его Императорское Величество Государь Императоръ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ и Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь АЛЕНСІЙ НИКОЛАЕВИЧЪ на фронтѣ во время смотра Ш*** пѣхотнаго полка.

ВОЙНА НА МОРѢ.

ПЕРВЫЕ ДНИ ВОЙНЫ.—Дозорные миноносцы опрашиваютъ нейтральный пароходъ.

Рис. лейтенанта Александра Оскара Ламкерта.

Председатель Совета Министров член Государственного Совета,
гофмейстер Борис Владимирович УШОКОВ.
Ом. № 14320 „Нов. Вр.“.

Дѣвушка, какихъ мало...

Разсказъ Б. Руукъ.

Съ англійскаго и. Дѣдиной.

I.

Ея звали Филлисъ. Многие находили, что это имя самое подходящее для хорошенькой дѣвушки.

А она была, действительно, очень хорошенькой... Татя ея была такъ тонка, что, кажется, она свободно могла бы носить браслетъ въстѣ пояса. Стройныя точенныя ножки, кисти рукъ и шея... Большия голубые глаза смѣялись на черномъ блондовомъ дѣтскомъ личикѣ, златистые

волосы всегда были причесаны по последней модѣ.

Если вамъ нравится этотъ типъ, то она должна была вамъ понравиться непременно...

«Оживленная открытка», — называлъ я ее обыкновенно. Мой братъ Робертъ боготворилъ ее. Онъ воображалъ, что она совершенство.

— И крѣмъ того она такая хорошая! — говорилъ онъ. — Право, глядя на нее, начинаешь лучше думать о дѣвушкахъ вообще! Такъ она не похожа на остальныхъ... Говоря съ ней, сознаешь себя такимъ недостойнымъ... Кроме того, она такая тихая, добрая — съ ней сразу чувствуешь себя, какъ съ родной. Все время, пока сидишь съ ней не можешь сдержать слезъ умиления... Подобная дѣвушка можетъ заставить человека сдѣлать что-нибудь великое и очень важное для всѣхъ... Я, конечно, глупо говорю, но она такъ мила, Галль, — неправда ли?..

И братъ смотрѣлъ на меня жадными, умоляющими глазами въ ожиданіи похвалы своему божеству.

То, что я говорилъ ему, разсказывать не стоить. Я не забывалъ, что, кромѣ моего опекуства надъ нимъ, я еще и служу ему лучшимъ другомъ. — болѣе, чѣмъ братомъ, и потому сдерживался. Я не считалъ себя въ правѣ говорить ему, что каждый разъ, когда я встрѣчаю ее, мнѣ всегда хочется уйти подальше и покурить...

Родные Филлисъ утопали въ золотѣ. Отецъ игралъ на биржѣ, красавица-мать казалась скорѣе сестрой своей дочери, выѣзжала вмѣстѣ съ нею и готова была одѣвать ее, какъ фею, въ платья, сотканныя изъ паутины. У нихъ былъ великолѣпный загородный домъ близъ Ричмонда. Въ саду безудержно содержимая лужайка отлого спускалась къ берегу рѣки, гдѣ высилась очаровательная пристань для ихъ собственной флотилии, и гдѣ особенно тщательно сохранялась изящная

Почетный лейбъ-медикъ Ив. Ив. Смирновъ, назначенный санитарнымъ инспекторомъ петроградскаго порта и главнымъ докторомъ Петроградскаго адмиралтейскаго Императора Петра Великаго госпиталя.

яточка, бѣлая, какъ снѣгъ, подарокъ отца на рожденіе Филлисъ.

Филлисъ исполнился двадцать одинъ годъ 1 июня. Это было въ 1914 году, когда вся Англія вела еще себя такъ, точно ничего не могло на свѣтѣ случиться важнѣе рѣчной гонки!..

Робинъ и я, мы оба были приглашены на праздникъ.

Когда мы пріѣхали, тамъ было уже масса народа, — особенно много молодежи, гораздо больше, чѣмъ барышень. Было нѣсколько легчиковъ. Филлисъ въ то время очень интересовалась авіаціей. Я слышала, какъ она, за ужиномъ говорила одному легчику:

— Вы принесли мнѣ, что обѣщали?.. Я собираю значки, которые обыкновенно прикрѣпляютъ къ аэропланамъ во время гонокъ! — Развѣ это не оригинально?... У меня вообще страсть коллекционировать... Вы видѣли мой альбомъ моментальныхъ фотографій съ разныхъ знаменитостей?... И очень многія изъ нихъ я сняла сама. Я снимала всѣхъ, кто что-нибудь сдѣлалъ. Понимаете?... Тѣхъ, напримеръ, которые взяли призы... Вы тоже должны туда попасть послѣ гонокъ въ Хендонѣ, непременно должны!..

Потомъ она обернулась къ Робину, вѣдшему ее къ столу и теперь сидѣвшему по другую сторону.

— Вы у меня тоже есть. Помните, — когда васъ объявили лучшимъ пилотомъ?

Бѣдняга Робинъ посмотрѣлъ на нее, и въ глазахъ у него отразилось все его восторженное сердце. Мнѣ онъ объ этомъ не говорилъ, но я увѣренъ, что во время тапцевъ послѣ ужина онъ сдѣлалъ ей предложеніе...

— Она, кажется, и предложенія тоже коллекционируетъ! — горько сказалъ мнѣ нашъ общій съ Робинемъ пріятель Люмлей.

— Конечно, нехорошо съ моей стороны говорить такъ! — поправился онъ, почти тотчасъ же. — Рѣчь не можетъ же бѣдная дѣвушка, въ самомъ дѣлѣ, выходить за всѣхъ, кто имѣлъ глупость влюбиться въ нее! Она ихъ вовсе объ этомъ не проситъ и каждый разъ кажется такой удивленной... Она не можетъ себя вообразить, какое адское настроеніе бываетъ послѣ ея отказа!

— Жаль, что никто не скажетъ ей объ этомъ! — коротко замѣтилъ я.

Я былъ очень золъ на нее за Робина.

Но Люмлей возразилъ:

— Подобной дѣвушкѣ далеко не все можешь сказать... Она невинна и чиста, какъ только что выпавшая снѣжка.

Она даже не понимаетъ всего, что кажется любви... Это дѣвушка, какихъ мало...

— Жаль, что никто не скажетъ ей объ этомъ! — коротко замѣтилъ я.

Я былъ очень золъ на нее за Робина.

Но Люмлей возразилъ:

— Подобной дѣвушкѣ далеко не все можешь сказать... Она невинна и чиста, какъ только что выпавшая снѣжка.

Она даже не понимаетъ всего, что кажется любви... Это дѣвушка, какихъ мало...

— Жаль, что никто не скажетъ ей объ этомъ! — коротко замѣтилъ я.

Я былъ очень золъ на нее за Робина.

Но Люмлей возразилъ:

— Подобной дѣвушкѣ далеко не все можешь сказать... Она невинна и чиста, какъ только что выпавшая снѣжка.

Она даже не понимаетъ всего, что кажется любви... Это дѣвушка, какихъ мало...

— Жаль, что никто не скажетъ ей объ этомъ! — коротко замѣтилъ я.

Я былъ очень золъ на нее за Робина.

Но Люмлей возразилъ:

— Подобной дѣвушкѣ далеко не все можешь сказать... Она невинна и чиста, какъ только что выпавшая снѣжка.

Она даже не понимаетъ всего, что кажется любви... Это дѣвушка, какихъ мало...

— Жаль, что никто не скажетъ ей объ этомъ! — коротко замѣтилъ я.

Я былъ очень золъ на нее за Робина.

Но Люмлей возразилъ:

— Подобной дѣвушкѣ далеко не все можешь сказать... Она невинна и чиста, какъ только что выпавшая снѣжка.

Она даже не понимаетъ всего, что кажется любви... Это дѣвушка, какихъ мало...

— Жаль, что никто не скажетъ ей объ этомъ! — коротко замѣтилъ я.

Я былъ очень золъ на нее за Робина.

Но Люмлей возразилъ:

— Подобной дѣвушкѣ далеко не все можешь сказать... Она невинна и чиста, какъ только что выпавшая снѣжка.

Она даже не понимаетъ всего, что кажется любви... Это дѣвушка, какихъ мало...

— Жаль, что никто не скажетъ ей объ этомъ! — коротко замѣтилъ я.

Я былъ очень золъ на нее за Робина.

Но Люмлей возразилъ:

— Подобной дѣвушкѣ далеко не все можешь сказать... Она невинна и чиста, какъ только что выпавшая снѣжка.

Она даже не понимаетъ всего, что кажется любви... Это дѣвушка, какихъ мало...

— Жаль, что никто не скажетъ ей объ этомъ! — коротко замѣтилъ я.

Я былъ очень золъ на нее за Робина.

Но Люмлей возразилъ:

— Подобной дѣвушкѣ далеко не все можешь сказать... Она невинна и чиста, какъ только что выпавшая снѣжка.

Она даже не понимаетъ всего, что кажется любви... Это дѣвушка, какихъ мало...

— Жаль, что никто не скажетъ ей объ этомъ! — коротко замѣтилъ я.

Я былъ очень золъ на нее за Робина.

Но Люмлей возразилъ:

— Подобной дѣвушкѣ далеко не все можешь сказать... Она невинна и чиста, какъ только что выпавшая снѣжка.

Она даже не понимаетъ всего, что кажется любви... Это дѣвушка, какихъ мало...

— Жаль, что никто не скажетъ ей объ этомъ! — коротко замѣтилъ я.

Я былъ очень золъ на нее за Робина.

Но Люмлей возразилъ:

— Подобной дѣвушкѣ далеко не все можешь сказать... Она невинна и чиста, какъ только что выпавшая снѣжка.

Она даже не понимаетъ всего, что кажется любви... Это дѣвушка, какихъ мало...

Сестра милосердія
Лидія Павловна Рейнманнф.
Награждена Георгіевскою медалью
4 степени.

— По мнѣ кажется, что это мало женственно! — сказалъ я ему.

— Да, она вообще больше похожа на ангела! — сурово сказалъ онъ и отошелъ отъ меня, видимо, недовольный.

II.

Какъ только объявили войну, Робинъ пошелъ добровольцемъ. Это было тогда еще, когда мы думали, что война будетъ просто войной, какія бывали прежнія, и что нашего войска японцы хватить... Мы и не предчувствовали, что это будетъ больше походило на бойню, чѣмъ на войну, и что она будетъ значить для каждаго изъ насъ, и для женщинъ, и для мужчинъ, потому что почти у каждой женщины есть хоть одинъ настоящій мужчина...

— Какъ это мило съ вашей стороны! — проворковала Филлисъ, когда Робинъ объявилъ ей о своемъ рѣшеніи. — Мнѣ такъ хотѣлось, чтобы хоть одинъ мой знакомый записался въ добровольцы. Вы дадите мнѣ погонь вашего полка? Я ихъ коллекционирую теперь. Мы состязаемся съ Оливіей и Бериль Сандиманъ. У Оливіи уже семнадцать погоней, у Бериль погоней всѣхъ кавалерійскихъ полковъ... Вы тоже должны мнѣ дать погонь, Робинъ!

И Робинъ далъ ей его, какъ далъ бы и свою голову, если бы она попросила...

Какъ только мнѣ удалось справиться съ дѣлами, я присоединился къ полку, гдѣ уже былъ Робинъ. Въ это время мы уже начали понимать, что именно намъ грозитъ, и мнѣ хотѣлось скорѣе быть съ Ро-

Нѣ посѣщенію ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЫСОЧЕСТВОМЪ ВЕЛИКИМЪ КНЯЗЕМЪ
ГЕОРГІЕМЪ МИХАИЛОВИЧЕМЪ ЯПОНИИ.

«МОЛОДАЯ ЯПОНИЯ». — Дѣти по пути слѣдованія Великаго Князя.

Воспитанницы разных школ приветствуют высшего гостя из России. Вь руках у них флаги двух дружественных наций.

Прапорщик А. П. Федоровъ. Паль смертью храбрыхъ.

тила она.—Теперь я хочу начать собирать пояса. У меня еще ни одного пока нетъ. Мнѣ бы такъ хотѣлось имѣть хотя бы одинъ съ надписью: «Gott mit uns» вокругъ пряжки. Вы сможете мнѣ достать такой, Робинъ?

— Конечно!—пообѣщала Робинъ.

Мнѣ тяжело было сидѣть и смотрѣть на его обожаніе, въ то время, какъ она ни на кончикъ своего лощеннаго ноготка не занималась имъ. Я почувствовалъ огромное, непреодолимое желаніе покурить, и выразилъ его вслухъ. Потому я всталъ и пошелъ въ садъ.

Когда я нашелъ, что съ Робина довольно, я возвратился въ гостиную черезъ зимній садъ. Они сидѣли на диванѣ, спиной ко мнѣ, и толстый коверъ заглушалъ мои шаги. Я не могъ не видѣть милую темноволосую голову Робина, очень близко склоненную къ золотистой головкѣ. Я не могъ не слышать робкаго шопота:

— Только одинъ... На счастье!..

И хотя она не могла меня видѣть, она рѣзко откинулась отъ него и возмущенно воскликнула:

— О нѣтъ, Робинъ! Я не изъ тѣхъ дѣвушекъ, которыя это себѣ позволяютъ!..

Она, видите ли, отказала ему въ одномъ поцѣлуѣ... Она не изъ такихъ дѣвушекъ! И Робинъ былъ восхищенъ этимъ, и она еще выше стала въ его мнѣніи...

Когда мы уходили, Робинъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ и прижалъ къ сердцу фотографію, которая, очевидно, будетъ цѣла, пока онъ останется цѣлъ... Я тоже посмотрѣлъ и подумалъ:

— Какъ бы я хотѣлъ, чтобы мы больше никогда тебя не видѣли!

III.

И все-таки спустя три мѣсяца я ее увидѣлъ...

Я долженъ былъ это сдѣлать, такъ какъ обѣщала моему Робину. Какъ только моя нога мнѣ позволила, я отправился въ Ричмондъ. Она сидѣла одна въ гостиной, за роялемъ, и разбирала новый вальсъ. Когда я вошелъ, она вскочила, побѣжала мнѣ на встрѣчу и долго нѣжно ворковала по поводу меня и моей раны. И все время, пока она это спрашивала, я чувствовалъ, что она совсѣмъ про меня и не думаетъ даже!.. Она всегда находила меня прескучнымъ...

— Я почти здоровъ,—прервалъ я ее.— Вотъ насчетъ Робина я...

— Да, вашъ бѣдный, бѣдный братъ!.. Это такъ грустно! Пожалуйста, садитесь на диванъ! Я такъ ужасно была огорчена за васъ всѣхъ, когда услышала, что онъ убитъ...

Такъ ворковала Филлисъ, открывая всю ширину свои небесно-голубые глаза.

— И какъ разъ, когда онъ получилъ награду и назначеніе, и остальное!.. (Что она хотѣла сказать этимъ «остальнымъ»?) Вы были съ нимъ въ это время?

— Да,—сказалъ я, глядя не на нее, а на то, что было у меня въ рукахъ.

Я рассказалъ ей какъ можно короче о глубокой штыковой ранѣ Робина и о томъ, какъ онъ гнался за огромнымъ Баварцемъ и схватился съ нимъ одинъ на одинъ, когда они выбили насъ изъ окоповъ...

— Онъ хотѣлъ завладѣть его поясомъ,— пояснилъ я.—Онъ во что бы то ни стало хотѣлъ достать его... Для васъ!

— Досталъ онъ все-таки?.. Какой онъ храбрый!..

Она видимо даже не думала о томъ, что говорила. Пожалуй, Робинъ и Люмлей и тутъ бы сказали, что ей и понимать подобныхъ вещей не надо!..

Я сказалъ:

— Робинъ изнемогъ и упалъ.

— Какъ это ужасно!—воскликнула она.

— А Баварецъ убѣжалъ.

— Ахъ, какъ это ужасно!—тѣмъ же тономъ сказала она.

Едва справляясь съ голосомъ, я рассказалъ ей, что, когда мы подняли Робина, ему оставалось жить только съ часъ...

— Какъ ужасно!—въ третій разъ сказала она.

Ген.-м. В. П. Ефремовъ. Паль смертью храбрыхъ.

— На немъ кровь!—отвѣчала она, все той же гримасой.

Лейтенантъ Е. Н. Герасимовъ, старш. инженеръ-механикъ на канонерской лодкѣ «Сивучъ», погибшей въ Рижскомъ заливѣ въ борьбѣ съ германской эскадрой 6 августа. Раненый, былъ подобранъ съ воды Нѣмцами и живъ находится въ плѣну.

Кичм. Конст. Павл. Огурешниковъ, находившійся на канонерской лодкѣ «Сивучъ» и при гибели ея багуета погибшій геройской смертью при исполненіи своего служебнаго долга.

Товарищъ ратный.

Стрѣлою легло образцовое шоссе, пересѣкая пологіе холмы, тщательно вспаханные и мѣстами ярко зеленеющіе отъ подтаявшей озими.

Близко подбѣгали къ нему аккуратно подчищенные перелѣски, изъ-за которыхъ то тутъ, то тамъ видѣлись острия крыши типичныхъ восточно-прусскихъ мызъ.

Усердно нажимая на педали всѣмъ корпусомъ, преодолевая подъемъ, по шоссе подвигался велосипедистъ.

Характерная каска въ стромъ чехлѣ

Я думаю, что Робинъ никогда бы не согласился со мной, что «не понимать» значитъ просто «не чувствовать»!

— Онъ сказалъ мнѣ, чтобы я вамъ передавалъ, что ему очень грустно, что онъ не смогъ выполнить своего обѣщанія—достать вамъ поясъ врага въ видѣ трофея.

Я говорилъ это дѣвушкѣ, откинувшей свою вѣжливую голову на блѣдно-розовый шелкъ подушки.

— И я пришелъ сюда, чтобы передать вамъ, по его просьбѣ, его собственный поясъ въ видѣ воспоминанія.

— И вотъ онъ,—добавилъ я.

Она протянула свою бѣленькую ручку, чтобы взять поясъ, и потомъ внезапно отдернула ее. Поясъ Робина упалъ на диванъ.

Филлисъ сморщила свой носикъ въ гримасу отвращенія.

— Фи!—услышалъ я.

И тѣмъ же возмущеннымъ тономъ, которымъ она отказала въ послѣднемъ поцѣлуѣ Робину, она сказала:

— О, нѣтъ, нѣтъ, мнѣ не надо его!..

— Что?—воскликнулъ я, вскакивая, и въ пылу гнѣва забывъ о своей незажившей ногѣ.

Я теперь ненавижу ее, эту дѣвушку, которую мой погибшій братъ обожалъ, которой онъ прислалъ свое послѣднее порученіе, которой отдалъ свою послѣднюю мысль и то, что могъ оставить солдатъ, погибшій на полѣ чести,—поясъ, на которомъ висѣлъ его бранный мечъ.

— Что такое? Въ чемъ дѣло?—спрашивалъ я.

Прапорщикъ И. В. Бубновъ. Паль смертью храбрыхъ.

НА ВОЙНѢ.

Ген.-отъ-артил. Зрясь-Ханъ-Алиевъ. Награжд. орденомъ св. Георгія 3 ст. Генералъ Алиевъ участникъ трехъ кампаній. Онъ имѣетъ все ордена до св. Александра Невского съ мечами исключительно, св. Георгія 3 и 4 ст. и Георгиевское оружіе.

Полковникъ І. В. Семеновъ. Награжд. орденомъ св. Георгія 4 ст.

ЗА ДВИКОЮ.—Въ сторожевѣ.

сползла на затылокъ, несмотря на холодный осенній вѣтеръ лицо Пруссака было красно и мокро отъ пота. По ветревоженному и напряженному выраженію его видно было, что онъ отсталъ, одинокъ и спѣшитъ скорѣй примкнуть къ своимъ. Съ поворота уже видна ему длинная черная крыша громаднаго сарая, а за ней виднѣется цѣлый рядъ острыхъ крышъ де-

ревни Гросшманенъ. Цѣль близка. Нѣмецъ облегченно вздыхаетъ и задерживаетъ ходъ машины, но въ тотъ же моментъ сзади его раздается заглушенный мягкою мецъ, покинувъ теперь ненужный ему вѣночью частый топотъ скачущей лошади. Лосипедъ, бросающійся къ забору, мигъ,—и онъ быстро оглянулся и, припавъ къ рулю, онъ скрывается за нимъ. Отчаянно заработалъ педалами. Внезапно вынырнувъ изъ-за частаго ельника, вынесся на гнѣдомъ маштакъ уральскій казакъ. Заломленная на бекрепъ выдававшая виды засаленная фуражка едва прикрывала непокорныя пряди черныхъ, какъ смоль, волосъ, густая борода отбѣняла энергичное лицо.

Онъ видитъ, что Нѣ- — А ну, ребята, разсыпсья,—распоряжается чернобородый уралецъ, гнавшій за часъ тому назадъ велосипедиста, и теперь вернувшійся самъ-пятъ развѣдать деревню, въ которой скрылся Нѣмецъ.—Мѣш- жетъ, выматривая его изъ-какого-нибудь угла линя, канавой идите!—даетъ онъ дальнѣйшія указанія,—и, оставшись самъ въ темнѣющую массу построоекъ на фонѣ горящаго закатомъ неба, наметомъ пошелъ впередъ. Оставивъ за собой небольшую группу всадниковъ. По длин-

нымъ хростамъ небольшихъ коней, по неподражаемой, только казакамъ свойственной посадкѣ, сразу можно признать ихъ. — А ну, ребята, разсыпсья,—распоряжается чернобородый уралецъ, гнавшій за часъ тому назадъ велосипедиста, и теперь вернувшійся самъ-пятъ развѣдать деревню, въ которой скрылся Нѣмецъ.—Мѣш- жетъ, выматривая его изъ-какого-нибудь угла линя, канавой идите!—даетъ онъ дальнѣйшія указанія,—и, оставшись самъ въ темнѣющую массу построоекъ на фонѣ горящаго закатомъ неба, наметомъ пошелъ впередъ. Оставивъ за собой небольшую группу всадниковъ. По длин-

Товарищеская выручка.—Казанъ Зиновій ЯШКОВЪ выручаетъ своего тозарица.

Рис. А. Пржецлавскій (участникъ войны).

Барь-градский храмъ въ Петроградѣ.

Храмъ во имя святыхъ Николая Чудотворца и Александра Невского, сооруженный Палестинскимъ Обществомъ въ Петроградѣ, на углу 2-й Рождественской улицы и Калашниковскаго пр., и освященный 16 декабря 1915 г. Онъ построенъ на мѣстѣ часовни для сбора пожертвованій на русскій храмъ въ Бари, въ Италіи, гдѣ находится мощи святителя Николая. Храмъ строился архитекторомъ С. С. Кричинскимъ по образцу древнихъ новгородскихъ храмовъ. Онъ имѣетъ видъ креста съ полукруглыми, прилегающими къ угламъ. Крыша покрыта зеленою поливою черепицею по типу старинныхъ псковскихъ церквей. Вся внутренность его покрыта фресками по образцу древнѣйшихъ фресокъ XVI в. въ Терапонтовомъ монастырѣ, расписанномъ лучшимъ художникомъ Ивана Грознаго—Донниемъ. Расписывали храмъ художники Плотниковъ и Щербаконъ. Общее наблюдение за всей постройкой храма несъ вице-предѣлитель Палестинскаго общества, членъ Государственнаго Совета князь А. А. Ширинскій-Шихматовъ; кромѣ того, ближайшее участіе въ постройкѣ принималъ извѣстный археологъ В. Т. Георгиевскій.

См. ст. „Старая каменная пѣсня“ на 188 стр.

Ититорское мѣсто подь хорами Николю-Александровскаго храма.

первыхъ построекъ, казаки приостановились. Они замѣтили на бѣлбющей длинной полосой стѣнъ сарая темныя фигуры, онѣ перебѣгали и, припавъ къ землѣ, какъ бы проваливались, залегали.

— Больше полсотни, ребята, ихъ тутъ будеть,—шепчетъ увѣренно чернородый, —поворачивай, деревня занята, командуетъ онъ своему разѣзду.

Въ тотъ же моментъ, какъ бы подтверждающая его предположеніе, сразу треснула неровный залъ десятка-другого ружей.

Казаки, пригнувшись къ шеямъ ружей, часто залопотали имъ въ догонку стрѣлы.

— Братцы! Братцы! —раздался отчаянный крикъ сзади.

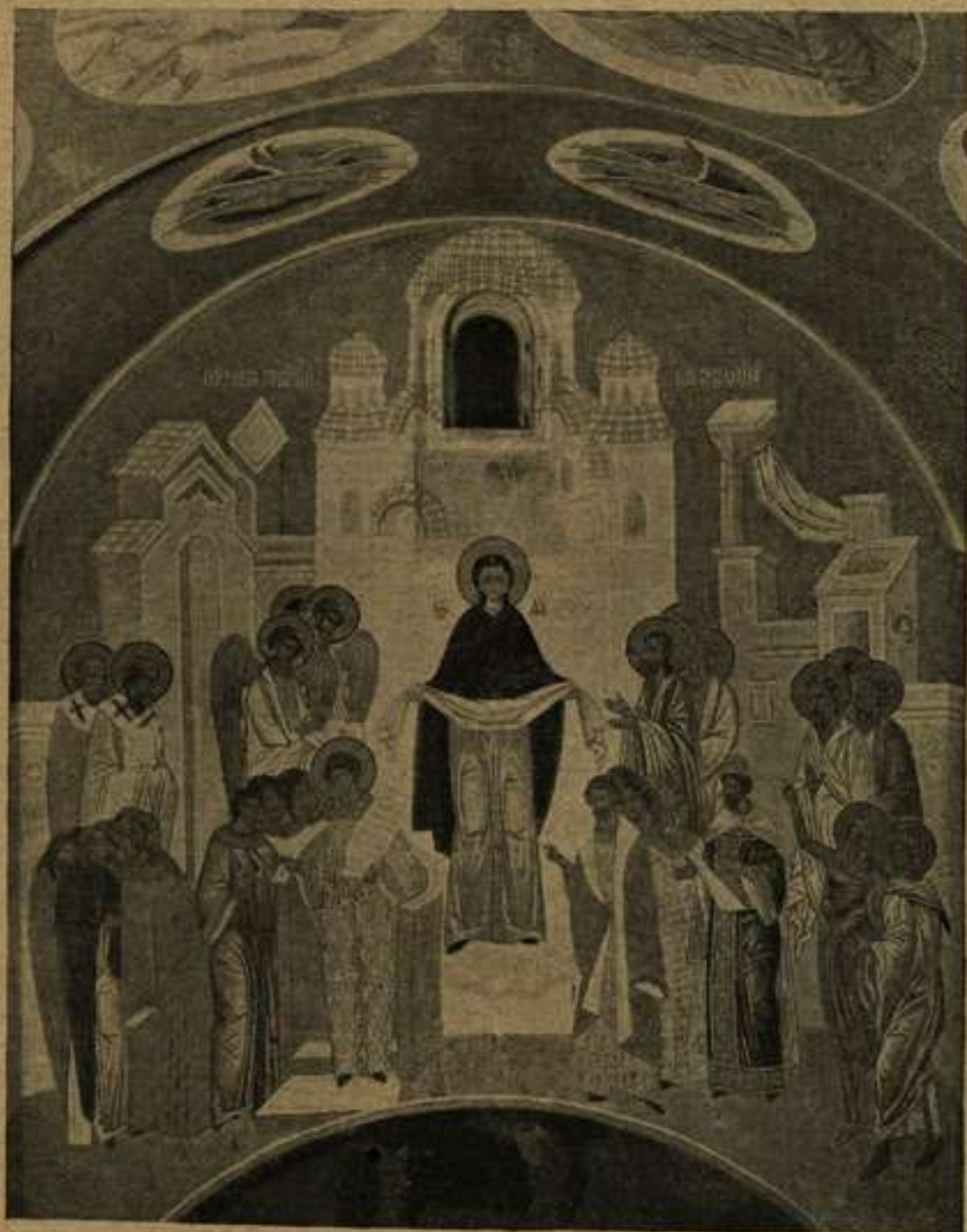
Круто посадивъ на крупь разгоряченнаго коня, чернородый оглянулся: за канатомъ на землѣ бился сраженный пулей конь казака Чернова, а самъ онъ, спотыкаясь, падая и вновь подымаясь, бѣжалъ за уходившими товарищами.

— Не останавливайся, уходи! —грозно кричитъ чернородый остановившимся на крикъ о помощи товарища станинникомъ. А самъ уже несетъ навстрѣчу вихрю пуль и бѣгущему Чернову.

— Садись сзади.

Черновъ дѣлаетъ отчаянные попытки махачковъ, уже лесилъ назадъ. Часто, сѣсть на бѣшенно-крутящагося на мѣстѣ коня, но напрасно,—раненый въ кисти руки и сильно помятый при паденіи, онъ не можетъ этого сдѣлать.

Нѣмцы учащаютъ огонь, вотъ фигуры

Покровъ Пресвятой Богородицы—на восточной стѣнѣ оваго храма.

Раб. худ. В. А. Плотникова.

Иконостасъ въ Николю-Александровскомъ храмѣ, сдѣланный фирмой Хлѣбникова по образцу иконостаса Московскаго Успенскаго собора.

ихъ въ нѣсколькихъ шагахъ, почти въ упоръ бьютъ.

Схвативъ обезсилѣвшаго товарища за руку, чернородый удалецъ волочить его къ канавѣ и, прикрывшись на моментъ крутымъ берегомъ и вновь останавливаясь, втаскиваетъ казака къ себѣ на коня.

Птенею вынеси степнякъ, перегоняемый роемъ визжащихъ пулъ, унося на своей крѣпкой спицѣ станичниковъ, къ темнѣющему впереди лѣску.

Долго еще лѣли на всѣ тоны пушечная въ десонку и наугадъ пули раздосадованныхъ Нѣмцевъ. Разъѣздъ, соединившись, по обращалъ на нихъ вниманія. «Спасибо тебѣ, Зиновій Ишковъ, давай тебѣ Богъ», — горячо благодарилъ вырученный отъ смерти, а что еще горше — позорнаго пѣвна, казакъ своего сизенталя.

Одобрительно поглядывали радомъ тропатавшіе станичники на рослую, молодцоватую фигуру своего начальника разъѣзда. Заря сѣдующаго дня видѣла Нѣмцевъ уходящими изъ горящаго уже селенія подъ патискомъ сѣвѣнныхъ уральцевъ.

Съерець.

Но красавица.

Сонетъ.

Я оцѣнилъ недавно вашу прелесть...

Вы не изъ тѣхъ, кто поражаетъ взоръ, Вы не возбуждете, входи, шептаній шельствъ,

Не ослѣпите глазъ, какъ метеоръ,

И гнѣтъ въ васъ роскоши сверкающаго лѣта,

Иль свѣтлой нѣжности мечтательной весны: Какой-то дымкою загадочной одѣта

Та прелесть скрытая, которой вы полны.

Она не въ линияхъ, она въ глубочайшихъ тайнахъ,

Въ нежданной рѣзвости, и въ искрахъ глазъ случайныхъ,

Въ томъ настроеніи счастливыхъ вашихъ дней,

Когда, васъ слушаю съ какой-то пѣтлой сладкой

И наслаждаюсь капризныхъ зарь загадочной,

Невольно думаю: «Какая прелесть въ ней!»

Н. Вильде.

Старая каменная пѣсня.

Баръ-градскій храмъ.

Въ толчеѣ столичной жизни, у бойкаго рынка, гдѣ въ воздухѣ висятъ зубоскальство, шутки-прибаутки торговцевъ, на тѣсной площадкѣ, въ скрещеніи нѣсколькихъ улицъ, поднялась неожиданно высокая маленькая церковь.

Поднялась, забѣла стѣнами, невзданной въ Питерѣ звонницей на одной изъ стѣнъ; свободно подняла на высокомъ, легкомъ поясѣ своего купола главу въ видѣ ратнаго шлема, и стоитъ, строгая и радостная, скромная и торжественная.

Строители—люди съ душой и сердцемъ, кивавшіе своимъ замысломъ. И съ первыхъ шаговъ они схватываютъ васъ въ охапку и переставляютъ васъ далеко, за нѣсколько вѣковъ.

Отрѣшимся отъ ежедневной жизни и отдадимся въ ихъ власть.

Необходима грань между божественнымъ и человѣческимъ, житейской суеугой и священной задумчивостью храма.

Сѣни съ колѣнчатой узковатой лѣсенкой, полуосвѣщенныя, со своими расписанными стѣнами: какой прекрасный переходъ отъ жизни къ религіозной

НА ВОЙНѢ.

Офицеры за обѣдомъ. Въмѣсто стульевъ—края вырытаго у импровизированнаго стола рва.

мечтѣ... Вошелъ въ нихъ—и уже позабылся миръ.

Откройте старыя двери, какія были въ теремахъ, и погрузитесь въ древнюю Русь.

Любовью и мечтой о прошломъ созданный храмъ охватываетъ васъ.

Этотъ иконостасъ, съ иконами, сплошь древними: какія чувства, какіе тона!

Смотрите на ликъ Богоматери въ «деисусѣ», въ Бя скорбныя и сильные очи... А эти краски, то праздничныя, — «полюція, взывающія», то лѣжныя, тихія... Эта свѣтло-палевая риза въ креслахъ на Николаѣ Чудотворцѣ. Хочется трогать руками, ласкать эту радостную матерію.

Нѣсколько лѣтъ назадъ известный нашъ археологъ В. Т. Георгіевскій сдѣлалъ открытіе, явившееся событіемъ въ исторіи русской археологіи: прекрасно сохранившіяся фрески въ глухомъ Оеранитовомъ монастырѣ новгородской епархіи, работы одного изъ лучшихъ русскихъ иконописцевъ, Дюнисія (конецъ XV и начало XVI вѣковъ).

Его свѣтлая душа выразилась въ прозрачномъ голубомъ фонѣ его созданій, въ особой радости его красокъ. Роспись стѣнъ новаго храма представляетъ собою первую въ Россіи попытку художественнаго переложенія древней иконописи.

Экзамеиъ выдержанъ.

Художники Плотниковъ и Щербаконъ вошли въ свѣжую, цѣльную душу того времени и въ живыхъ образахъ воплотили ясную религіозную мечту.

Виду сѣдой древности этого псково-

новгородскаго храма соответствуетъ я великоблѣнная оубѣла, и утварь.

Эти басмennyя рамы и украшения всего иконостаса, глубокой крѣпости для чтимой иконы Скорослушницы,—копія крѣпости, гдѣ въ Успенскомъ соборѣ въ Москвѣ стоитъ знаменитая «Владимірская», царскія двери со столбиками, дивный серебряный семилампадикъ передъ престоломъ, оброчной работы (чеканки), словно опрокинутыя малые вѣнцы, различные подлинныя ковши, покрѣпки, тарелки, аналойчики, древнія пелены пелернъ икононами,—все это шепчетъ ласково и умиленно:

«Старая Русь вамъ кланяется!»

Посмотрѣли бы мы на выносные подставки свѣчники невиданной, четырехгранной формы, или зеркальцо для духовенства съ рамой, крытой оловяннымъ кружевомъ.

И ходишь-ходишь среди этой возставшей въ тихомъ сіяніи, трогательной и зовущей старины.

Подынешься по узкой лѣстницѣ на хоры и оттуда смотришь на яру праздничныхъ красокъ. По еще болѣе узкой лѣстницѣ винтомъ обѣжишь внизъ въ нующихъ красокъ. «Палату» для заведенія комитета.

Любуешься подлинною печью свѣтло-зеленыхъ изразцовъ, стульями, ларцами... Сейчасъ войдетъ въ высокой горлатной шапкѣ старый спесивый бояринъ и заговоритъ...

Всякая мелочь тутъ обдумана, пролюблена, выношена въ душѣ тѣмъ энтузіастомъ старой русской красоты, какимъ является князь А. А. Ширинскій-Шихматовъ.

Привезли подарни

Это первый радостный крикъ здѣсь, съ сѣверной столицей, старой Русью къ блѣдной подражательности.

Русскому Богу—свѣча въ древне-русскомъ свѣтланикѣ.

Е. Писелавинъ.

Литературныя новости.

Горькій разсуждаетъ.

Вольте очень хорошо сказалъ: «дайте мнѣ слазу на одну жизнь только,—и я буду знаменитъ всю остальную жизнь».

Жизной прѣдѣль этой мировой инерціи предстаетъ Горькій. Когда-то, его первые, не Богъ съестъ какой талантливости, рассказы, совпашіе съ соціальной метаморфозой, съ пробужденіемъ «къ гражданности» новыхъ общественныхъ слоевъ, шумѣли на весь міръ, какъ творенія какого-то юзого Шиллера. Съ тѣхъ поръ Горькій очень потуживалъ, какъ беллетристъ, поостыло и художественное имъ увлеченіе, но самая его особа (отчасти, впрочемъ, вследствие его біографической экстравагантности) все еще держится въ свѣтломъ кругу общественнаго вниманія и безпокоитъ общественныя нервы. Въ газетахъ все еще печатаются, что сдѣлалъ Горькій, что сказалъ Горькій, куда онъ поѣхалъ, какое «живое слово» изрекъ.

Теперь онъ написалъ нѣсколько жизнеписаний, во всѣхъ смыслахъ, справивекъ, на тему о различіи восточной и западной культуръ («Дѣя души», статья въ № 1 новаго «радикальнаго» журнала «Лѣтопись»),—и пошла писать губернія. Заскрипѣли перья, и журнальная братія, начная отъ профессиональных «философовъ» и кончая злободневными публицистами, захлопотали вокругъ этихъ страничекъ. «Горькій думаетъ», «Горькій полагаетъ», «согласно идеямъ Горькаго»...

Между тѣмъ, онъ, въ сущности, ничего не думаетъ и не полагаетъ, и никакъ не у него гнѣтъ «идей». Потому что статья написана какимъ-то гимназистомъ шестого класса, изъ начальныхъ «самообразовательныхъ» «по Дреперу», успѣвшихъ кое-что прочесть и ничего не успѣвшихъ толкомъ продумать. Если бы статья была подписана не «однажды знаменитымъ» именемъ Горькаго, а какимъ-нибудь безличнымъ именемъ г. Капелькина, никто бы на нее не обратилъ ни малѣйшаго вниманія. Впрочемъ, никто бы ее и не прочелъ,—по той простой причинѣ, что ее видѣть бы не напечатала.

«Согласно идеямъ Горькаго», Востокъ, «какъ это извѣстно (кому?), является областью преобладанія (каковъ языкъ!) началъ эмоциональныхъ, чувственныхъ, надъ началами интеллекта, разума». Изъ дальнѣйшаго, конечно, открывается, что на Востокѣ—религія и вообще всяческій «мракъ», а на «арійскомъ» Западѣ—наука и всякое такое «просвѣщеніе». Ну, конечно: объ этомъ, вѣдь, именно и у Дрепера написано—«вѣкъ вѣры» и «вѣкъ разума», и «борьба католицизма съ наукой».

Для Горькаго все это ужасно ново, да, кромѣ того, онъ, какъ всѣ «начинающіе», беретъ все въ самомъ схематическомъ видѣ. Востокъ у него вообще вмѣстилище и источникъ всякаго зла: на Западѣ же, напротивъ, поскольку онъ не испорченъ и не «зараженъ» злымъ Востокомъ, сияетъ человѣческая добродѣтель и просвѣчиваютъ удивительныя «радіоактивныя» перспективы.

«Востокъ создалъ аскетизмъ, монашество, отшельничество и всѣ иныя формы бѣгства отъ жизни, мрачнаго отрицанія ея. Табакъ, опиумъ и другіе наркотики, цѣль которыхъ усилить или подавить эмоціи,—тоже (!) излюблены и даны міру Востокомъ». Такъ все и напечатано подрядъ, въ одномъ абзацѣ и почти въ одной фразѣ: монашество—и табакъ, отшельничество—и «другіе наркотики»...

«На Востокѣ берутъ свое начало скопчество, стремящееся прекратить размноже-

не человекъ «блугнствъ» все всѣ ф организаци

Невѣри парти, Гор ли сегодня беретъ св началось ливановъ

жду тѣмъ довали от крайней м

насть, Русе чевинка-М

сильной д на») И г

ческое блг характерно-д

Куда же б «спасаютс

ности соз

кое же сл

Китаѣ? В

путешестві знакомств

это характ

Запада. Р

Пенанцы земной ш

гнское «м

вѣсть» у

Или ещ

ность, фа

продукты изувѣрств

развилась

Западъ Ев

тати такіе «прививку

когда на Е

ничего под

Востокъ—

гія Зороас

сравнител

слишимъ

его проти

учебникъ?

Вообще «Англича

активистъ

роба. Пуст

восходяща

первый ш

слѣдующей

ясно, что з

ли ли вы

науки».—

Максимъ?

Послѣ «

никъ стих

ставляетъ

Квалитет

домъ, чѣм

жизнь и з

стареется

Большая

это стран

разказаи

Стремлені

всего того

рованіемъ,

ую инт

щество «и

ми оств

тельную о

селковой,—

произведе

никъ. По

счастія, а

рой все е

заставляет

гаго тако

новится п

вья разоч

это нашло

• М. Г

пожелтъ

Ц. 1 р. 50

ние человеческого рода, и анархическое «бегство», «странничество», отрицающее все формы социальной и политической организации».

Невѣрно, вовсе невѣрно,—садитесь на парту, Горькій Максимъ! Почему не выучили сегодня урока? Какъ же это скопчество беретъ свое начало на Востоке, когда оно началось въ Россіи? Развѣ Кондратій Селивановъ былъ Индусъ или Китаецъ? Между тѣмъ, Россію вы сами дальше помидовали отъ Востока, признавъ, что она, по крайней мѣрѣ, наполовину Европа («у насъ, Русскихъ, двѣ души: одна—отъ кочевника-Монгола, а рядомъ съ этой безсильной душой живетъ душа Славянина»). И гдѣ же это на Востоке анархическое бѣгство и странничество—эти характерно-русскія черты народной психики? Куда же бѣгутъ Индусы, «юги» которыхъ «спасаются», напротивъ, въ невозмутимости созерцательныхъ подвиговъ? И какое же странничество—въ «недвижномъ» Китаѣ? Вы хотѣ бы то припомнили, что путешествія, географическія открытія, знакомство съ чужими культурами—все это характерныя черты именно арийскаго Запада. Развѣ Персы или Туранцы, а не Испанцы и Англичане первые обогнули земной шаръ? А вы пишете, будто отъ-гипское «безпокойство, охота къ переменѣ мѣстъ» у насъ «тоже отъ Востока»!

Или еще у васъ: «религіозная нетерпимость, фанатизмъ, изуверство—это тоже продукты эмоцій Востока»... Какого еще изуверства лучше инквизиціи? А развѣ она развилась на Востоке, а не на крайнемъ Западѣ Европы? И почему мы должны считать такіе «продукты эмоцій» за какую-то «прививку» восточнаго начала къ Западу, когда на Востоке никогда и нигдѣ не было ничего подобнаго? Напротивъ, религіозный Востокъ—индуизмъ, мусульманство, религія Зороастра, религія Іеговы—отмѣчены сравнительной терпимостью къ «иному мысленію». Сравните-ка хоть Саладина съ его противниками-крестоносцами. Забыли учебникъ?

Вообще нельзя такъ полагаться на «Англичанина Содди», хотя онъ и «радио-активистъ» и наобидѣлъ вамъ съ три короба. Пусть «мы находимся на поворотѣ восходящаго движенія цивилизаціи, дѣлая первый шагъ вверхъ, на низшую ступень слѣдующей восходящей вѣтви...» Очень ли ясно, что это собственно значитъ? И поняли ли вы еще сами сіе «последнее слово науки».—о, великій гимназистъ Горькій Максимъ!

П. Перловъ.

Пѣсни о «прошломъ».

Послѣ «Пѣсень забытой усадьбы» сборникъ стиховъ «Листы пожелтѣлые» * составляетъ дальнѣйшій шагъ въ развитіи поэтическаго дарованія г-жи М. Веселковой-Кальштетъ. Еще болѣе вдумчивымъ взглядомъ, чѣмъ прежде, поэтеса смотритъ на жизнь и за ея вышними разнообразіемъ старается условить ея скрытый смыслъ. Большая часть «Листовъ пожелтѣлыхъ» это странички изъ исторіи женскаго сердца, рассказанной безхитростно и искренне. Стремленіе избѣгать вышнихъ эффектовъ, всего того, что могло бы показаться позированіемъ, расчетомъ на какую-то особливую интересность, составляющую преимущество «избранныхъ» натуръ передъ всеми остальными, всегда являлось отличительною особенностью дарованія г-жи Веселковой,—этой же чертою отмѣчены и произведенія, вошедшія въ ея новый сборникъ. Порывы юности, неясныя грезы о счастіи, молодая беззаботность, для которой все еще впередъ, и которая, поэтому, заставляетъ безпечно проходить мимо многого такого въ жизни, цѣлность чего становится понятной лишь впоследствии, первая разочарованія и горести любви,—все это нашло отраженіе въ книгѣ: но, являясь

* М. Г. Веселкова-Кальштетъ. Листы пожелтѣлые. Петроградъ. 1916 г. Стр. 131. Ц. 1 р. 50 к.

ПРАЗДНИКИ НА АНГЛІЙСКОМЪ БРОНЕНОСЦѢ.

Танцы матросовъ на палубѣ броненосца.

уже не въ зеленомъ весеннемъ уборѣ, а въ ра, гдѣ злою волшебницей «счастье заперло въ ларецъ».

Ты принялъ ихъ гордо, небрежно, Въдъ даръ былъ ничтоженъ и малъ. Ты сердце, любившее вѣрно, Вѣнокъ уронивъ, растопталъ. Лежало, тобою забыто, Оно въ придорожной пыли,— Но слезы безмолвныя чья-то Омыли его и спасли...

Какъ въ другомъ освѣщеніи, чѣмъ на зарѣ жизни, предстоить предъ поэтесой грезы о любви, такъ точно другимъ является и ея отношеніе къ «сказкѣ о счастіи». Далеко за морями есть таинственная пеще-

Только тотъ, кто въ сердцѣ вѣру Съ дѣтства чистою сберегъ, Можетъ ходъ найти въ пещеру И открытъ въ ларцѣ замокъ.

Не всегда, конечно, одинаково отношеніе поэтесы къ житейскимъ разочарованіямъ, къ уколамъ и царапинамъ жизни. Порою, отравленное скептицизмомъ, извѣрившееся въ возможности ликующаго счастія, сердце изливается въ жалобахъ—

Жизнь—усталость на дорогѣ, Утро—въ улицѣ столичной. Гдѣ скрипятъ съ грохотомъ дроги, И поетъ гудокъ фабричный. Домъ чужой, чужіе люди, Равнодушіе улыбокъ, И разборка въ вѣчной грудѣ И тетрадокъ, и ошибокъ.

Но есть одна область, которой не косну-

Анаст. Ал. СУВОРИНА въ роли «Адриены Лекуверреръ», въ пьесѣ Легуэ и Скриба. Сегодня эта пьеса идетъ въ 25-й разъ на сценѣ театра А. О. Суворина.

лось скептическое отрицаніе, есть алтарь, очинъ на которомъ не только не меркнетъ, но разгорается съ годами все сильнѣе. Чары родной страны все болѣе завлаживаютъ душой поэтесы, когда-то грезившей о пирамидахъ, о культѣ Изиды, о храмѣ Аммонна-Ра. Теперь доносится къ ней «волной знакомо-заунывный» нагвѣвъ жрецовъ Перуна—

И съ этихъ поръ поютъ мнѣ траги И шепчутъ бархатные мхи Про дни былые русской славы И про минувшіе грѣхи. Манить отъ края и до края Меня къ себѣ родная Русь... Ей пѣсни лишь одной слабая, Ея святинямъ я молось!

И, дѣйствительно, въ пѣсняхъ произведеніяхъ г-жи Веселковой («Трава», «Истуканъ» и др.) мы находимъ интересные отголоски этого настроенія, разумеется, не мимолетнаго, а пустившаго въ сердце прочныя корни. Это обращеніе къ источникамъ, тающимъ въ себѣ неисчерпаемые запасы самыхъ разнообразныхъ темъ, даетъ право надѣяться, что въ дальнѣйшемъ мы услышимъ отъ автора такія пѣсни, въ которыхъ, кромѣ горестей и радостей женскаго сердца, найдутъ отраженіе также и горести и радости «святой Руси».

Ю.—И.

«Не думавшіе о войнѣ» Нѣмцы.

«О войнѣ еще не думали...» Такъ называется повѣсть г. Н. Губскаго * (или, согласно обозначенію самого автора, «быль»), въ которой изображается пребываніе въ Германіи сына «русскаго сановника господина фонъ-Коншина», сначала мальчикомъ, въ качествѣ воспитанника одной изъ провинціальныхъ нѣмецкихъ гимназій, а затѣмъ молодымъ человѣкомъ, пріѣхавшимъ въ тѣ мѣста, гдѣ протекали его ученическіе годы, какъ бы для того, чтобы провѣрить впечатлѣнія дѣтства. Въ первой части повѣсти мы знакомимся, главнымъ образомъ, съ нѣмецкими педагогами и воспитанниками по ихъ системѣ юпами, и лишь мимоходомъ рѣчь заходитъ о другихъ сторонахъ нѣмецкой жизни. Методы воспитанія, изображаемые въ повѣсти, какъ «спеціально германскіе», едва ли способны вызвать сочувственный откликъ въ русскомъ читателѣ. Правда, авторъ причисляетъ наиболѣе яркаго представителя этой системы, учителя Линднера, къ выразителямъ того движенія «бури и натиска», которое когда-то «поставило драблуну, заставившую Германію на путь неугомоннаго совершенствованія». Но «бури» этого педагога выражались исключительно въ злобной брани по адресу учениковъ, а въ моменты его «натиска»—«что-то огромное, свирѣпое вдругъ срывалось съ кафедры, подкатывалось къ забывчивому ученику, вшивалось лѣвой рукой въ одну его руку, а правой наносило градъ звучныхъ ударовъ по другой». Какъ насадителей дисциплины еще болѣе высокой марки, авторъ рисуетъ представителей нѣмецкой арміи.—«Скотина! Болванъ! Чтобы тебя чортъ побралъ!» и т. д.—таковы были приемы обученія солдатъ, практикуемые «приземистымъ, бѣлобрысымъ, съ блесыми глазами» унтеромъ, причѣмъ, для болѣе убѣдительности, «кулакъ унтера ловко ударялъ по подбородку солдата». А присутствовавшій при этомъ нѣмецкій гимназистъ Лидке, «почтительно понижая голову», выражалъ свое одобреніе: «Ловко бьетъ!» Во всѣхъ почти офицерахъ, выводимыхъ въ повѣсть, мы находимъ черты «захлебывающагося самодовольства» или умышленно ими подчеркиваемаго «глубокаго сознанія своего превосходства надъ окружающими». И хотя нѣмецкій духъ успѣлъ мало-помалу наложить свой отпечатокъ на душу русскаго мальчика, но когда во время каникулъ ему вспоминалась

* Н. Губскій. О войнѣ еще не думали... (Быль). Петроградъ. 1916 г. Стр. 118. Ц. 1 р.

Россия, «родные и близкие люди с милыми, ласковыми, простыми лицами», то, на фоне этих воспоминаний, вся семья, в которой он гостил летом, — полумертвые хозяева, злобные дочери и деревянные глупые гости показались вдруг чужими и противными». Если подвести таким образом баланс впечатлений сына «сановника фон-Боншина» за первое его пребывание в Германии, то он составит скорее отрицательную величину, чем положительную. Несколько иным характером отличаются впечатления от вторичной его поездки, совершенной, впрочем, незадолго до войны. Здесь ему приходится вращаться уже не в кругу полумертвых хозяев, злобных дѣвушек и тупоумных майоров; напротив, владѣлец имѣнія, в котором он гостит, живо интересуется всѣм и благожелательно поучает молодого человека житейской мудрости, его три дочери одна очаровательнее другой, а сын его Куртъ обладает необыкновенно гѣлкой душой. Разница отчасти объясняется, может быть, тѣм, что мать этого помещика была Русской, а его сын Куртъ был «похож на бабушку»; которую «всѣ любили за очень доброе сердце». Несмотря на примесь русской крови, очаровательность старшей из трех

АНГЛИЧАНЕ ВЪ САЛОНИНАХЪ.

Английскій офицеръ кормитъ ручного ослина «Тиня», любимаго одного изъ британскихъ полковъ, находящихся въ Салоникахъ.

дѣвушекъ длилась только до той поры, пока къ ней не поватался солидный гѣмекскій «фрейгерръ», послѣ чего «эта умная и одаренная дѣвушка за нѣсколько дней всего превратилась въ шаблонную Нѣмку». Такая же участь ждала, вѣроятно, и другихъ сестеръ.

Въ повѣсти много разсуждений на тему объ особенностяхъ русской и гѣмекской культуры, причемъ окончательный выводъ изъ этихъ разсуждений можетъ быть формулированъ признаніемъ полу-русскаго, полу-гѣмекскаго помещика, что «трудно согласовать хотя бы въ себѣ одномъ славянскую природу съ германской». Но благодарный тонъ по отношенію къ Россіи со стороны всѣхъ Нѣмцевъ, резонирующихъ въ повѣсти о политикѣ, ездятъ авторомъ совершенно невѣрно. «О войнѣ еще не думали», — конечно, но не думали мы, Нѣмцы же, какъ мы теперь хорошо знаемъ, думали и даже очень много.

В. Ю. Б.

Редакторъ М. А. Суворинъ.
Издание Товарищества А. С. Суворина — «Новое Время».

УРАЛЬСКІЕ Драгоценные Камни
А. Ю. Пилсудскій.
НЕВСКІЙ, 96 (уголъ Надеждинскій).
Изумруды, рубины, сапфиры, александриты, цирконы, топазы и пр. и пр.
Пріемъ и быстрое выполнение заказовъ на всевозможныя ювелирныя издѣлія.
Художественная работа. Цѣны вѣ конкуренціи.
Телефонъ 168-95.

Уральская яшма,
ЮВЕЛИРНЫЯ ВЕЩИ, АКВАМАРИНЫ, АМЕТИСТЫ, ХРИЗОЛИТЫ и др. камни.
Пушкинская, д. II.

БЕЗЪ УЧИТЕЛЕЙ, БЕЗЪ УЧЕБНИКОВЪ,
а только по нашему изданію «Гимназія на дому», но подъ заочнымъ руководствомъ нашей Редакціонной Коллегіи, каждый въ короткое время можетъ
ПОДГОТОВИТЬСЯ НА ЗВАНІЯ:
Вольноопредѣляющагося I и II разряда, на класный чинъ, высш. начальн. сельск., народн. учителя, аптекарскаго ученика, цы, на 4 или 6 классовъ гимназій, на аттестатъ зрѣлости т. д.
Тысячи лицъ успѣли уже благодаря изданію «Гимназія на дому», достигнуть намѣченной цѣли.
Краткій проспектъ высылается бесплатно. Подробный за 15 коп.
Т-во „БЛАГО“ Петроградъ, Николаевская, 44-73.

ДЛЯ ПОХОДА
небывало свѣтло, долго горящіе
ЭЛЕКТРО-ФОНАРИ
Петроградъ, МОРСКАЯ, 33.
СКЛАДЪ НОВЫХЪ ИЗОБРЕТЕНІЙ.

Въ книжныхъ магазинахъ Т-ва А. С. Суворина «Новое Время»
ПРОДАЕТСЯ РОСКОШНОЕ ИЗДАНИЕ
ШЕКСПИРЪ
ВЕНЕЦІАНСКІЙ КУПЕЦЪ
СЪ РИСУНКАМИ
ДЖЕМСА Д. ЛИНТОНА
Цѣна 10 руб.

Въ книжныхъ магазинахъ «Новое Время»
ПРОДАЕТСЯ РОМАНЪ
М. ЛЕБЛАНЪ
Необычайныя приключенія Арсена Люизана
Изданіе 3 е Цѣна 50 коп.

„ПѢСНИ ЧИЖИКА“
М. В. Шретеръ. КНИГА 2-ая.

БЫСТРОЕ ПРЕКРАЩЕНІЕ ГОЛОВНЫХЪ БОЛЕЙ, НЕВРАЛГІИ, ИШІАСА,
простудныхъ и ревматическихъ болей, даетъ Кефаллол Д-ра Сторъ.
Отпускается изъ всѣхъ аптекъ по рецептамъ врачей. Кефаллолъ абсолютно безвреденъ. Остерегайтесь поддѣлокъ.

ВЫТЯЖКА ИЗЪ СЪМЕННОХЪ ЖЕЛЕЗЪ
ОРГАНОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЯ ЛАБОРАТОРИИ **Д. КАЛЕНИЧЕНКО.**
ПРИМѢНЯЕТСЯ: при неврастеніи, истеріи, невралгіи, старческой дряхлости, подагрѣ, ревматизмѣ, малокровіи, артеріосклер., туберкулезѣ, диабетѣ, головныхъ боляхъ, безсонницѣ, половомъ безсиліи, хроническомъ разстройствѣ питанія и сердечн. дѣятельн., общей слабости, послѣ тяжкихъ болѣзней: инфлуэнцы, сифилиса, послѣ родовъ, операций, кровопотери и проч.
Гг. ВРАЧАМЪ, ЛАЗАРЕТАМЪ и БОЛЬНИЦАМЪ СЪМЕННАЯ ВЫТЯЖКА лабораторіи Д. Калениченко для наблюденій высылается БЕЗПЛАТНО. ОБШИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ТРЕБОВАНИЮ БЕЗПЛАТНО.
Одинъ флаконъ сѣмной вытяжки въ продажѣ стоитъ пересылка—40 к., пересылка свыше одного флакона—БЕЗПЛАТНО. 2/3-й почтовый сборъ за наложенный платежъ всегда за счетъ заказчика.
Адресъ: Органотерапевт. лабораторія Д. КАЛЕНИЧЕНКО, Москва, Козловскій пер. соб. д. 10, кв. 33. телегр. адр. Москва, Калефлюндъ. 2р. 75к.
ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ
Вытяжка изъ сѣменныхъ железъ готовится естественнымъ путемъ безъ огня и химическаго реакціи и ничѣго общаго не имѣетъ съ химически изготавленными сперминами.

СЪДЫЕ ВОЛОСЫ
Если Вы желаете возстановить Ваши волосы въ прежній натуральный цвѣтъ, я могу выслать Вамъ удивительный препаратъ, который постепенно и незамѣтно для окружающихъ знакомыхъ возвратитъ имъ натуральный цвѣтъ.—Я съ радостью вышлю Вамъ подробное описаніе предлагаемаго средства.
СОВЕРШЕННО ДАРОМЪ.
Пишите немедленно! не присылайте ни денегъ, ни марокъ! Сообщите въ открытомъ письмѣ Вашу фамилію и точный адресъ.
Лабораторія КАЛЬТОНА, Москва. Отд. 109.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“
поступила въ продажу новая книга:
„БЕЛЬГІЙСКІЯ НАРОДНЫЯ СКАЗКИ“
переводъ Галибина.
Обложка въ краскахъ и иллюстраціи раб. С. ПЛОШИНСКАГО.
Цѣна 2 рубля.